

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

Выпуск 7

УДК 08(05)
ББК 72я5
У91

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Института социальных и гуманитарных знаний

Научный редактор: К.Н. Пономарев

Редакционная коллегия: М.М. Галимов, М.Д. Щелкунов,
М.Х. Фарукшин, И.З. Шахнина,
О.И. Алеев, В.И. Зуев, Е.П. Чирко,
Э.Н. Галеева, М.Н. Александрова

Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний / Науч.
У91 ред. К.Н. Пономарёв; Инст. соц. и гуманитарн. зн-ий. – Казань: Изд-во
«Юниверсум», 2009. – 311 с. – (Вып. 7).
ISBN 978-5-9991-0020-7

Выпуск «Ученых записок» Института социальных и гуманитарных знаний
представляет собой сборник научных статей сотрудников Института за 2008-2009 гг.

Сборник включает в себя работы, в которых рассматриваются проблемы
экономической теории и менеджмента, социологии, политологии, языкознания, а
также педагогики высшей школы и развития регионального туризма.

Материалы сборника предназначены для студентов, аспирантов,
преподавателей, научных работников, специалистов в данных областях.

УДК 08(05)
ББК 72я5

© Коллектив авторов, 2008, 2009
© ИСГЗ, 2009

© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2009

Глава I. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Астахова А.С.

аспирантка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

г. Казань

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ОБРАЩЕНИЯ ИНДИВИДА В НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Под новыми религиозными движениями (НРД) мы, в данном случае, подразумеваем религиозные объединения, образовавшиеся в конце XIX-начале XX века и позднее, особо распространившиеся в период после Второй мировой войны. Численность адептов НРД в России оценить достаточно сложно: по одним данным это 300 тысяч человек [1], по другим – данный показатель доходит до 1 миллиона [2]. Подобный разброс объясняется тем, что в одних случаях учитываются только НРД, характеризующиеся жесткой организационной структурой, которые также обозначают, как «тоталитарные секты». Другие же исследователи при подсчете численности адептов НРД учитывают индивидов, не принадлежащих к каким-либо организованным группам, но занимающихся какими-либо нетрадиционными практиками, либо людей, которые участвуют в жизни организации частично, к примеру, еще не прошли посвящение.

Религиозное обращение – процесс приобщения индивида к ценностям и нормам поведения той или иной религии. Таким образом, изучение процесса обращения помогает нам ответить на вопрос: «Почему индивид принимает данную религию?»

Первоначально, изучение религиозного обращения проводилось в рамках психологии (У. Джемс, У. Кларк, Ф. Стрикленд), но позднее разработкой концепций обращения занялись и социологи (Р. Нибур, Дж. Лофленд, Р. Старк, А. Баркер).

У. Кларк рассматривает обращение, как внезапное «эмоциональное озарение». Выделяет следующие этапы религиозного обращения:

1. Период беспокойства, духовного кризиса, нравственных и мировоззренческих поисков.
2. Этап непосредственного обращения, на котором индивид испытывает яркие и интенсивные религиозные переживания.

3. Этап, завершающий процесс обращения. Яркие эмоции уступают место чувству умиротворенности, внутренней гармонии, основанной на религиозной вере.

По Кларку обращение – удел немногих личностей, далеко не все верующие пережили обращение.

Ф. Стрикленд шире подошел к определению категории обращения, выделив 2 типа. Обращение первого типа сопряжено с кризисами и бурными эмоциональными переживаниями. Нередко при обращении подобного типа индивид переживает некие экстатические состояния, особый религиозный опыт, которые трактуются им, как подтверждение истинности той или иной религии. Второй тип обращения – постепенное приобщение к ценностям той или иной религии. Баркер отмечает, что особенность данного типа обращения в том, что индивид не всегда может оценить, в какой именно момент он увидел мир другими глазами.

Таким образом, мы трактуем процесс обращения по Стрикленду, то есть широко, поскольку нас, в отличие от психологов, в конечном счете, не интересует интенсивность религиозных переживаний субъекта.

Мы определяем обращение, как процесс принятия верований и приобщения к практикам той или иной религиозной организации.

В процессе изучения вопросов, связанных с обращением в НРД, мы столкнулись также с терминами «вербовка», «привлечение» и «изменение». Данные термины близки к понятию обращения, однако подразумевают активность со стороны «обращающей» организации и пассивность со стороны «обращаемого». Поэтому термины «вербовка» и «привлечение» целесообразно использовать, если мы подразумеваем стимулирование индивида к обращению. П. Бергер и ряд других социологов, предлагали заменить термин «обращение» например, термином «изменение». В качестве причины подобной замены выдвигалась идея, что термин «изменение» во-первых, полнее отражает постепенность процесса принятия новых религиозных ценностей. Во-вторых, большинство адептов НРД до этого состояли в каких-либо других конфессиях, то есть они не просто принимают новые убеждения, они отрицают старые и принимают новые, то есть происходит «изменение» веры. Тем не менее, термин «обращение» является более общим, удобным и используемым в социологической традиции, поэтому мы в своей работе употребляем именно его.

Изучение процесса обращения – важная часть анализа НРД. В силу того, что участники новых религий могут вести себя необычным образом, а в некоторых случаях коллективно совершать преступные

деяния, может создаваться впечатление, что в НРД может попасть только человек, имеющий проблемы с психикой. К примеру, теракты в токийском метро, совершенные сектой Аум Сенрикё, массовые самоубийства, имевшие место в организациях «Народный храм Джима Джоунса» и «Небесные врата», изоляция от окружающего мира, в ожидании конца света, пензенских сектантов создают впечатление, что в НРД вступают не совсем адекватные люди. Однако психологи утверждают, что относить всех участников НРД к числу лиц, с нарушением психики – большое преувеличение.

Обращение – разносторонний процесс, на который могут повлиять различные факторы. Говоря о факторах, способствующих обращению, мы подразумеваем личностные и социальные характеристики индивида, способствующие его обращению в религию. То есть в данном случае, мы не рассматриваем особенности НРД, в которое вступает индивид, а также не учитываем социальную ситуацию, сложившуюся на макроуровне – уровне государства и общества, поскольку ее влияние мы рассмотрели в предыдущем параграфе, говоря о факторах, способствующих распространению НРД.

Условно разделим основные факторы, влияющие на процесс обращения, на 2 группы:

- **Психологические факторы.** К группе психологических факторов можно отнести состояние эмоционально-волевой сферы, экзальтированность, внушаемость и другие характеристики психики человека, которые могут способствовать обращению.
- **Социальные факторы.** К группе социальных факторов обращения можно отнести неудовлетворительное состояние социальных связей индивида, ценностные несоответствия, влияние социального статуса, возраста, гендера.

На изучении психологических факторов обращения также сфокусированы ученые, утверждающие, что религиозное обращение – результат «промывания мозгов». Приверженцы данной теории обосновывают факты обращения, а также неадекватное поведение адептов использованием методик контролирования сознания индивидов.

Алан Эддридж, Айлин Баркер и ряд других западных социологов опровергают точку зрения исследователей, считающих, что «промывание мозгов» является единственным условием обращения.

По мнению Баркер, теория «промывания мозгов» фактически снимает ответственность за судьбу участников НРД со всего общества, за исключением лидеров новых религий. Подобная позиция способствует

оправданию практик депрограммирования, имевших большое распространение на Западе в 60-70-х гг. XX в. Депрограммирование – практика вывода человека из религиозной организации, сопряженная с внушающим воздействием, а зачастую похищением и насильственными действиями. Обоснование депрограммирования – сделать то же самое, что делают лидеры самых некоторых сект и культов, но с «обратным знаком». Депрограммирование в массовом масштабе дало скорее обратный результат – волна судебных исков от участников НРД по отношению к специалистам-депрограмматорам и их заказчикам-родителям адептов.

Если вернуться к этапам религиозного обращения, рассмотренным У. Кларком, мы видим, что самому факту принятия религиозных ценностей должен предшествовать период духовного кризиса, мировоззренческих поисков. Подобный духовный кризис можно трактовать, как сугубо индивидуальное явление. Однако, если вспомнить концепцию Дюркгейма, согласно которому даже за таким сугубо индивидуальным выбором, как самоубийство, могут стоять социальные предпосылки, можно сделать вывод, что вероятно существует целый ряд социальных факторов, способствующих религиозному обращению.

Социальные факторы обращения – факторы, способствующие в той или иной степени обращению, связанные с взаимодействием людей, а также с их статусом в обществе.

Рассмотрим ряд социальных факторов, способствующих обращению индивида в новые религиозные движения.

Недостаток общения. Важным фактором, способствующим обращению в НРД, может стать неудовлетворительное состояние социальных связей индивида. Данный социальный фактор обращения изучен лучше всего. Его рассматривают и социологи, и психологи. В силу возрастания анонимности в трансформирующемся обществе, неустойчивости социальных связей, индивиды часто отмечают, что страдают от одиночества. Тесное общение внутри религиозной группы – один из значимых факторов обращения. Распространенный прием вовлечения в Новые религиозные движения – «бомбардировка любовью», подразумевает повышенное внимание к новичку, постоянное присутствие рядом с ним, непрерывность общения. Если же в обычной жизни индивид испытывает недостаток общения, чувствует себя одиноким и непонятым, его первоначально могут привлечь общительные «братья», даже если само содержание учения ему неинтересно. Активнее всего пользуются данным приемом представители Церкви Объединения Муна, именно там и было дано его

название. Они смотрят с восхищением на новичка, хвалят его, даже если он ничего особенного не сказал, очень открыто ему улыбаются. «Бомбардировку любовью» практикуют и многие другие новые религиозные движения, например, Свидетели Иеговы. В процессе включенных наблюдений, мы постоянно фиксировали повышенное внимание и непрерывность общения. У Свидетелей Иеговы с потенциальным адептом, во-первых, постоянно держит связь наставник, с которым производятся изучения, во-вторых, с ним активно знакомятся на встречах, собраниях. Посетив всего одно собрание, можно познакомиться минимум с пятью Свидетелями. Наставник регулярно звонит, интересуется делами своего подопечного. Завязывается тесное общение, дружба. Специфика налаживания связей у Свидетелей Иеговы – в его постепенности. В других случаях, например, в Церкви Объединения индивида могут привлечь на какой-либо выездной семинар. Также имеет место определенное групповое давление – когда атмосфера всеобщего согласия вокруг создает впечатление, что все, о чем говорится – правда.

Неудачный опыт в рамках традиционных религий. Данный фактор выделяется у Еремичевой Г.В. как «неудачный опыт восстановления православных традиций» [см. 3]. Исследование Еремичевой проводилось в общине Церкви Христа в Санкт-Петербурге. Респонденты нередко указывали, что первоначально ходили в Православную церковь, но их оттолкнуло, в частности, «неприветливое отношение» некоторых других верующих. В качестве примера Еремичева приводит фрагмент одного из интервью:

«Я пыталась ходить тогда в православную церковь, вот в 90-х годах сделаться прихожанкой, но у меня это плохо получалось. Потому что там есть ограничения в форме одежды и все такое. В брюках вот туда лишний раз не придешь просто, и головной убор. И потом там не очень приветливы... (Ж. 65 л.) [3, 183]».

Некоторые последователи НРД Церковь Христа и Свидетели Иеговы, с которыми мы общались в процессе собственных включенных наблюдений, также отмечали, что имели неудовлетворительный опыт общения с православием. Одной из причин предпочтения НРД православию явилось, помимо «неприветливости», сложности с получением ответов на возникающие вопросы. В нетрадиционной общине все верующие стараются отвечать на любые вопросы, в традиционной же – большинство прихожан осведомлено достаточно мало, а обращаться к духовным лицам часто нет возможности, например, в ходе совершения ритуалов.

Ценностные несоответствия – несоответствие ценностей индивида с ценностями социальных групп, в которые он входит, и культивируемыми в обществе ценностями. Данный фактор можно трактовать как психологический, однако, на наш взгляд, групповые, а тем более, общественные ценности – аспект, скорее, социальный. Ценностные несоответствия возникают, как результат аномии. В процессе включенных наблюдений, мы неоднократно слышали от Свидетелей Иеговы, что они принадлежат к «чистой» в нравственном отношении организации и это один из значимых для них аспектов. В трансформирующемся мире с его философией вседозволенности, некоторые ищут ценностные ориентиры в религии. С той лишь разницей, что одни ищут их в традиционных религиях, а другие – в новых религиозных движениях. Однако неправильно утверждать, что все НРД являются оплотами нравственности. Часто их представителей обвиняют в обратном. Ярким примером является организация «Семья» (другое название «Дети Бога»), практиковавшая беспорядочные половые связи и педофилию, а также использовавшая проституцию в качестве способа зарабатывания денег и распространения вероучения. Возникла «Семья» в среде хиппи и формировалась под влиянием идеологии «свободной любви». Существует также ряд сатанинских организаций, практики которых могут оцениваться не только, как безнравственные, но и зачастую, как незаконные. Индивиды, попадающие в такие организации, также испытывают ценностные противоречия с обществом, однако, характер этих противоречий прямо противоположный. Они не ищут нравственности, а, напротив, считают современное общество ханжеским, а нравственность рассматривают с точки зрения ограничений, которые она накладывает.

Социальный статус. С точки зрения теории социальной дезорганизации, к НРД обычно относят представителей маргинальных групп, поскольку людей с удовлетворительным для них социальным статусом, с большой долей вероятности, не будут привлекать необычные верования. Однако по этой логике, с повышением уровня жизни в Европе распространение НРД должно было прекратиться. Достаточно сложно провести прямую параллель между уровнем доходов и вероятностью приобщения к НРД хотя бы в силу отсутствия однозначных статистических данных относительно численности последователей новых религий. Тем не менее, возможно оказывает влияние неудовлетворительный для индивида социальный статус, причем неудовлетворенность может вызывать не количество материальных ресурсов, а другие измерения статуса. Экономическое положение индивида может даже ухудшиться от его участия в НРД, но

он получает другие возможности для реализации, определенный статус в рамках своей группы. Свидетели Иеговы мужского пола реализуют себя в качестве проповедников, выступая на собраниях организации с докладами, причем пробует себя в качестве оратора и сантехник, и юрист на равных условиях.

Влияние возраста. Примечательным нам кажется также, что новые религиозные движения во всем мире считаются *религией молодых*. Многие НРД сознательно адресуют свою проповедь преимущественно молодежи. Однако, не совсем корректно определение всех без исключения новых религий как движений, ориентированных только на молодежь. Это в некотором роде зависит от специфики и направленности организации. Если НРД требует от своих членов полной отдачи (в первую очередь, постоянное проживание в общине и работа на организацию), туда чаще всего будут вступать молодые люди, которые еще не успели создать собственную семью, найти интересную и высокооплачиваемую работу. По данным Айлин Баркер [4, 10], средний возраст тех, кто составляет ядро Церкви Объединения – 23 года. Движения, которые взимают «членские взносы» или «десятину», чаще привлекают людей более старшего возраста, хотя бы потому, что платить взносы можно лишь достаточно зарабатывая.

Гендерные аспекты обращения. Отдельно хотелось бы обратить внимание на гендерный аспект. Женщины во многих НРД имеют равные с мужчинами возможности для реализации. В сатанинских группах женщин даже чаще ставят на более высокие ступени в иерархии, чем мужчин из-за представления, что женщина ближе к Сатане. В неохристианских организациях, таких как Свидетели Иеговы и Церковь Христа, женщина рассматривается как «помощник мужчины», не может выступать с проповедью на собрании, но вовлекается в подобные организации все равно чаще, чем мужчина. К примеру, на включенном наблюдении 22 марта, в единственный в году большой религиозный праздник Свидетелей Иеговы, мы насчитали в зале не более 20-ти мужчин, при общей численности людей в зале 160 человек. Примерно половина была приглашенные на праздник «не свидетели». На следующий день, на обычном собрании присутствовало порядка 17 мужчин, всего было 88 человек, в основном – действующие адепты. Таким образом, мы можем судить, что женщин в данной организации значительно больше. Связано это возможно с тем, что женщины, охотнее откликаются на проповедь.

Мы выделили социальные факторы, которые могут способствовать обращению индивида в НРД. Рассматриваемые нами психологические и

социальные факторы обращения индивида не являются прямой причиной обращения, а скорее создают для этого благоприятный фон.

На процесс обращения индивида влияют не только его индивидуальные психологические и социальные характеристики, но и особенности нового религиозного движения, по сравнению с традиционными религиями

Одна из таких особенностей – универсальность объяснительных моделей. «Гуру» новых религий часто предлагают ответы на все вопросы: видят причины социальных и личностных проблем, предлагают универсальные ценности, а также, в некоторых случаях, интерпретацию необычного опыта.

Также привлекает индивидов «семейная атмосфера», идеи всеобщего братства и теснота общения. НРД предлагают индивиду стать его второй, «духовной» семьей, часто при этом вытесняя из его жизни предыдущую семью. Во многих НРД в рамках общины друг друга называют «братьями» и «сестрами». В Церкви Объединения Муна последователи обязаны называть Сан Мен Муна и его жену «истинным отцом» и «истинной матерью».

Новые религиозные движения могут привлекать также своей необычностью. Особенно экзотика привлекает молодежь. Так, последователи Общества Сознания Кришны приобщаются к индийской эстетике – носят одежды, сходные с традиционными индийскими нарядами, осваивают народные инструменты. Неопротестантские движения привлекают людей, интересующихся западным образом жизни. В 90-е, когда россиянам в массовом масштабе не были доступны поездки за границу, многие НРД и протестантские деноминации были своеобразным «окном» в западный мир. Так Церковь Христа привлекала адептов, проводя курсы английского языка. Проповедники Церкви Христа, Свидетелей Иеговы нередко подражают американскому стилю поведения и даже немного имитируют акцент.

Также среди особенностей новых религиозных движений можно выделить существование «многоступенчатого учения». Как отмечает Баркер, индивид делает выбор в пользу странного НРД, который окружающим может показаться результатом внушения, зачастую не по причине внушения, а из-за обмана. «Вербовщики» часто не говорят названия религиозной организации, которая приглашает на семинар, беседу или сеанс йоги. Также существует целый ряд «подставных» организаций, которые фактически работают на новое религиозное движение.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на обращение индивида действует сложный комплекс факторов, таких как

индивидуальные (социальные и психологические) характеристики индивида, особенности нового религиозного движения, а также состояние других социальных институтов (например, традиционных конфессий) и общества в целом.

Литература:

1. Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. / Социологические исследования. №6. М., 2005. С. 35-45.
2. Кислюк К.В., Кучер О.Н. Религиоведение: Уч. д. ВУЗов. Ростов н/Д: Феникс, Харьков: Торсинг, 2004. С. 432-433.
3. Еремичева Г.В. Религиозный поиск и новые религиозные организации (на примере Церкви Христа в Санкт-Петербурге) / Г.В. Еремичева / Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. №3. С. 174-192.
4. Баркер А. Новые религиозные движения / А. Баркер; пер с англ. – СПб.: Изд-во русского христианского гуманитарного института, 1997. – 282 с.
5. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России / И.Я. Кантеров. – М.: б.и., 2007. – 472 с.
6. Угринович Д.М. Психология религии / Д.М. Угринович. – М.: Наука, 1986. – 352 с.
7. Aldridge A. Religion in the contemporary world / Alan Aldridge. – Cambridge: Polity. 2000. – 232 p.

Галеева Э.Н.

соискатель
Казанский государственный технический университет
им. А.Н. Туполева
г. Казань

ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В современном российском обществе, по причине сложных социально-экономических условий, семья переживает постоянные трансформации. Роли и функции ее членов претерпевают кардинальные изменения. Если в более консервативном, стабильном обществе функции отца, чаще всего, сводятся к финансовому обеспечению семьи, а функции матери состоят в процессе воспитания рождённых детей, то в современном, меняющемся обществе отцы становятся и кормильцами, и воспитателями, и агентами социализации подрастающих поколений, как и их матери. При этом закономерно возникает вопрос о том, какие социальные ценности и нормы передают родители, более всего отцы, своим детям, в какой степени они являются просоциальными, а в какой – отклоняющимися.

Современный толковый словарь русского языка термин «отцовство» трактует двояко, как «кровное родство между отцом и его ребенком» и как «свойственное отцу сознание родственной связи его с детьми; чувство, испытываемое отцом по отношению к своим детям» [3, 485]. Иными словами, прежде всего значимым является момент биологической связи между поколениями и только потом осознание этой связи. Заметим, что в современной действительности биологическое отцовство дополняется отцовством социальным, когда бездетные супружеские пары идут на усыновление либо устанавливают опеку над несовершеннолетними детьми, принимая на себя роль матери и отца. При этом каждый из них исходит из собственного понимания своей новой роли: отец/мать либо повторяют действия, которые осуществляли родители субъекта усыновления в его детстве по отношению к нему, либо копируют поведенческие стратегии собственных родителей, либо занимают позицию отрицания негативного, с их точки зрения, опыта собственных родителей.

Здесь интересна социализационная теория З. Фрейда, который утверждал, что в ситуации, когда сила чувств родителей и детей велика, степень влияния первых на вторых будет большой, и дети повторят родительский опыт. Если же эмоции негативны, дети уйдут от культуры родителей [7, 276]. В любом случае выбор делается в пользу партнёра с известными личностными характеристиками. Возникает чувство предсказуемости, комфорта, столь необходимое для функционирования семейной группы и исполнения её членами своих социальных ролей.

Социологический энциклопедический словарь под редакцией Г.В. Осипова выделяет иные характеристики отцовства, отмечая набор прав и обязанностей мужчины по отношению к ребенку, вытекающие из кровного или юридического родства [4, 229]. Как видим, здесь уже очерчивается вариант приёмной или опекунской семьи, а также акцентируется факт необходимости ролевого соответствия: отец – не всякий субъект, а только тот, кто исполняет отцовскую роль.

Известный российский социолог и социальный психолог И.С. Кон характеризует отцовство ещё шире. Остановимся на его понимании данного социального феномена.

С точки зрения И.С. Кона, отцовство (англ. *fathering*) есть «факт происхождения ребенка от данного мужчины, что подчеркивает кровную связь двух индивидов»; есть «социальный институт, регулирующий функции, права и обязанности отца», что выделяет его институциональный аспект; есть «аспект или компонент мужской идентичности», требующий от всякого взрослого мужчины осуществления своего социобиологического предназначения; есть

«соответствующие отцовские практики и связанные с ними чувства и переживания», что характеризует поведение и деятельность родителя мужского пола по отношению к ребёнку. Завершает столь подробную характеристику анализируемого понятия следующее заявление учёного: «Конкретное содержание этого понятия всегда зависит от контекста. Например, «проблема отцов и детей» в одном случае подразумевает взаимоотношения разных поколений, в другом – старших и младших, в третьем – детей и родителей, независимо от их пола, в четвертом – особенности взаимоотношений между отцами и сыновьями. Кроме того, существуют разные категории отцов: родные (биологические) и приемные, разведенные и одинокие отцы, несовершеннолетние отцы и т.п.» [1, 14].

Если исходить из названных категориальных характеристик отцовства, можно сконструировать следующее определение понятия «отец». Отец – лицо, осуществляющее социальные обязанности по отношению к своим детям обоих полов, которые заключаются в следовании социальным нормам взаимодействия старших и младших, находящихся в кровном или социальном родстве, осознающих данное качество отношений, способных на социальном и индивидуально-личностном уровнях исполнять родительские обязанности и эмоционально переживать факт их исполнения.

Важное значение имеет то обстоятельство, что все перечисленные трактовки понятия «отцовство» останавливают внимание больше на роли отца, чем на его статусе. Между тем отцовство, как, впрочем, и материнство, представляет собой биосоциальный институт. Оно предполагает наличие особого рода социальной связи между родителем и ребёнком, которая выражается в наследственном праве. Как известно, в природе роль самки заключается в зачатии, рождении и выращивании потомства, роль самца у многих биологических видов сводится к акту оплодотворения, и впоследствии какой-либо связи между самцом и его потомством может не быть. В социальной сфере ситуация иная. Индивидуальные отцовские практики, воспроизводящие ту или иную совокупность индивидуальных и социальных ролей, зависят от обстоятельств жизни и деятельности индивида, его социального статуса, личностных характеристик. Что же касается социального статуса наследника по отцовской линии как такового, то он обусловлен всеми теми социальными характеристиками, которые сопровождают личность самого родителя – социально-демографическими, социально-экономическими и иными.

Исследования социальных аспектов пола, касающихся разделения труда и различий социальных ролей по признаку пола, активно

проводятся социологами. Начало данной проблематике было положено ещё в классической социологии. Так, Эмиль Дюркгейм в работах «О разделении общественного труда» и «Самоубийство», опубликованных в начале XX в., затронул социальные проблемы пола, половых ролей. Учёный первым обратил внимание на тот факт, что численность самоубийств и психических заболеваний различна среди женщин и мужчин, того или иного брачного статуса: число самоубийств среди неженатых или разведенных мужчин выше, чем среди незамужних или разведенных женщин [5, 46].

Фридрих Энгельс остановился на явлении майората, суть которого состояла в наследовании имущества отца его старшим сыном, предполагающего передачу собственности либо старшему наследнику, либо одному из сыновей [8, 152]. В данном случае речь идёт о правовой стороне исполнения отцовской роли, фиксирующей социально-экономический статус наследника. Как в традиционной, так и в современной культуре отцовство неразрывно связано с феноменом наследования – имени, имущества, социального статуса.

И роль, и статус суть явления социальные. Ими определяются социальные функции отцовства, о которых здесь также следует упомянуть.

Американский социолог Талкотт Парсонс одним из первых выдвинул социологическую концепцию структуры женских и мужских ролей, хотя в его теории эта концепция носит характер иллюстрации к общетеоретическим построениям структурного функционализма [8, 153]. Парсонс считал, что для существования любой социальной системы необходимо выполнение так называемых инструментальной и экспрессивной функций. Инструментальная функция обеспечивает отношение системы – в данном случае семьи – с внешним миром, обеспечивает средства к существованию. Экспрессивная функция – это поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня напряженности членов союза. Парсонс утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие властности и жестокости), и экспрессивные (предполагающие мягкость и умение погасить конфликт) функции. Вот почему он считает очень важным разделение ролей, которое функционально и существует во всех социальных системах.

Парсонс делает совершенно естественный для традиционного биодетерминистского сознания вывод: роль инструментального лидера в семье всегда принадлежит мужчине, а женщина – это экспрессивный (эмоциональный) лидер. «Фундаментальное объяснение распределения

ролей между биологическими полами, – пишет Парсонс, – лежит в том факте, что рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку... Первичность отношений матери к ребенку ведет к тому, что мужчина, устраненный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном, инструментальном направлении» [8, 154]. Это – общая модель дифференциаций половых (как говорил Парсонс) ролей в современном индустриальном обществе. Профессиональная деятельность мужчины имеет чрезвычайное значение для семьи не только потому, что является основным (а иногда и единственным) источником средств существования для семьи, но и потому, что величина дохода и престижность работы мужчины определяют социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом. «Единственный способ быть настоящим мужчиной в нашем обществе – это иметь престижную работу и зарабатывать на жизнь», – утверждает Парсонс [9, 122-144].

Для женщин, по его мнению, основным является «статус жены своего мужа, матери его детей и личности, ответственной за домашнее хозяйство». Доминирующими женскими ролями, а значит и социальными функциями женщины, являются роли жены, матери, домохозяйки. Социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины, названный Парсонсом псевдозанятием, – ее подчиненную роль. Такая сегрегация ролей интерпретируется им как механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, статус, престиж и объявляется глубоко функциональной. В дальнейшем подобное разделение гендерных ролей получило название концепции естественного разделения труда между полами, согласно которой главное предназначение женщины – быть матерью и растить детей, мужчины – материально обеспечивать семью, поддерживать её социально-экономический статус.

Парсонс утверждал, что работа замужней матери не несет отрицательных последствий для супружества только в том случае, если она является не «карьерной», а просто «занятостью», не вносит существенного вклада в бюджет, т.е. лежит за пределами «соревнования с мужем» и не подрывает экономических основ его самоуважения. Но даже в этом случае, считает он, работа женщины вызывает нестабильность брака [5, 43].

В России биодетерминистскими концепциями занимался Геодакян, его теория, которая была популярна в 80-е годы, называлась

«информационной». Согласно данной теории, генетическая структура женщин устроена таким образом, чтобы накапливать, хранить («консервировать») и передавать информацию будущим поколениям. В отличие от этого генетическая и психическая структуры мужчин приспособлены для поиска и сбора новой информации. Отсюда вывод: мужчины – это творцы, а женщины – консерваторы (в хорошем, как считает Геодакян, смысле слова). Из этих информационно-биологических рассуждений автор не боится делать и политические выводы о том, что женщинам не следует стремиться изменять своему «природному происхождению» [5, 47].

Таким образом, социальные функции отцовства, с нашей точки зрения, таковы: экономическая, производственная, социального статуса, социального контроля, воспитательная, социализационная, духовно-нравственная. В соответствии с ними современный отец привносит в семью результаты своей социально-профессиональной деятельности, социального происхождения, традиций воспитания и воспитательной деятельности ориентационной семьи, идеологическую и социализационную составляющие, включая концептуальные положения отцовской, в частности, и родительской, в целом, стратегии функционирования и развития семейной общности.

Феномен отцовства подробно рассматривал И.С. Кон, начиная с архаичных обществ до наших дней. Важно, что И.С. Кон подчёркивает социокультурную основу роли отца. «У человека объем отцовской заботы и специфические отцовские практики зависят от социокультурных условий. В архаических обществах отцовство считалось одним из главных аспектов маскулинности, а плодовитость – важным показателем «мужской силы». Репродуктивный успех мужчины достигался в результате конкуренции с другими мужчинами и ассоциировался с агрессивностью и воинскими доблестями. Более сильные и обладавшие властью мужчины имели больше женщин и зачинали больше потомков, чем их менее удачливые соплеменники» [2, 14].

Ухаживать за детьми мужчине было некогда и незачем, это считалось женским занятием. Самый распространенный образ отцовства – архетип отсутствующего отца. В мифологическом сознании отец, чаще всего, выступает как *персонификация власти* (грозный отец, подавляющий и даже убивающий своих детей) или/и как *прародитель*, глава рода или большой семьи. Эти представления закрепляются в стереотипах массового сознания. Нормативный образ отца включает в себя несколько ипостасей: а) персонификация власти, б) кормилец, в) высший дисциплинатор, г) пример для подражания, а иногда и

непосредственный наставник детей, особенно сыновей, в общественно-трудовой и духовной деятельности. Соотношение этих ролей исторически изменчиво и зависит от особенностей того или иного общества [2, 15]. Как мы видим, данные положения отвечают вышеперечисленным социальным функциям отцовства и могут быть обозначены как культурологические основания социологического анализа отцовства.

Занятна мысль И.С. Кона о слабости и неадекватности «современных отцов» как одном из самых распространенных стереотипов общественного сознания. К сожалению, данный стереотип является в известной степени транскультурным. Учёные и публицисты разной этнической и национальной принадлежности констатируют: рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми.

При этом данные замечания интерпретируются по-разному. Одни авторы полагают, что происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала, т.е. налицо некая макроисторическая тенденция. Другие же склонны думать, что так было всегда, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей, а наши сегодняшние тревоги отражают только сдвиги в акцентах и стереотипах массового сознания [1, 305].

Для сравнительно-исторического анализа отцовского поведения социологи выделили четыре автономных фактора: мотивацию; умения и уверенность в себе; поддержку, прежде всего со стороны матери; институциональные практики (то, как данное общество поощряет отцовство, например, в плане предоставления отпуска по уходу за маленькими или заболевшими детьми и т.п.). В этом направлении необходимы социологические исследования, позволяющие выявить особенности современного отцовства как со стороны индивидуально-личностной, так и с социальной и социально-психологической точек зрения.

Кроме того, определены важнейшие параметры отцовского взаимодействия с ребенком. В их числе: 1) вовлеченность, ангажированность (непосредственный уход, общение или игра с ребенком); 2) доступность отца для ребенка и 3) ответственность, знание того, чего ребенок хочет, принятие соответствующих решений. Данные параметры должны быть «вложены» в наше определение отцовства как

феномена, в связи с чем, оно может быть предъявлено следующим образом.

Феномен отцовства означает передачу от общества к личности мужчины определённых социальных обязательств по отношению к детям обоих полов как биологических, так и «социальных», суть которых состоит в исполнении семейным мужчиной функций социально-экономического и духовно-нравственного характера, направленных на социализацию молодого поколения, его адаптацию и интеграцию в современном обществе на всех трёх уровнях – индивидуальном, групповом и общественном.

Потенциал российского общества с данной точки зрения изучен мало. Чаще всего все исследования затрагивают только социальный уровень. Как отмечает И.С. Кон, «в представлениях россиян (а это и есть общественный уровень – Э. Галеева) о справедливом распределении семейных функций традиционалистские установки борются с эгалитарными, реальное разделение труда и ответственности в семье остается скорее традиционным» [2, 15].

Вместе с тем, не менее значимым является групповой (семейный) уровень, которым определяется как социальное, так и эмоциональное самочувствие членов семьи. Как показывает практика, часть молодых высокообразованных мужей готовы взять на себя определённые семейные обязанности, что характеризует новое социальное время. Современные отцы участвуют в выработке стратегии воспитания, в досуговой деятельности семьи, что отличает отца из благополучной семьи «модели» XXI века от отца из аналогичных срединных слоёв общества, к примеру, середины XIX века. Однако, какие именно эти слои, из каких типов семейных структур формируются традиционные и эгалитарные типы полоролевых отношений, ещё следует выяснить.

Наконец, нужно изучить и индивидуальный уровень семейной социализации молодёжи с позиций исследования роли отца в данном процессе. Известно, что отец играет в семье не одну, а множество разных ролей, которые не только социальны, но и очень индивидуализированы. Традиционное отцовство было преимущественно авторитарным, и это его социальное наполнение. Как это ни удивительно, в нынешних условиях *авторитарный стиль* отцовства становится всё более желаемым и используемым в семьях разных типов и моделей. Авторитарное (можно сказать и иначе – *авторитетное* [1, 306]) отцовство оказывает самое благоприятное влияние на прохождение ребёнком всех этапов социализации, на его интеграцию в общество, овладение социальными нормами и правилами.

Индивидуальное наполнение роли отца связано с личностной интерпретацией родительской (отцовской) миссии мужчины. До настоящего времени с психосоцио-лингвистической позиции данный феномен не исследовался, и это то «белое пятно», которое остаётся в изучении феномена родительства/отцовства и требует оперативной разработки.

Литература:

1. Кон И.С. Ребенок и общество / И.С. Кон. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
2. Кон И.С. Отцовство как социокультурный институт / И.С. Кон. – Педагогика, 2005, № 9.
3. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002. – 960 с.
4. Социологический энциклопедический словарь. Ред.-коорд. – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Изд. Группа ИНФРА-М-Норма, 1998. – 488 с.
5. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН-МФФ, 2001. – 416 с.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
7. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»; Азбука; 2008. – 192 с.
8. Фридан, Бетти. Загадка женственности: Пер. с англ. / Б. Фридан. – М.: Прогресс, 1994.
9. Шаповаленко М. Теория и практика политической деятельности феминизма: Курс лекций. Под ред. И. Жеребкиной / М. Шаповаленко. – Харьков: Ф-Пресс, 1996.

Ибрагимова А.С.

старший преподаватель
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ЛИДЕРСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА СТУДЕНТА

Студенческая молодежь характеризуется определенными социальными признаками, отличающими ее от других социальных групп.

Различные теории лидерства исходят из того, что лидер должен обладать известными социальными признаками, отличающими его от всех остальных членов социума и обеспечивающими его принятие в качестве лидера конкретной социальной группой. Власть лидера легитимна потому, что опирается на авторитет, создаваемый поведением, отражающим личные качества индивида.

Таким образом, для того, чтобы приступить к исследованию проблемы формирования лидерских качеств у студенческой молодежи, необходимо выявить, во-первых, типичные личностные признаки студента, в контексте которых могут быть выявлены качества студента-лидера, обеспечивающие ему авторитет в группе, и, во-вторых, типичные социальные признаки тех групп, под влиянием которых происходит развитие личности будущего лидера и обуславливается принятие индивида, обладающего определенным набором личностных качеств, в роли лидера.

Иначе говоря, речь идет о типичных социальных признаках студента, его группы, членства и его референтной группы.

Студенчество, как уже отмечалось, составляет особую социальную группу, главным направлением жизни которой является подготовка к профессиональной деятельности. Необходимые для этого знания, умения, навыки формируются у студентов в процессе учебы. Учеба – доминирующий вид деятельности студента. Поэтому типичные признаки студента формируются и развиваются именно под влиянием учебной деятельности и учебного коллектива.

В то же время нельзя, конечно, забывать о том, что студент – это личность, уже достаточно сложившаяся к моменту поступления в вуз.

Структура личности включает в себя биологическую, психологическую и социальную составляющие.

Понятно, что для студентов, людей преимущественно молодых, характерны те же биологические и психологические особенности, которые отличают молодежь в целом. Это быстрота реакций и высокая чувствительность анализаторов, наибольшая пластичность в образовании поведенческих навыков и стереотипов, наивысшая скорость оперативной памяти и переключения внимания и т.д. Проще говоря, молодежь на все реагирует более чутко и гибко, чем представители других возрастных групп. Эта возрастная особенность помогает усваивать большие объемы информации, но препятствует закреплению установок, способствующих преобразованию информации в знания, ее систематизации: возникающие информационные структуры динамичны и неустойчивы. Этим, в свою очередь, создается предпосылка большей зависимости молодежи от внешних влияний по сравнению с более взрослыми людьми и даже детьми, не обладающими еще такой быстротой реакций и пластичностью формирования поведенческих моделей.

В социальном плане надо сразу же отметить, что молодость – это период наиболее активного развития нравственных и эстетических качеств, становления и стабилизации характера, овладения комплексом

ролей, обеспечивающих социальный статус человека. Динамичное развитие мотиваций, преобразование всей системы ценностных ориентаций, интенсивное формирование и развитие тех или иных способностей в связи с профессионализацией выделяют этот возраст в качестве определяющего, центрального периода становления характера и интеллекта человека. Складывается Я-концепция, выражающая доминанты самовосприятия личности молодого человека. На этой основе обостряется потребность в самоутверждении, в презентации себя как состоявшейся, успешной личности. Как правило, поскольку мир взрослых с настороженностью принимает молодежь в свои ряды, указанная потребность чаще реализуется в группе сверстников, приобретающей исключительно важное значение для молодого человека, проявляющееся во влиянии данной группы на развитие его личности.

Это то, что присуще молодежи в целом и студентам в частности.

Студенты вузов – это в большинстве своем более развитые, по сравнению с остальной молодежью, люди, обладающие значительными интеллектуальными возможностями. Их духовный мир, познавательные потребности, нравственный облик, физические качества являются предпосылками для становления и развития специалиста. Направленность на будущее, желание обрести не просто социальную самостоятельность, а достаточно высокий социальный статус, связанный с профессиональной компетентностью, мотивируют развитие личности студента.

К сожалению, в педагогической практике нередко встречается упрощенное представление о непосредственной проекции педагогического воздействия на личность студента. В действительности личность развивается только тогда, когда происходят те или иные сдвиги в ее собственном жизненном опыте, ее отношении к действительности.

Здесь огромную роль играет работа студента над собой. Расширяя свои знания, вырабатывая и совершенствуя все новые умения и навыки, он может внутренне существенно меняться, развивать свой характер и способности. Большое место в этих процессах занимают групповые влияния (семья, учебная группа, друзья и т.п.).

Эти изменения происходят по ряду достаточно типичных направлений:

- углубляется профессиональная направленность, развиваются необходимые способности;
- совершенствуются психические процессы, состояния, опыт;

- повышаются чувство долга, ответственность, профессиональная самостоятельность; рельефнее выступает личность студента, его жизненная позиция;
- растут притязания студента в области своей будущей профессии;
- на основе интенсивного обогащения социального опыта, овладения знаниями повышается духовная, политическая и нравственная устойчивость его личности;
- возрастает удельный вес самовоспитания и самообразования, самостоятельность и независимость мышления и поведения, критичность к социальным влияниям;
- повышается степень готовности студента к будущей практической работе.

Однако развитие личности происходит неравномерно. Неравномерность проявляется в том, что различные качества у разных студентов проявляются неодинаково. Зависит это от индивидуальных особенностей, отношения студента к будущей профессии, в основе которого лежит мотивация выбора вуза, его отношения к учебному процессу, коллективу и к самому себе. Поэтому подготовка специалиста с определенными качествами предполагает создание не только оптимальных внешних, но и благоприятных внутренних условий, учета внутренних противоречий в период становления его личности. Прежде всего, имеются в виду противоречия между различными мотивами поведения, например, между притязаниями на лидирующее положение в коллективе и недостаточным уровнем развития необходимых для занятия такого положения качеств.

Становление личности студента в вузе подчиняется общим законам: это диалектический процесс создания предпосылок к развитию, процесс возникновения и разрешения противоречий.

Под этим углом зрения выделяется три этапа развития личности студента.

Первый этап – целостное развитие личности, связанное с ее вхождением в новую социальную роль. Это период адаптации к условиям вуза, к новому коллективу, самоутверждения в условиях, когда вчерашний выпускник школы, успешно сдавший вступительные экзамены и поэтому чувствующий себя незаурядной личностью, попадает в среду себе подобных, да еще и младших в большом сообществе, студентов. Возникает очень болезненное противоречие между Я-концепцией «успешный молодой человек, счастливчик» и отношением окружающих, рассматривающих вчерашнего абитуриента

в качестве «бестолкового салаги». Главная задача – не потерять себя, самоутвердиться в новой группе членства.

Второй этап – целенаправленное развитие личности, связанное с отношением к будущей профессии, обретением самостоятельности, уверенности в себе как полноправному члену социума. Это период активного самоутверждения в социальной среде, обретение признаваемого другими статуса: адаптация сменяется активным отношением к условиям среды. Возникает новое противоречие: студент учится для того, чтобы закончить вуз, тем самым, ориентируясь на неизбежный выход из группы, в которой он приобрел устойчивый статус. Главная задача – презентировать достигнутый статус за пределами признавшей его группы, расширение группы членства.

Третий этап – доминирование в восприятиях и поведении студента установок на будущую деятельность, побуждающее осваивать приемы и методы профессиональной деятельности, приобретать необходимые для этого знания, умения и навыки, тем самым дистанцируясь от собственно студенческой жизни, ее проблем и противоречий. Это период перехода из состояния «студент» в состояние «молодой специалист». Главная задача – добиться признания в той группе, которая до сих пор была и пока еще остается референтной, но которая становится не только более значимой, но и более актуальной, непосредственно более влиятельной, чем группа членства. На этом этапе связи, соединяющие студентов, ослабевают. Новые еще не сложились. Студент по-прежнему не может быть уверен в адекватности своих представлений о референтной группе и ее требованиях и ожиданиях объективному состоянию этой группы, членом которой он еще не стал (по крайней мере, полноправным членом). В этих условиях саморазвитие личности становится более значимым фактором, чем групповое воздействие на нее.

Таким образом, на первом этапе скорее доминируют установки, сформировавшиеся вне вуза. Эти установки так же разнообразны, как и та среда, из которой пришел в вуз студент-первокурсник.

На втором этапе скорее доминируют установки, формируемые вузом. Они достаточно типичны.

На третьем этапе решающее значение скорее будут иметь факторы, направляющие саморазвитие личности студента, которые представляют собой результат индивидуального восприятия типового воздействия на личность в процессе обучения в данном вузе.

Можно сказать, что в студенческие годы к человеку постепенно приходит большая самостоятельность, а с ней и ответственность за свое поведение, более серьезное отношение к жизни. Выработка тех или

иных конкретных качеств перестает быть самоцелью, а воспринимается как более или менее существенный элемент системы качеств, необходимых для успешного овладения профессией.

Насколько специфика деятельности студента способствует такой динамике развития его личности?

Понятие деятельности студента включает в себя учебную, научную, общественную, трудовую, спортивную и прочие ее виды. Но ядро деятельности студента – его самосознание, под которым понимается осознание им мотивов, целей учебы, а также самого себя как субъекта учебной деятельности. Деятельность студента – фрагмент единой системы жизнедеятельности личности. Поэтому нельзя вырывать ее анализ из контекста изучения всего жизненного пути человека. Нельзя управлять поведением студента, воздействовать на него, не зная его довузовской жизни, с одной стороны, и его будущей профессии, с другой стороны. Целесообразно выявить три этапа деятельности студента: деятельность до вуза, во многом определяющую его поведение в период адаптации и особенности усвоения им требований вуза и будущей профессии; деятельность в вузе, типовые требования к которой преломляются сквозь призму прошлого опыта студента; и, наконец, деятельность после вуза, успех которой (и не только профессиональной) во многом подготавливается предыдущими двумя этапами. При этом важно учитывать, что перспектива высшей школы фокусируется в ее ориентации на таком обучении, при котором акцент с трансляции готового знания переносится на творческие способности человека, на умение самому систематизировать информацию, получая новое знание и проверяя его истинность на практике. Тем самым, студент действительно превращается в субъекта учебного процесса. Активное отношение к познанию предполагает избирательность подхода к объектам познания, его целям и задачам. Субъект сам решает, что и как ему надо изучать, ориентируясь, конечно, на определенный «социальный заказ».

В этом плане деятельность студента отличается как от деятельности школьника, так и от деятельности специалиста, профессионала. Главное отличие состоит в том, что деятельность студента становится учебно-профессиональной, тогда как элемент профессионализма практически отсутствует в деятельности школьника, а деятельность специалиста уже не носит учебного характера. Этим объясняется повышение роли мотивации к самообразованию и саморазвитию, которые становятся важнейшим условием формирования специалиста.

К числу специфических особенностей деятельности студента следует отнести и социальный престиж. Студенчество является наиболее подготовленной, образованной частью молодежи, что делает его одной из наиболее престижных социальных групп. Это не может не влиять на мышление и поведение студентов, усиливая, в частности, их психологическую зависимость от группы членства.

В результате, в самосознании студентов наиболее типичными недостатками являются субъективизм, предвзятость, недостаточная самокритичность. Именно поэтому достаточно часто у студентов можно отметить отсутствие адекватной идентификации сегодняшней учебной и завтрашней профессиональной деятельности, оценку учебных дисциплин не по их значимости для будущей профессиональной деятельности, а по иным второстепенным критериям и т.п.

Однако в целом самосознание студентов формируется на основе расширения знаний о качествах, необходимых им как гражданам и специалистам, адекватной самооценки уровня своего развития. Этому способствует ознакомление студентов с требованиями будущей специальности, с одной стороны, и закономерностями становления и развития личности, самопознания и самоанализа, с другой стороны.

Сегодня высшее образование ориентируется на подготовку специалистов, сочетающих глубокие специальные знания с умением находить новые решения задач, возникающих в условиях нарастания неопределенностей и рисков, на основе знания закономерностей познания и деятельности, социального поведения людей как источника всех изменений, происходящих в ноосфере.

Ориентация на подготовку таких кадров означает дальнейшее повышение роли фундаментального образования и придание обучению исследовательского характера.

Это особенно важно потому, что картина своей профессиональной подготовки и деятельности складывается у студента далеко не сразу:

- 1) поначалу отсутствует понимание взаимосвязи учебных дисциплин, каждая из которых рассматривается обособленно;
- 2) затем устанавливаются первичные логические связи между изучаемыми дисциплинами, но их связь с будущей профессиональной деятельностью пока не выявлена;
- 3) постепенно формируется целостная картина мира, показывающая, что дифференциация учебных дисциплин носит относительный характер;
- 4) на основе понимания объективного единства мира складывается иерархия дисциплин, отражающая степень

связанности каждой из этих дисциплин с будущей профессиональной деятельностью студента;

- 5) наконец, возникает понимание динамизма связи между содержанием учебного процесса и будущей профессиональной деятельности.

Как быстро идет этот процесс и насколько заверченный вид он приобретает зависит, конечно, не только от ориентации института образования, но и от направленности личности самого студента.

Направленность выражается в целях и мотивах поведения студента, его интересах, идеалах и установках. Направленность может быть узколичной или носить общественный характер, быть неустойчивой, всецело завися от ситуации, или устойчивой, определяя линию поведения. В ее основе – потребности личности. Стремление удовлетворить их мотивирует развитие одних способностей и склонностей человека и нейтрализацию и подавление других. Для того чтобы потребность стала мотиватором поведения, она должна быть достаточно сильной и устойчивой. Сила потребности определяется ее смыслом, то есть тем значением, которое придает ей субъект. Если речь идет о высших социальных потребностях, то их значение для субъекта определяется, прежде всего, его установками. Устойчивость же потребности, без которой не может сформироваться устойчивый мотив, определяется процессом подкрепления, решающую роль в котором выполняет позиция группы, значимых других.

Это особенно важно иметь в виду в процессе исследования формирования и развития социальных признаков студенческой молодежи.

Студенты более амбициозны по сравнению с другими группами молодежи. Но они так же пластичны в формировании познавательных и поведенческих навыков и стереотипов. Источники же исходной информации о возможных моделях восприятия и поведения у студентов значительно шире, многообразнее. Ограниченность практического опыта затрудняет отбор информации для построения, конструирования новых когнитивно-объяснительных и поведенческих моделей. Парадокс в том, что студенту труднее конструировать свою модель восприятия и поведения, чем такому же молодому человеку, более ограниченному в выборе возможных вариантов решения этой задачи. Зато ему легче выбрать что-то из уже известного ассортимента. То есть студент потенциально больше подвержен влияниям, чем представители иных слоев молодежи.

В то же время, основная его деятельность – проективна. Она направлена на будущее, а не на настоящее. Студент живет будущим и

сквозь призму своих представлений о будущем конструирует картину настоящего (субъективную реальность). Субъективная реальность для студента более значима, но и более удалена от реальности объективной. Студент дистанцирован от объективной реальности в силу специфики своей деятельности. Но объективная реальность дана человеку в его практическом опыте, в опыте повседневной жизнедеятельности. Как человек, студент не может не ощущать настоящее, то есть он воспринимает ее как объективную реальность. А его повседневный опыт студента как бы запрещает такое восприятие настоящего. Для поддержания и воспроизведения самосознания именно студента, направленного на будущее, студент нуждается в мифологической интерпретации настоящего. Он не находит ее в семье. Зато он находит ее в соответствующих СМИ и в студенческой среде, в своей «профессиональной» группе.

При этом конкуренция между СМИ в современном информационном обществе настолько высока, а финансовые инвестиции, необходимые для функционирования СМИ, настолько велики, что при общей направленности основных СМИ создается впечатление крайнего разнообразия интерпретаций фактов. Студент, ориентированный на самостоятельный поиск информации и не имеющий проверенных опытом навыков ее преобразования в знание, теряется в этом океане мнений и представлений. А это противоречит его амбициям как представителя наиболее успешной, интеллектуально развитой части молодежи, да и общества в целом. На этом фоне резко возрастает значение студенческой группы как инструмента подкрепления устойчивости потребностей и мотивов социального поведения студентов, их направленности на формирование и развитие определенных социальных признаков, установок, выражающихся в типичных моделях восприятия и поведения.

Студенческая группа – типичная малая группа, характеризующаяся функциональными и личностными связями между ее членами. Как малой группе ей присуща психологическая и поведенческая общность ее членов, которая, обособляя группу, делает ее относительно независимым социально-психологическим образованием.

Любое социальное образование обладает своими признаками. В данном случае надо иметь в виду такие признаки, как наличие общественно-значимой цели деятельности, общей для всех членов группы, определенной формы организации, руководства, известного уровня сплоченности, устойчивости и продолжительности существования, профессионально направленных ценностных ориентаций и др.

Каждый студент, войдя в новый коллектив, с одной стороны, испытывает на себе влияние других студентов, их настроений, мыслей и поведения, а с другой – сам воздействует на них. В результате возникает некая общность, не сводимая к механической сумме отдельных личностей, то есть обладающая синергетическим эффектом.

В то же время в группе у студентов развивается стремление к самоутверждению, определяется их социальный статус, формируются нравственно-этические и профессиональные оценочные критерии своего поведения и поведения других членов группы. Это воздействует на всю систему социальных отношений данного студента, включая и его отношение к людям, не принадлежащим к данной группе, к другим группам, оценочные критерии поведения «чужих».

Иными словами, принадлежность студента к группе влияет на его самовосприятие, самосознание и общее развитие.

Члены группы взаимодействуют и, следовательно, воздействуют друг на друга, оказывая соответствующее влияние на отношение членов группы к действительности, к другим людям и группам, на интенсивность и качество психических процессов, на формирование интереса к совместной деятельности и будущей профессиональной деятельности, на жизненные планы в целом.

Студенческая группа – это та среда, где студент впервые реализует свои возможности и способности в роли студента, будущего специалиста, участвуя в различных видах учебной деятельности; где он усваивает социальные критерии отношения к себе как субъекту будущей профессиональной деятельности, вырабатывает навыки, связанные с овладением избранной им профессией.

Этим определяются особенности студенческой группы, отличающие ее от других малых групп.

Во-первых, ее миссия состоит в содействии подготовке каждого студента к выполнению профессиональных обязанностей специалиста с высшим образованием. Студенческой группе присуща направленность ее членов на овладение профессией, общность интересов, задач и деятельности, обусловленных отношением к будущей профессии.

Во-вторых, типичная студенческая группа достаточно однородна по возрасту и уровню образования ее членов.

В-третьих, для нее характерна планомерность всей работы, определяемая учебными программами и последовательностью в обучении от курса к курсу. Основной ритм групповой деятельности задается извне.

В-четвертых, студенческой группе присущ сравнительно высокий уровень самоуправления: заданность извне основных параметров

деятельности группы, направленной на выполнение ее миссии, вызывает известное психологическое напряжение у ее членов, требующее компенсации в неформальном общении, взаимодействии внутри группы; роль неформальных отношений возрастает, что определяет ограниченность возможностей формализованного, внешнего управления группой. Этим обусловлена роль лидера студенческой группы.

В-пятых, студенческая группа стабильна в своем формировании и развитии. Основная масса ее членов одновременно включается в новое для себя социальное образование. Основной состав группы остается одним и тем же на всем протяжении ее существования. Основная масса членов группы одновременно прекращает свое членство в данной группе, после чего группа прекращает существование.

В-шестых, студенческая группа воспринимается как ее членами, так и другими социальными субъектами, в качестве временного социального образования, существующего определенный срок в определенном составе и неизбежно прекращающего свое существование по истечению этого срока.

Наконец, в-седьмых, в студенческой группе только в латентной форме присутствует важнейшая предпосылка глубинного воздействия группы на индивида – функциональные распределения (общественное разделение труда) внутри группы, обеспечивающие долговременные и устойчивые жизненно важные интересы каждого отдельного члена группы.

Таким образом, влияние студенческой группы на своих членов может быть достаточно велико, но оно всегда неглубоко, сравнительно поверхностно.

Степень влияния определяется адаптацией индивида к группе.

Адаптация в группе – взаимодействие личности и социальной среды, при котором происходит идентификация целей и ценностей личности и ее социального окружения, отождествление себя с группой как необходимой средой существования индивида при одновременном самоопределении личности во всем многообразии ее индивидуальных особенностей.

Учеба в вузе является принципиально новым этапом по сравнению с жизнью школьника: повышаются информационные нагрузки, возрастают требования к возможностям и способности отбора информации, ее систематизации и дальнейшего использования; все это сопровождается аритмичностью в работе, остро переживаемой молодежью гиподинамией, влияющей не только на физическое самочувствие человека. Усложняются межличностные отношения.

Возникают проблемы, связанные с оторванностью от семьи, устоявшегося круга друзей, проживанием вне дома.

Успешность адаптации в таких обстоятельствах обеспечивается в том случае, когда группа становится сферой реализации потребностей и стремлений личности, контекстом раскрытия и развития ее индивидуальных качеств, ее самоопределения.

В этом аспекте в студенческой группе происходят динамичные процессы структурирования, формирования и изменения эмоциональных и деловых межличностных отношений, распределения групповых ролей, включая и выдвижение лидера.

Однако авторитет каждого студента, его роль в группе, мотивы и способы самоутверждения в немалой мере зависят от мнения и поведения других членов группы. Именно это обстоятельство превращает жизнедеятельность студенческой группы в один из важнейших факторов развития личности каждого ее члена, независимо от глубины воздействия на него тех или иных компонентов этой жизнедеятельности.

Поэтому надо постоянно иметь в виду ряд механизмов и явлений, определяющих взаимодействие личности и группы, его процесс и результаты:

- подражание как осознанное или неосознанное следование примеру, образцу поведения;
- заражение как передача посредством непроизвольного восприятия состояний, установок, способов поведения;
- вытеснение как осознанное или неосознанное уклонение от действий, не обеспечивающих достижения целей субъекта, сопровождающееся переключением активности на иные объекты и цели действия;
- замещение как сознательная или подсознательная замена неэффективных установок более действенными способами восприятия и поведения;
- конформизм как внешнее принятие мнений, моделей поведения при внутреннем несогласии с ними;
- идентификация как отождествление себя или другого человека с группой, лежащая в основе любой Я-концепции;
- самоутверждение, отражающее стремление человека, оставаясь своим для группы, иметь возможность презентировать группе свою личность, индивидуальность.

Роль каждого из этих явлений и механизмов, раскрывающих формы и содержание отношений личности и группы, отражает состояние группы.

Состояние студенческой группы оценивается по трем основным направлениям.

Воспитательное направление предполагает анализ влияния группы на формирование и развитие духовно-нравственных установок, чувства долга и ответственности.

Социально-психологическое направление выявляет состояние и тенденции развития морально-психологического климата в группе, определяющего формы и характер отношений между членами группы, с одной стороны, и отношений членов данной группы и группы в целом к другим социальным субъектам – с другой.

Учебно-профессиональное направление проявляется в исследовании степени влияния группы на настойчивость и упорство студента в овладении выбранной профессией.

Очевидно, что при этом нельзя забывать, во-первых, об обратном воздействии личности на группу по всем трем направлениям и, во-вторых, о том, что лидер обнаруживает себя именно в таком воздействии.

Другая сторона изучения группы и потенциала ее влияния на личность состоит в исследовании взаимосвязи деловой и психологической структур группы.

Для студенческой группы характерно то, что в силу уже отмеченной неразвитости «общественного разделения труда», обусловленного равными требованиями к студентам в отношении усвоения ими учебного материала, деловая структура группы упрощена:

- староста;
- актив, если он сложился;
- остальные члены группы, слабо связанные между собой в процессе учебной и научной деятельности, отражающей миссию группы.

Но в то же время, психологическая структура студенческой группы может быть достаточно сложной. Более того, вынужденность в течение многих часов так или иначе взаимодействовать с людьми, необходимость общения с которыми не очевидна и не задана в самом «производственном» процессе, создает предпосылки таких психологических напряжений, которые не могут быть разрешены иначе, чем посредством усложнения психологической структуры группы. Следовательно, можно предположить, что чем проще деловая структура группы, тем сложнее ее психологическая структура. При этом подчеркнем, что обратная зависимость не типична: сложность деловой

структуры предполагает и достаточно высокий уровень развития, а значит и сложности психологической структуры группы.

Понятно, что взаимодействие упрощенной деловой структуры с достаточно сложной психологической структурой студенческой группы не может не вызывать определенных противоречий и трудностей, разрешаемых посредством возрастания роли неформальных структур и отношений внутри группы, сопровождаемой формированием новых лидеров, ростом конкурентности пространства лидерских действий внутри данного сообщества. Как это ни парадоксально, но такое состояние группы, по-видимому, способствует выявлению и развитию лидерских качеств студентов: каждая микрогруппа нуждается в лидере и каждый претендент на лидерство может попытаться создать свою микрогруппу, не нанося существенного ущерба основной группе в деле выполнения ее миссии.

Многоплановость деятельности студенческой группы обуславливает интенсивность внутригрупповых процессов, отличающихся сложностью самой деятельности группы, ее влиянием на всю систему взаимоотношений студентов. В студенческой группе, как правило, не наблюдается ни растворения личности в коллективе, ни полной внутренней изоляции от коллектива, что свидетельствует о том, что в ней складывается в целом конструктивный баланс интересов личности и группы, несмотря на всю сложность взаимодействия групповых структур, группового и индивидуального поведения. В то же время, для сплоченных групп характерно объединение их членов на обоих уровнях: внешнем – в сфере реальных взаимоотношений в процессе учебной и других видов деятельности, и внутреннем – в эмоционально-психологической сфере, в личностных взаимоотношениях.

Сплоченной студенческой группе присущи следующие признаки:

- высокий статус формальных лидеров;
- непротиворечивая совокупность индивидуальных статусов;
- соответствие статуса члена группы выполняемой им роли;
- совпадение взаимных оценок членов группы;
- частота и значимость межличностных контактов внутри группы;
- совпадение оценок таких контактов.

Разумеется, о степени сплоченности, уровне развития группы, определяющих влияние на личность, нельзя судить по отдельным фрагментам ее жизнедеятельности. Достаточно полная характеристика группы включает, по меньшей мере, шесть параметров: 1) социальный портрет студентов; 2) отношения внутри группы и с преподавателями, с

другими студентами; 3) аксиологические аспекты жизнедеятельности группы, выражающиеся в оценках поступков других людей, событий; 4) успеваемость, общественная активность студентов; 5) социальный портрет актива; 6) уровень самоуправления в группе.

Конечно, группа не сразу становится сплоченной и активной. Обычно выделяют четыре этапа формирования и развития группы.

Первый этап – организация группы; активная роль принадлежит деканам, кураторам, воздействующим на группу и ее членов непосредственно или через формального руководителя группы – старосту.

Второй этап – выделение лидеров, формирование актива группы, становящегося участником процесса организации и управления жизнедеятельностью группы.

Третий этап – формирование коллектива как целостности, направляемой и управляемой активом; формирование самоуправления.

Четвертый этап – преобразование коллектива в действительного субъекта групповой деятельности; утверждение и развитие самоуправления.

Легко заметить, что развитие группы неотделимо от процесса выявления и развития лидеров этой группы.

Однако в решении вопроса о степени воздействия группы на личность нельзя забывать о самом студенте. Большое значение имеет его внутренняя позиция, то есть сложившаяся еще до включения в данную группу и трансформирующаяся под влиянием этой же группы система отношений к действительности, учебе, выбранной профессии, другим людям. Поскольку она не всегда глубоко осознается субъектом и поэтому нередко проявляется в форме непосредственных эмоциональных переживаний, определяющих принятие или неприятие советов, замечаний, требований и прочих форм и методов влияния, постольку воздействие группы на личность неразрывно связано с ее воздействием на важные для личности способы взаимосвязи и общения с другими людьми (остракизм, слухи, реклама и т.д.). Как уже отмечалось выше, в настоящее время роль студенческой группы в развитии личности студента возрастает. Поэтому создание групп с высоким уровнем сплоченности и самоуправления, предполагающих возрастание мотиваций и стимулирования лидерского поведения, тем самым способствующих проявлению и развитию лидерских качеств, становится одной из важнейших задач всей системы воспитательной и организационной работы в вузе, ориентированном на воспитание личности, а не только на узкопрофессиональную подготовку.

Получается, что воспитание лидера – не самостоятельная задача, а одна из задач, формирующих в своей совокупности и взаимосвязи систему воспитания будущего специалиста в условиях, когда узкая специализация входит в противоречие с тенденциями развития рынка труда, требующими подготовки специалистов широкого профиля, способных к саморазвитию и переподготовке.

В основе такой системы лежит взаимодействие различных социальных реальностей:

- объективной реальности, одинаковой для всех членов социума;
- групповой субъективной реальности, содержание которой составляет система интернализированных представлений;
- индивидуальных субъективных реальностей, конкретизирующих по-своему групповую субъективную реальность;
- профессионально ориентированной групповой гипер-реальности, в основе которой – содержание нормативных представлений о необходимых для специалиста данного профиля знаниях, умениях и навыках;
- тоже профессионально ориентированных индивидуальных гипер-реальностей, содержание которых составляют усвоенные индивидом знания, умения и навыки, оцениваемые им с точки зрения их значения для будущей профессиональной деятельности.

Это взаимодействие и взаимовлияние происходит в некоей внешней среде, определяющей востребованность данной профессии, ее престижность, особенности организации воспитательного процесса и управления им.

Наконец, все это вместе взятое образует ту социальную структуру, которая лимитирует проявление и развитие определенных индивидуальных качеств, объясняя, в частности, почему в одних группах в качестве лидеров выдвигаются люди, обладающие такими-то признаками, а в других – люди, обладающие совсем иным набором социальных признаков; почему в одних группах поощряется проявление и развитие таких-то качеств, а в других – аналогичные качества не только не поощряются, но даже тем или иным способом подавляются.

Таким образом, чтобы не только объяснить феномен лидерства, но и целенаправленно воздействовать на процесс воспитания лидерских качеств студента, необходимо конкретизировать ряд вопросов.

- 1) Какой тип лидера предпочтителен в современном российском обществе?

- 2) Способствует ли нынешнее состояние социальной макросреды развитию личности в данном направлении?
- 3) Как влияет на проявление и развитие лидерских качеств, предпочтительных в современных условиях, состояние российской высшей школы, способствует ли в этом плане вуз, как социальный институт, развитию личности студента?
- 4) Какие качества лидера преимущественно востребованы в студенческой группе?
- 5) Насколько эти качества могут быть востребованы в будущей профессиональной деятельности студента?
- 6) Совпадают ли требования к личным качествам лидера:
а) общества (профессии), б) вуза, в) студенческой группы?
- 7) Не обуславливают ли различия между трудом и учением как типами деятельности, дуализма позиции вуза по отношению к воспитанию лидерских качеств у студентов, проявляющегося в непоследовательности предъявляемых требований к личным качествам лидеров?
- 8) Каковы представления самих студентов о лидерстве, качествах лидера, лидерском поведении?
- 9) Что надо сделать для оптимизации процесса формирования у студентов лидерских качеств, необходимых в их будущей профессиональной деятельности?

Ответы на эти вопросы заключены в соотношении предъявляемых к лидеру требований и состояний макросреды (профессиональная группа рыночного общества), мезосреды (высшая школа современного российского общества) и микросреды (повседневность современного российского студента).

Среда (структура) лимитирует поведение. Какова среда, таковы и нормы, правила поведения. Они определяют востребованность или невостребованность тех или иных качеств субъекта. Социальная среда формирует социальный заказ на определенные социальные качества личности. Личность может быть более способной выполнить этот социальный заказ, но может оказаться в силу своих индивидуальных качеств и полностью неспособной выработать в себе требуемые качества.

Целостность социальной среды определяет единство требований к личности. В этом случае социальный заказ воспринимается как единственно возможный и необходимый набор требований, исполнение которых обеспечивает человеку достойное место в обществе. Требования легитимизируются.

Если социальная среда не представляет целостного образования, отсутствуют предпосылки однозначной легитимации требований, предъявляемых к личности теми или иными социальными образованиями (различие требований воспринимается как их противоречивость), то требования невыполнимы, т.к. исполняя одни требования, мы оказываемся перед лицом невозможности исполнения других требований. В таких условиях никакие требования не могут стать легитимными. Личность теряет ориентиры, определяющие ее направленность. Формирование тех или иных качеств личности оказывается результатом спонтанного процесса. Доминирующим становится социально направленное поведение. Складывается приоритетность повседневности, ситуации по отношению к долгосрочным тенденциям общественного развития, к социальной стратегии.

Напротив, стремление выработать и, главное, реализовать определенную социальную стратегию – не так уж и важно, какую именно – предполагает доминанту поведения, сформировавшегося как социальное. Для этого необходимо единство, целостность социальных требований и нормативов, определяющих, какое поведение признается социально полезным, конструктивным, а какое – нет. Соответственно и личные качества, обеспечивающие конструктивное поведение, стимулируются социумом. Индивид стремится именно эти качества в себе и развивать. Социальный заказ на определенные личностные качества становится легитимным. Социум поощряет саморазвитие личности. А личность, в свою очередь, направлена на саморазвитие тех качеств, проявления которых ожидает от нее социум. Предпосылкой такого единства общества и личности является целостность социальной среды, непротиворечивость состояния ее трех уровней.

Поэтому анализ современного состояния социальной среды, в которой происходит формирование лидерских качеств российского студента, оказывается необходимым условием осуществления целей и задач данного исследования.

Литература:

1. Кравченко А.И., Анушин В.Ф. Социология: Учебник для вузов. 2003. – 432 с.
2. Кузнецов В.Н. Социология молодежи. – М.: Гардарики, 2005. – 335 с.
3. Молодежь и общество. Материалы науч.-практ. конференции (30 марта 2000 г.). – Ставрополь, 2000.
4. Социология молодежи: Учебник / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб, 1996.

Ибрагимова Е.Н.

заведующая кафедрой психологического факультета
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Савельева Т.В.

декан факультета психологии и рекламы
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОРАЗВИТИЕ СТУДЕНТА-ПСИХОЛОГА КАК СУБЪЕКТА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На сегодняшний день ценность образования, несомненно, выходит на первый план жизнедеятельности человечества. Высшей школе современной России необходимо учесть все требования, выдвигаемые новым временем, и в соответствии с ними выработать методологически стройную, четко функционирующую систему подготовки высокоинтеллектуальных специалистов. Следует подчеркнуть, что крайне важно сохранить все лучшее, что достигнуто в отечественной системе высшего образования за прошедший период ее развития. Кроме того, модернизация системы должна быть глубоко продуманной и осуществляться с учетом специфики российских условий и накопленных традиций.

Существует потребность в специалистах, отвечающих требованиям социального заказа: высокий профессионализм, активность, инициатива, высокий творческий потенциал. Для последующей эффективной, успешной, профессиональной деятельности большое значение имеют высокий уровень интеллектуального развития личности [3, 4, 7, 15], необходимое и достаточное количество усвоенной, профессионально важной информации, сформированное личностное и профессиональное самоопределение [6, 14], а также умение на основе рефлексии развивать необходимые личностные и профессиональные качества.

Очевидна необходимость ориентации подготовки современного специалиста не только на непрерывный прирост осваиваемых знаний, но и на его профессиональное саморазвитие и самоизменение личности [9, 10, 12, 13]. Методологически верно организованный учебный процесс не только должен способствовать максимально эффективному усвоению материала, но и в процессе обучения в вузе студенты должны постоянно развиваться как творческие личности [1, 2, 8].

Важным становится обращение к **проблеме** соответствия требований, предъявляемых к дипломированным специалистам, и

реальным уровнем овладения ими теоретическими знаниями, умениями и их способностями к личностному и профессиональному саморазвитию. Особую актуальность проблема личностного, профессионального развития и саморазвития студентов приобретает относительно профессий класса «человек-человек», более того, при подготовке психологов, в силу специфики требований к их профессиональной деятельности.

Проблема может быть успешно решена, если учесть, что в рамках высшего образования недостаточно организовывать учебный процесс путем только передачи знаний в готовом виде от преподавателя к студенту. Необходимо перевести студента из пассивного потребителя знаний в активного их творца, субъекта учебной деятельности, умеющего сформулировать проблему, проанализировать пути ее решения, найти оптимальный результат и доказать его правильность.

Нами было проведено исследование личности студентов-психологов ИСГЗ как субъекта развития и саморазвития, с использованием метода «Интервью с самим собой», разработанного Л.М. Поповым [10]. Данный метод апробировался с 1982 года на ряде факультетов Казанского университета. При его разработке автор опирался на целостный подход к личности, а самоинтервьюирование рассматривал как одно из проявлений самосознания, рефлексии личности. При использовании данного метода, применительно к задаче оценки уровня сформированности профессионального самосознания, необходимо исходить из постулата о том, что личность профессионала формируется в процессе непрерывного взаимодействия с окружающим миром и с самим собой, где профессиональное начало проявляется в овладении профессиональным языком (термины, понятия) и умении пользоваться инструментарием для решения экспериментальных и практических задач [5]. При обследовании конкретного человека с целью получения максимально полных данных и нахождения способов дальнейшего совершенствования его как личности каждому испытуемому необходимо дать план системно-психологического обследования. Это своего рода пространственно-ориентационное поле испытуемого. В ориентировочный план самоинтервьюирования, помимо традиционных пунктов (мой интеллектуальный потенциал как психолога, мой личностный потенциал как психолога, мой коммуникативный потенциал как психолога) были включены пункты, непосредственно соответствующие цели данной работы (Я-профессиональное как способ оценки сформированности профессионального самосознания: что я знаю и что я умею как психолог-профессионал?, мое основное направление в будущей

профессиональной психологической деятельности (теоретическое, прикладное), чего Я планирую достичь как психолог профессионал через 10 лет?). Кроме того, в самоинтервьюирование были включены два положения, стимулирующие движение к личностному и профессиональному росту: мои трудности и пути преодоления этих трудностей. Обследование проходило письменно с правом свободного изложения представлений о самом себе. В завершении испытуемые были ознакомлены с заключением по их работе. Акценты в интерпретации были расставлены так, чтобы косвенно подтолкнуть испытуемого к самостоятельным выводам о способах решения внутренних и профессиональных проблем, то есть к дальнейшему самоизменению, саморазвитию в сторону «зон ближайшего личностного и профессионального развития» [11].

В итоге анализа созданных студентами-психологами творческих работ нами были получены следующие результаты.

Значительная часть студентов (до 60%) может лишь констатировать отрывочные сведения о себе как личности на профессиональном языке. Таким образом, описывая представления о себе, например, по направлениям «мой личностный потенциал», «мой интеллектуальный потенциал», «мой коммуникативный потенциал» студенты не могут составить целостной взаимосвязанной картины. Знания о себе, полученные с помощью тестового исследования, путем самоанализа, самонаблюдения, знания «Я глазами других» представляются студентами дискретно. Они не могут проанализировать их с профессиональной позиции, сделать выводы, составить свой психологический портрет. Приобретая специальные знания, они не в силах воспользоваться ими так, чтобы накопленные знания стали для них внутренним языком, т.е. профессиональным языком, на котором они думают.

До 30% студентов – те, кто сделал язык психологии своим профессиональным языком, преломив профессиональные знания сквозь себя. Они также обладают всеми умениями, чтобы поставить перед собой проблему, наметить пути ее решения, владеют основными профессиональными навыками по проведению психодиагностического эксперимента, умеют обработать данные и соотнести их с поставленной практической задачей.

В отдельных случаях (до 10%) студенты не только показывают высокий уровень способности к личностному и профессиональному росту, но и достаточно инициативны в овладении знаниями из других областей (наук). Студенты данной группы не замыкаются на знании психологии, а самостоятельно изучают различные аспекты и других

наук: биологии, медицины, математики, иностранных языков и др. Как правило, их интересы затрагивают и область искусства: музыка, художественная литература и др. Важно, что все полученные знания студенты очень органично встраивают в свою профессионально-психологическую работу. Они интеллектуально инициативны и сами стремятся создать какой-либо проект: теоретической, экспериментальной, прикладной направленности. Студенты данной группы, в рамках своих научно-исследовательских работ или своей практической деятельности, создают авторские тренинги личностного роста, общения, ролевые игры и др. Проводя психологическое консультирование, успешно вырабатывают свой стиль их проведения.

Дальнейшее совершенствование образования, на наш взгляд, должно строиться так, чтобы значительно увеличить число студентов во второй и третьих группах за счет уменьшения их числа в первой.

В данном аспекте следует отметить, что самостоятельная работа студентов-психологов ИСГЗ является не просто важной формой образовательного процесса, а в некоторой степени его основой. Таким образом, все усилия по организации учебного процесса на факультете направлены на развитие умения учиться, формирование у студентов способности к саморазвитию, творческому применению полученных знаний, способам их адаптации к профессиональной деятельности в современном мире.

Самостоятельная работа осуществляется как непосредственно в процессе аудиторных занятий – на практических и семинарских занятиях, так и в контакте с преподавателем вне рамок расписания – на консультациях по учебным вопросам, так и в библиотеке, дома, на кафедре при выполнении студентами учебных и творческих задач.

В рамках внеаудиторной самостоятельной работы студентов реализуется: подготовка и написание рефератов, докладов и других письменных работ на заданные темы, при этом студентам предоставляется право выбора темы и руководителя работы; выполнение индивидуальных заданий, которое может получать как каждый студент, так и часть студентов группы; выполнение курсовых работ; подготовка к участию в научно-теоретических конференциях.

Одной из форм самостоятельной работы студентов-психологов ИСГЗ в рамках практических занятий являются «деловые игры». Тематика игр, как правило, носит конкретный прикладной характер, включает задачи ситуационного моделирования по актуальным проблемам. Цель деловой игры – в имитационных условиях дать студенту возможность разрабатывать и принимать решения.

Следует отметить, что психологические тренинги являются одной из основ любой психологической подготовки, представляющие собой систему целенаправленных тренировок и упражнений, которые позволяют развивать профессионально значимые качества личности психолога. В рамках психологического тренинга более эффективно усваиваются специфические профессиональные знания и умения, реализуется самостоятельная работа студентов.

Учебно-научный процесс на факультете психологии и рекламы ИЗГЗ ориентирован на практическую деятельность студентов. Студенты активно и систематически посещают консультативные психологические центры. Кроме того, базовыми учреждениями практик и реализации самостоятельной работы студентов служат средние образовательные школы и дошкольные образовательные учреждения. В рамках данной самостоятельной практической работы студентов реализуется психодиагностика познавательных процессов, психодиагностика личностных качеств и межличностных отношений детей дошкольного и школьного возраста. Студентами самостоятельно подводятся итоги и представляются результаты психодиагностического обследования, дается итоговая, интегральная характеристика уровня психологического развития детей-дошкольников и школьников.

Следует отметить, что на факультете психологии и рекламы ИЗГЗ большое внимание уделяется согласованности по времени сроков представления домашних заданий по различным дисциплинам, что приводит к равномерности распределения самостоятельной работы в учебном процессе. Кроме того, реализуется экспертная оценка сложности задания и времени, требуемого на его подготовку, обоснованная личным опытом преподавателей. Все эти факторы минимизируют риск формального отношения студентов к выполнению работы, списывания и уменьшения времени, реально затрачиваемого студентами на эту работу.

Таким образом, посредством самостоятельной работы студентов факультета психологии и рекламы ИЗГЗ пошагово реализуется получение высшего образования. Студенты получают определенный объем знаний, формируется понимание предмета изучения, вырабатывается умение применять изученные идеи. Венцом обучения является развитие и саморазвитие личности студента.

На наш взгляд, совершенно очевидна необходимость вести учебно-образовательную деятельность с учетом главного акмеологического принципа: продуктивность студентов, их перманентный личностный и профессиональный рост. Творческое созидание, являющееся важной составляющей в формировании способности к саморазвитию, должно

стать основной направляющей их учебно-профессиональной деятельности. Выпускник должен быть подготовлен не только как профессионал, но и как личность, как субъект деятельности. Кроме того, в учебно-образовательном процессе немаловажное значение имеет овладение психологической культурой, которое должно перейти в умение ею пользоваться, а в дальнейшем – в ее самостоятельное производство.

Литература:

1. Андреев В.И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс: учеб. пособие / В.И. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – 500 с.
2. Богоявленская Д.Б. Рабочая концепция одаренности: причины и цели / Д.Б. Богоявленская / Одаренные дети: теория и практика: Материалы Российской конференции. – М., 2001. – С. 26-35.
3. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта / А.В. Брушлинский. – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
4. Дружинин В.Н. Взаимоотношение репродуктивных и творческих способностей / В.Н. Дружинин / Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала. – М.: Институт психологии АН СССР, 1991. – С.131-142.
5. Ибрагимова Е.Н. Технологии профессионального саморазвития студентов-психологов / Е.Н. Ибрагимова / В.М. Бехтерев и современная психология: Материалы докладов на российской научно-практической конференции. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – Т. 1. – С. 401-407.
6. Климов Е.А. Введение в психологию труда: учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / Е.А. Климов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 197с.
7. Поваренков Ю.П. Психология становления профессионала: учебное пособие / Ю.П. Поваренков. – Ярославль: Изд-во ЯРГПУ, 2000. – 98 с.
8. Пономарев Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев.-М.: Наука, 1976. -303 с.
9. Попов Л.М. Концепция человека как субъекта развития и саморазвития / Л.М. Попов / Ученые записки Казанского государственного университета. – 2005. – Т. 147, кн. 2. – С. 123-138. – (Гуманитарные науки).
10. Попов Л.М. Психология самодеятельного творчества студентов / Л.М. Попов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 237 с.
11. Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н. Интеллектуально-личностное саморазвитие студентов-психологов / Л.М. Попов, Е.Н. Ибрагимова / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск. – 2006. – №2. – С. 90-96.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
14. Фоминых Е.К. Формирование готовности к личностному самоопределению в процессе профессионализации личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е.К. Фоминых, Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – 24 с.
15. Холодная М.А. Психологические механизмы интеллектуальной одаренности / М.А. Холодная / Вопросы психологии. – 1993. – №1. – С. 32-39.

ЧТО ФОРМИРУЕТ БРЭНДЫ? РЕКЛАМА ИЛИ PR?

Казалось бы, как можно ставить под сомнение заслуги вездесущей и всемогущей рекламы? Рекламой очарованы все, даже те, кто знаком с маркетингом и знает о PR не понаслышке. Но, если уже нам суждено было впустить в жизнь PR и рекламу, то нам же предстоит быть свидетелями их кризисов, переоценок ценностей, перемен во взаимоотношениях.

В Европе сейчас повсеместно заметен переход от маркетинговой политики, основанной на рекламе, к маркетинговой политике, ориентированной на PR. Американцы Эл и Лора Райс вообще заявляют, что «запустить новый бренд с помощью рекламы невозможно, потому что доверие к ней утрачено» [4, 7]. Реклама, пишут они, это голос самой компании, стремящейся продать свою продукцию. И в этом они правы. А для того, чтобы запустить новый бренд, необходима информационная компания или PR, который позволяет сообщать потребителям нужные сведения не напрямую, а через средства массовой информации. PR вызывает доверие и с его помощью можно создать позитивный образ и воспользоваться им впоследствии.

Но к российской практике эти заявления имеют такое же отношение, как и запуск ракеты имеет отношение к простому директору школы, где когда-то учился будущий космонавт.

Для большего или меньшего знакомства с проблемой, необходимо ознакомиться с самыми общими понятиями. Что такое бренд с точки зрения современного человека? «В буквальном переводе с английского **brand** означает сорт, марку, а также «выжженное клеймо». В современном употреблении бренд – это действительно «марка», высокий сорт. «Это что-то устойчивое», что знают все, что «выжжено» в сознании людей» [2, 166]. Примеров известных брендов можно привести немало. Это и красота Парижа («Увидеть Париж и умереть»), загадочность и чопорность Лондона («Туманный Альбион»). В России это высокая долговечность многих советских изделий и хрупкость всего созданного в постсоветские времена... Формирование таких брендов является одним из традиционных механизмов психологического воздействия рекламы. Значит ли это, что именно реклама создала все эти бренды? Может быть она только использует уже известные марки, наживая на них целые состояния?

Вот, например, российская реклама из роликов на ТВ. Для рекламы жевательной резинки Орбит берется такой сорт (бренд) ягод, который труднее всего употреблять в пищу – арбузы и дыни. Дыню не положишь в рот просто так. Нужно вымыть, нарезать на дольки, очистить от косточек. Или наоборот? Очистить от косточек и потом нарезать на дольки? Трудности процесса употребления, таким образом, становятся определенным брендом. Но, используя этот бренд, можно продемонстрировать легкость употребления жевательных резинок Орбит-арбуз, дыня и т.д.

Пример эксплуатации чужого бренда – не редкость для рекламы. Использование, например, известных людей для рекламы Пепси-Колы (Ксения Собчак), крема от морщин фирмы Лореаль (Джейн Фонда) – это ли не загребание жара известности чужими руками? Итак, реклама не создает брендов. Можно сказать, что при их создании она вообще не имеет значения. Бренд создается сообщениями в прессе, от третьих лиц, от тех, кто уже использовал данный продукт: друзей, знакомых, соседей.

Возьмем такой пример. Самые известные бренды в машиностроении на сегодня – это «Шевроле», «Додж», «Тойота», «Форд», «Нисан», «Крайслер», «Хонда». А какие машины предпочитаете Вы? Покупатели, как правило, обращают внимание не на рекламу, а на автомобили, которые видят на улицах, или на материалы специальных разделов СМИ.

В 1964 году новый «Форд-мустанг» был правильно представлен публике. Сведения о нем, первом спортивном автомобиле для людей, которые не любят водить спортивные машины, стали просачиваться в прессу почти за год до официального представления (медленный старт).

За 6 месяцев до запуска на рынок Ли Якокка (руководитель проекта) пригласил известных журналистов познакомиться с машиной. 200 репортеров слетелись на тест-драйв – белые машины на целую неделю предоставили в их распоряжение. Представление автомобиля публике произошло 13 апреля 1964 года на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Количество публикаций было просто невероятным. Это был первый такой случай. Количество продаж тоже было невероятным. Спустя всего 2 года с конвейера съехал миллионный автомобиль, и это событие было должным образом освещено в прессе.

«Все, что я знаю, – сказал кто-то, – я вычитал в газетах». Большинство людей знают только то, что они читали, видели или слышали в СМИ, или то, что им сказали люди, которым они доверяют. Еще лучше, если есть возможность попробовать, потрогать. Но обычно мы ориентируемся во внешнем мире с помощью прессы, радио и ТВ. Для большинства людей лучшее – это то, что считают лучшим другие.

Они получают информацию из двух основных источников: из СМИ и от знакомых. Ведь нельзя же жить в современном мире, полагаясь только на собственные глаза и уши. «По сравнению с властью прессы влияние рекламы практически равно нулю...» [4, 110].

Интересно, что американские рекламные агентства сами никогда не прибегают к помощи рекламы. В деле создания собственного брэнда они больше полагаются на ПР. Они продают рекламу другим, не стесняясь рекомендовать большие рекламные расходы. Почему же рекламисты предпочитают использовать «для внутреннего употребления» связи с общественностью? Если реклама не формирует брэнды, то что же она формирует и кто создает брэнды?

Брэнд и имидж

Д.В. Ольшанский, известный специалист в области социально-гуманитарных наук в России, пишет: «По мнению многих авторов, с точки зрения психологии, брэнд – феномен того же ряда, что и имидж [2, 165]. Есть, однако, и некоторая разница: понятие «имидж» считается более широким, чем брэнд (хотя такие оценки носят условный характер). Брэнд – наиболее яркая и заметная часть имиджа. Есть и некоторые другие различия. В коммерческой рекламе понятие «имидж» чаще относится к фирме или человеку, тогда как брэнд характеризует отдельные товарные группы и обычно закрепляется в форме логотипа или символа. Классический пример брэнда – название фирмы «Унитаз», производителя первых в мире унитазов. Похожее произошло в отношении названия фирмы «Ксерокс» – теперь ксероксами именуют все копировальные аппараты...»

Имиджи формируются с помощью «активных мероприятий» ПР, тогда как брэнды преимущественно средствами рекламы [2, 167].

На практике брэнд и имидж тесно связаны друг с другом. Неслучайно, как пишет Д.В. Ольшанский, брэнд обычно подразделяют на брэнд-нейм – словесную часть марки и брэнд-имидж – визуальный образ марки.

«Некоторые авторы считают, что технология создания брэнда близка к технологии создания моды» [2, 167]. Получается, что брэнд – это не что иное, как **мода** на тот или иной товар или услугу. «С этим можно согласиться только при одном условии: если считать брэдингом целенаправленное формирование целостного отношения не к объекту, а к его символу (названию, логотипу и т.д.) за счет придания этому объекту некоего «особого», «высшего» смысла, например, связанного с высоким **престижем**» [2, 167]. Брэнд похож на рекламу тем, что отражает в основном положительные стороны объекта, а это

односторонний подход. **Кризис рекламы неизбежен, как и кризис брендинга, основанного на рекламе.**

Ко всему вышесказанному хочется добавить, что российские бренды еще не завоевали себе такого положения, как импортные. Им нужны связи с общественностью, т.к. без поддержки покупателя российская промышленность будет метаться из-за глотка воздуха как рыба на льду, особенно сейчас, в условиях финансового кризиса. Необходимо признать неутешительный факт: реклама продолжает продвигать импортные бренды, российские товары с помощью рекламы бренда себе не создали.

Технология брендинга

Не будем забывать, что бренд и имидж – однопорядковые явления. И если бренд – составляющая часть имиджа, то это его наиболее яркая и заметная часть. **Бренд – это символ имиджа.** Но каждый ли имидж способен породить бренд? Можно ли создать вечную ценность?

Посмотрим на создание бренда с практической точки зрения. Понятие «бренд» и все, что с ним связано, для российской системы – новое.

Что необходимо иметь фирме, формирующей свой бренд:

1. Интеллектуальную собственность на маркировочную продукцию;
2. Собственную маркетинговую стратегию, рекламную политику, ПР с учетом общественного мнения и способов влияния на него;
3. Запатентованные технологии, содержащие ноу-хау. [5, 12].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что **бренд – это нечто особенное в имидже фирмы, способное пережить конкурентов, годы, выжить и остаться на рынке.**

Еще более, чем российские исследователи вопросами формирования бренда озабочены американцы и европейцы, что, возможно, вызвано надвигающимся кризисом рекламы в этих странах. «Реклама умерла. Да здравствует пиар!» – пишут Райсы [4, 10]. «Маркетинговая компания для большинства товаров, – пишут они, – строится на основе стратегии, состоящей из 4 этапов: разработка, исследование, реклама, формирование бренда. Теоретически в этом нет ничего плохого, но на практике обнаруживается одно слабое звено. Если не удалось донести название бренда до потребителя, считайте, что попытка сформировать бренд закончилась неудачей. Слабое звено здесь – это реклама. Потребители относятся к ней скептически [4, 11-12].

Как же создавались большие бренды? «Все маркетинговые успехи последнего времени были достигнуты с помощью пиара, а не рекламы»,

- утверждают Райсы [4, 12]. Это «Плейстейшн», «Гарри Поттер», «Майкрософт», «Йеху!».... Утверждается, что все они добились всемирной известности без всякой рекламы, также как, например, «Виагра», «Прозакс» и «Виокс».

Брэндинг средствами ПР, а не рекламы!

О какой компании, занимающейся производством и продажей компьютеров, чаще всего упоминает мировая пресса? Чаще всего это компания «Майкрософт». За 27 лет бренд «Майкрософт» стал вторым по величине международным брендом после «Кока-Колы» и сейчас стоит 65 миллиардов долларов. И он был создан с помощью ПР, а не рекламы.

Всегда ли нужно быть первым? Если вы хотите прославиться, то да. Но если фирма уже знаменита, то ее бренду необязательно быть первым – он и без того привлечет массу внимания прессы. Известность подобна деньгам. Кому достается внимание прессы? Компаниям, которые в нем не нуждаются, хоть это и несправедливо.

Создавая бренд, ПР покоряет высокую гору прессы. Когда цель достигнута, появляется могущественный бренд, такой как «Майкрософт». Теперь не Вы звоните журналистам – они звонят вам. Ваша задача – защищать бренд от негативных публикаций. Естественно, на пути вверх ваша стратегическая цель – раскрутить бренд. Для этого берут то, что предлагают СМИ. Чаще всего приходится начинать с какой-нибудь невнятной публикации и потихоньку «вкручивать» свою историю в более влиятельные СМИ.

Роль рекламы – это поддержка бренда. А когда нечего поддерживать, то и реклама не нужна. Например, пишущие машинки сошли со сцены с появлением компьютеров. Сколько же надо теперь тратить средств на рекламу пишущих машинок? Нисколько. **Реклама не в силах переломить тенденцию.** Если приходится переживать кризис, лучше дать старому бренду утонуть и запустить новый. **В итоге, стоит перечислить преимущества пиара перед рекламой в деле создания брендов.**

Основные положения здесь можно свести к следующим:

1. Реклама воспринимается, как нечто, навязанное извне, искусственное и принужденное. Читая же или слыша отзывы посторонних людей, потребитель не чувствует никакого нажима.
2. Рекламные кампании подобны военным операциям в том смысле, что они обычно приурочены к определенной дате, они лавинообразно начинаются в один определенный день,

охватывая все возможные каналы. Пиаровские же программы линейны, из одного этапа логически вытекает следующий, усиливая впечатление от предыдущего.

3. Большинство из тех, кто работает в сфере рекламы, верят, что любая рекламная кампания должна начинаться с «большого взрыва», особенно если ее цель – создание нового брэнда. Если же новый брэнд запускается с помощью пиаровской компании, то Вам придется наращивать объем информации постепенно. Начинаете с малого – с упоминания брэнда в каком-то незначительном издании и переходите к более значительным СМИ.
4. Реклама сегодня почти полностью визуальна, нарисована. Потенциальные покупатели делают выбор между тем или иным брэндом на основе словесных определений: этот брэнд лучше, дешевле, больше, легче, безопаснее, моднее и т.д. Реклама тоже может стать вербальной, но ориентируясь уже на то, что было заложено в сознание потребителя ПР.
5. В индустрии рекламы принято за аксиому, что надо стремиться охватить всю рекламную аудиторию. Но это не всегда приводит к успеху на рынке. В случае с ПР, вы стараетесь ради тех, кто передаст сообщение другим. Многие товары покупаются в первый раз по рекомендации или благодаря публикациям. ПР делает упор на авторитет издания и эффективность сообщения.
6. Фирма, запускающая рекламную компанию, предварительно решает, что именно и кому она будет ее продавать. Фирма, запускающая пиар – компанию, буквально отдает ее будущее в руки СМИ. Но именно СМИ приклеили к марке «Вольво» ярлычок *«безопасность»*, что принесло фирме новое расширение продаж. Раньше «Вольво» считалась, прежде всего, *надежной* на каменистых дорогах Швеции.
7. Нет ничего более бесполезного, чем вчерашняя реклама. Реклама живет недолго и умирает. Совсем другое дело – публикации в СМИ. Интересный сюжет будет жить вечно. В основе ПР-стратегии – сюжет. Важно, чтобы первая публикация была благожелательной, она окажет влияние на восприятие всех последующих.
8. Большинство компаний готовы тратить на рекламу гораздо больше денег, чем на ПР, иногда на несколько порядков. И напрасно – ПР гораздо дешевле, чем реклама.
9. Самый сложный вопрос в сегодняшнем маркетинге – не реклама и не ПР, а вопрос о том, нужно ли продолжать линии

давно известных брендов? Например: «Фотоаппараты «Кодак» и цифровые фотоаппараты «Кодак»». Оставить старое название или запустить новый бренд? Так, компания «Хонда» сменила рекламное агентство, когда средствами ПР запускала новый бренд «Акура» и не зря.

10. Если для рекламной компании новые бренды – обуза, то для ПР-компании – достоинство. Новое название бренда – свидетельство, что создано что-то новое, чего еще не было.
11. У рекламы есть одна проблема: передаваемое с ее помощью сообщение почти полностью игнорируется. Как привлечь внимание потенциального покупателя к рекламе? Это очень серьезный вопрос. Создание бренда требует взвешенного подхода. Как определить категорию, чтобы стать в ней первой? Как выбрать подходящее название для бренда? Как заинтересовать СМИ? ПР серьезен.
12. Что более креативно? ПР или реклама? Этот вопрос может показаться парадоксальным. Ведь реклама гордится своей креативностью. Но реклама, ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ БРЭНДЫ, НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ОРИГИНАЛЬНОЙ. Ее задача – укрепление известного. Реклама должна быть интересной. Креативным же должен стать ПР, а не реклама, ведь именно он продвигает нечто новое и необычное.
13. Реклама теряет доверие потребителей, поражая своей неправдоподобностью. И как бы с помощью креативности это ни старались замаскировать, рекламное сообщение, по сути, останется недостоверным. У ПР тоже есть проблема. Люди не верят слепо всему, что читают в газетах и видят по телевидению. Но отвергают они лишь ту информацию, которая противоречит их убеждениям.
14. И главное, рекламу ждет блестящее будущее, если она займет в жизненном цикле бренда свойственную ей роль. После создания бренда с помощью ПР его позицию необходимо поддерживать с помощью рекламы. С другой стороны, должен подняться уровень значимости ПР. В конце концов, перед любой компанией встает одна и та же проблема: как создать новый бренд? «Плейстейшн», «Нокиа» и другие бренды созданы не с помощью рекламы, а с помощью ПР. Некоторые бренды, которые существуют уже несколько десятков лет, так и не вошли в сознание потребителей. При выборе маркетинговой политики их нужно считать новыми, нуждающимися в

значительной дозе ПР, прежде чем обращаться к рекламе для поддержки.

Сначала ПР, потом реклама. Это ключ к успеху на сегодняшней маркетинговой арене!

Литература:

1. Василенко А.Б. Пиар крупных российских корпораций / Третье издание. – М.: ГУ ВШЭ, 2005.
2. Ольшанский Д.В. Политический PR. – СПб: Питер, 2003.
3. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. – СПб: Питер, 2005.
4. Райс Э. и Л. Расцвет пиара и упадок рекламы. – М.: Ермак, 2007.
5. Федько Н.Г., Федько В.П. Маркетинговые коммуникации. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

Калашникова Г.В.

директор

Некоммерческое партнерство

«Институт социально-экономических исследований»

г. Елабуга

ПРОБЛЕМА НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Наркотизм является одной из важнейших социальных проблем в современной России. Эпидемия наркомании, начавшаяся в стране, – это глобальная угроза здоровью населения страны и национальной безопасности. Масштабы и темпы роста уровня наркотизма сегодня таковы, что ставят под вопрос физическое и моральное здоровье и само будущее значительной части российского населения.

Наркомания не только продолжает существовать, но и набирает обороты – как в количественном, так и в качественном выражении. По оценке ООН, наркомания и связанный с нею незаконный оборот наркотиков в настоящее время являются одними из главнейших проблем безопасности цивилизации наряду с угрозами мировой ядерной войны и экологической катастрофы [4, 78].

С 1990 года уровень потребления наркотиков вырос в России почти в десять раз и в среднем в 8 раз превышает соответствующие показатели стран Европейского Сообщества. После короткого периода стабилизации 2001-2004 годов, с 2005 года кривая поставленных на учет с диагнозом «наркомания» снова пошла вверх. Отрицательная тенденция развития наркоситуации отчетливо видна в ежегодно растущем количестве вновь выявленных наркозависимых лиц. Так, в 2005 году было выявлено 60 тысяч наркоманов, в 2006 году – 70 тысяч, а в 2007 году

– уже 78 тысяч. Ремиссия состоящих на наркологическом учете составляет менее 2 процентов, а в латентной среде наркоманов значение данного показателя практически приближается к нулю [6].

Главным вектором увеличения масштабов наркомании становится возрастной вектор. Это общемировая тенденция. По данным Международного комитета ООН по контролю за наркотиками, в некоторых странах число несовершеннолетних, хотя бы однократно пробовавших марихуану, превышает 37%. В России отмечается снижение возраста наркопотребителей. Возраст приобщения к наркотическим и психотропным веществам, согласно данным ВНИИ МВД России, снизился до 14,2 года среди мальчиков и 14,6 года среди девочек. Регистрируются случаи наркомании у детей 11-13 лет [5, 22].

Таким образом, начинается процесс деградации значительной части тех, кто мог бы составить образованную и квалифицированную социальную группу государства, в которой общество нуждается.

Многие исследования последних лет посвящены изучению молодежной и, в частности, подростковой наркомании и токсикомании (Г.Я. Лукачер, Н.В. Макшанцева, Л.Е. Кессельман [2], Е.Л. Омельченко [3], Г.И. Саганенко, Ф.Э. Шереги [1]).

В процессе изучения социологической литературы о наркотизации как социальной проблемы выявлено:

1. Различные аспекты наркотизма затрагиваются в медицинских, правовых, психологических и социологических исследованиях. Одними из главных проблем, обсуждаемых учеными, являются объяснение причин наркомании и процесс приобщения к наркотикам. Гораздо меньше исследований посвящено факторам, препятствующим наркотизму.
2. В современном российском обществе наркотизм стал значимой социальной проблемой в результате резкого увеличения нелегального оборота наркотиков, развития наркорынка, увеличения числа и снижения возрастных границ потребителей наркотиков.
3. Распространение наркотизма является следствием трансформации российского общества, вызванной противоречивостью социально-экономических преобразований, недостаточной сформированностью социальных институтов, ослаблением механизмов социального контроля.

Анализ материалов общероссийских и региональных исследований показал:

1. Уровни наркотизации населения Республики Татарстан и России в целом идентичны. По итогам последних трех лет, несмотря на улучшение наркоситуации, в Татарстане сохраняется общая для страны тенденция роста наркопотребления молодежи.
2. Точных сведений о численности группы риска детей, подростков и молодежи, с которой необходимо вести активную профилактическую работу, нет, поскольку она представляет собой скрытую часть проблемы. Отсутствует общероссийский банк достоверных данных о динамике демографической и социальной структуры группы детей, подростков и молодежи на стадии их приобщения к потреблению наркотических средств, причин и механизма этого явления, масштабов вовлеченности в распространение наркотических средств среди сверстников.
3. Уровень наркотизации не измерим абсолютными числами, статистическими методами. Социологические методы приобретают решающее значение. Поэтому проведение социологических исследований по проблемам наркомании на современном этапе особенно актуально, так как они позволяют исследовать социальные координаты и механизмы наркотизации в обществе в целом и в молодежной среде, что необходимо специалистам, работающим в области профилактики наркотизации.

Школа, учреждения дополнительного образования являются одними из социальных институтов, играющие решающую роль в первичной профилактике подрастающего поколения. С целью получения достоверной информации о наркоситуации в среде подростков и выявления степени эффективности профилактики наркотизации в школах, с точки зрения подростков 12-18 лет, автором было опрошено 110 учащихся школ города Нижнекамска.

По результатам анкетирования выявлено, что подавляющее большинство подростков впервые узнали о наркотиках в возрасте 7-10 лет (40%), высокий процент приходится на возраст после 15 лет (26,4%). Полученные данные показывают, что разработка и внедрение в образовательных учреждениях программ по профилактике наркомании необходимо начинать уже с начальных классов и даже в детских дошкольных учреждениях, например, в рамках проведения учебных занятий по ОБЖ, биологии, внеклассных занятий и т.д.

Основным источником информации, по мнению подростков, являются средства массовой информации (СМИ) – 53,6% (см. рис. 1 ниже).

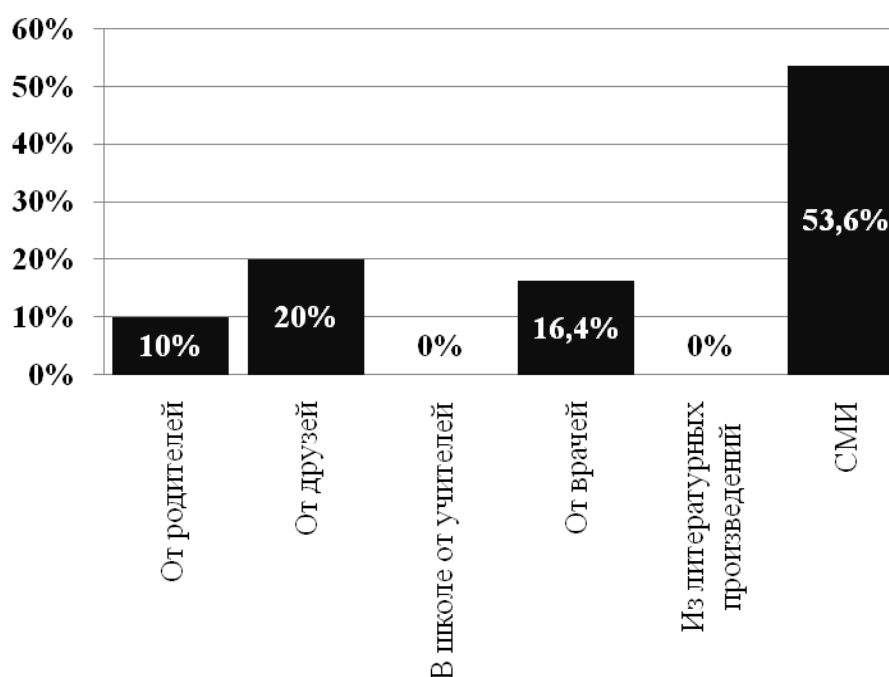

Рис. 1. Источники информации, из которых подростки узнают о наркотиках

По рис. 1 видно, что следующим по значимости источником информации у подростков – друзья (20%). Информацию о наркотиках получают от родителей 10% учеников. Существующая система подачи информации о проблеме в СМИ приводит к возникновению противоречивого, неполного и часто неверного представления о наркозависимости. Выступления и комментарии специалистов, в силу ряда причин, не занимают в информационном пространстве должного объема. Хотя, именно специалистам люди склонны доверять больше всего. Как правило, подростки черпают информацию в основном из развлекательных программ, ужасающих боевиков и т.д. При этом возникает необходимость в изучении, прежде всего, взглядов и мнений самих подростков на данную проблему.

Отношение подростков к употреблению наркотических веществ зависит и от собственного опыта потребления. Необходимо отметить, что среди респондентов-школьников 10% несколько раз курили травку, 3,6% – курили ее один раз и подавляющее большинство (86,4%) ответили «нет».

Несмотря на то, что учащиеся 100% ответили, что не употребляли другие наркотики, на вопрос «Хотелось ли Вам попробовать наркотик и почему?» 3,6% все же отметили «да», причем причиной определив «чтобы забыться» (см. рис. 2 ниже).

Остальные 96,4% дали отрицательный ответ, при этом подавляющее большинство из них (60%) отметили «хочу быть здоровым».

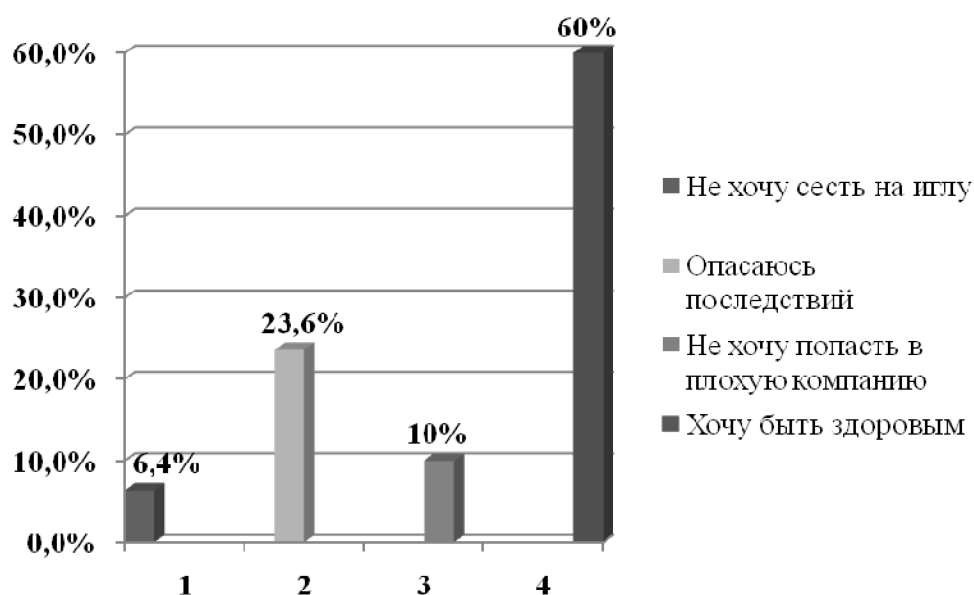

Рис. 2. Причины нежелания пробовать наркотики

Планируя проведение различных мероприятий, программ, необходимо учитывать и особенности отношения к потребителям наркотиков, так как к потребителям наркотиков, подросток вынужден вырабатывать свою определенную линию поведения (стратегию ухода от общения, стремление оказать помощь и т.п.), вместе с тем приобретает и определенный эмоциональный опыт – чувство жалости, страха и растерянности, безразличности и презрения.

Среди опрошенных школьников:

- 22,7% имеют друзей или знакомых, которые употребляют наркотические вещества;
- 17,3% подросткам предлагали попробовать наркотик;
- 16,4% выразили безразличное отношение к потребителям наркотико;
- 7,3% указали на терпимое или положительное отношение к потребителям наркотиков;
- 76,4% выразили отрицательное отношение к данной категории людей.

Таким образом, общение с наркозависимыми и даже желание им помочь, неподкрепленное элементарными знаниями в этой области, как подростками, так родителями и педагогами, могут привести к неправильным, непродуктивным и даже опасным шагам. Поэтому необходимо обратить внимание на тот факт, что хотя и 60% учащихся ответили, что не имеют друзей и знакомых, употребляющих наркотические вещества, все же 22,7% имеют подобные знакомства и 17,3% затруднились ответить и можно предположить, что последние просто ушли от ответа.

Прослеживается влияние молодежной моды (10% школьников «дань моде» отметили как основную причину потребления наркотиков). Поэтому перед государственными и общественными структурами, влияющими на молодежную политику, стоит очень сложная и многогранная проблема – создать предпосылки формирования «моды» на здоровье, на здоровый образ жизни.

Причин, толкающих к употреблению наркотиков, множество. Для школьников такой фактор как любопытство к употреблению наркотического вещества занимает вторую позицию среди выявленных причин (19%), лидирует – «по глупости» (22,7%) (рис. 3).

Рис. 3. Основные причины потребления наркотиков, по мнению подростков

Тревожными выглядят позиции таких мотивов, как «получить удовольствие» и «способ убежать от проблем» (третье и четвертое место среди лидирующих ответов). Это говорит о неподготовленности молодых людей к «взрослой» жизни, которая может ставить на их взгляд, «неразрешимые проблемы». Также следует обратить внимание на тот факт, что несколько подростков среди основных причин отметили «отсутствие внимания со стороны родителей» и «нестабильная ситуация в стране».

Оценивая доступность наркотических веществ, с точки зрения подростков, необходимо отметить, что подавляющее большинство (80%) школьников знают, где можно достать наркотики.

При этом 36,4% школьников отмечают, что легко найти точку продажи наркотиков, 17,3% – затруднились ответить, и лишь 46,4% ответили: «нет, нелегко» (рис. 4).

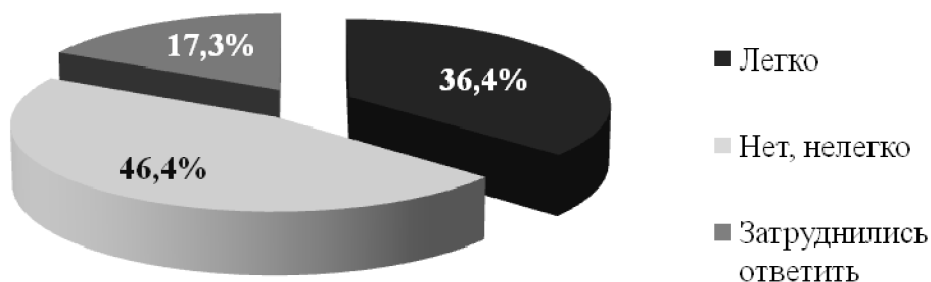

Рис. 4. Доступность наркотиков, по мнению школьников г. Нижнекамска

На вопрос «Где можно достать наркотики?» среди наиболее часто встречающихся ответов: «в специальных местах, известных малому количеству людей» (38,2%), «продают везде» (20%), «на дискотеках» (12,7%).

Это говорит о наличии сети распространения наркотиков даже среди учащихся. Доступность наркотиков большинству молодежи, продемонстрированная исследованием, диктует необходимость в приоритете тех профилактических программ, которые обучают детей и молодежь рациональному поведению в условиях постоянного риска предложения наркотиков.

Чтобы оценить проводимую в школах города профилактическую работу, направленную на предупреждение наркотизации, были предложены вопросы - проводятся ли в школе антинаркотические мероприятия и насколько они интересны.

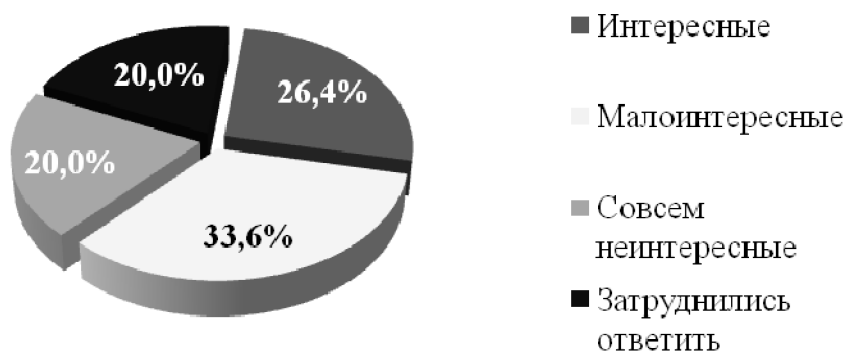

Рис. 5. Оценка антинаркотических мероприятий учащимися

Ответы распределились следующим образом: «регулярно» – 56,4%, «редко» – 32,7% и затруднились ответить 10,9% учащихся. Оценили эти мероприятия как «интересные» – 26,4%, «малоинтересные» – 33,6%, «совсем неинтересные» – 20%, затруднились ответить 20% (см. рис. 5 выше).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что проводимые антинаркотические мероприятия и акции в школах организовываются без учета интересов учащихся. Подобные мероприятия не должны быть навязчивыми. Только сумев привлечь внимание и добившись заинтересованности представителей молодого поколения, можно рассчитывать на действенность пропаганды здорового образа жизни.

Анализ результатов проведенного исследования показывает, что проблема наркомании в среде молодежи существует, при этом значительная часть молодых людей весьма низко оценивает эффективность проводимых профилактических мероприятий и критически относятся к деятельности, осуществляемой в данном направлении.

Разработка и внедрение программ, нацеленных на профилактику наркотизации молодежи должна осуществляться на основе изучения интересов, потребностей и оценок непосредственно представителей молодого поколения.

Выявление эффективных механизмов регулирования процесса противодействия наркозависимости предполагает нахождение баланса индивидуальных и общественных интересов.

Литература:

1. Девиации подростков и молодежи: алкоголизация, наркотизация, проституция / Ф.Э. Шереги., А. Арефьев, Н.В. Вострокнутов, С.Б. Зайцев, Б.А. Никифоров. – М., 2001. – 47 с.; Шереги, Ф.Э. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. – М., 2003.
2. Кесельман, Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб филиал Института социологии РАН. – СПб, 1998.
3. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М., 2000; Подростки и наркотики. Опыт исследования проблемы в школах Ульяновска: социологический очерк / Е.Л. Омельченко. – Ульяновск, 1999.
4. Общество против наркотиков. Информация, технологии, опыт / Авт. и сост. Р.Г. Садыкова, А.А. Карапетян. – Казань, 2002. – С. 78.
5. Садыкова, Р. Консолидация общества как основа противодействия распространению наркомании / Научно-практический журнал Антинарк. – 2003. – № 1. – С. 22.
6. Сайт «Нет – Наркотикам». – Москва, 2008 г. / [Электронный доступ]: http://www.narkotiki.ru/gnk_6640.html.

НАИМЕНОВАНИЯ СЛАДОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В СКАЗКЕ Р. ДАЛЯ «ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА»

Роальд Даль – английский писатель 20 века, известный своими сказками «Чарли и Шоколадная фабрика» (1964), «Чарли и большой стеклянный фуникулер» (1973), «БДВ» (1989), «Ведьмы» (1990) и т.д. В своих произведениях он создает неповторимый и уникальный мир со своими предметами, законами и героями, поэтому перевод его произведений на русский язык также вызывает некоторую сложность. В данном докладе мы рассмотрим особенности передачи наименований сладостей в сказке «Чарли и Шоколадная фабрика» и будем опираться на два русских перевода: опубликованный вариант издательства «Захаров» в изложении Сергея Кладо и электронный ресурс, отсканированный с книги издательства «Радуга» в переводе с английского Миши Барон.

В этой сказке маленький мальчик Чарли выигрывает золотой билет, который позволяет совершить путешествие по шоколадной фабрике В. Вонки, во время которого он попадает в разные комнаты. В них изготавливаются всевозможные сладости, аналоги которых трудно найти в реальной жизни.

В сказке «Чарли и Шоколадная фабрика» присутствует элемент волшебного и магического, поэтому переводчикам при передаче названий сладостей следует учитывать этимологию слова, принцип благозвучия и удобство произношения. Возможны традиционные соответствия в русском языке, но нежелательны.

Шоколадная фабрика – это то место, где бы желал очутиться каждый ребенок. Роальд Даль создает необычный мир: с одной стороны, это сладкое королевство, расположенное под землей, а попасть в него – редкое чудо. Поэтому дети стремились стать обладателями золотых билетов. С другой стороны, продукция этой фабрики есть в магазинах в реальном мире, и она пользуется большим спросом, поскольку необычайно вкусная.

Все сладости мы можем примерно разделить на некоторые группы. В первую группу будут входить те сладости, которые являются предметами: например, в Шоколадной комнате все можно есть, включая

сахарную траву, деревья, кусты, сливочный утес, шоколадную реку, розы как рахат-лукум.

В этой таблице представлены съедобные предметы шоколадной фабрики:

Roald Dahl	Барон	Кладо
THE ROCK-CANDY MINE – 10,000 FEET DEEP	Леденцовая шахта – глубина 10000 футов	Леденцовая шахта – глубина 10000 футов
COKERNUT-ICE SKATING RINKS	Сливочно-шоколадный каток	Каток с леденцово-ледовым покрытием
STRAWBERRY-JUICE WATER PISTOLS	Водяные пистолеты, заряженные клубничным соком	-
TOFFEE-APPLE TREES FOR PLANTING OUT IN YOUR GARDEN – ALL SIZES	Ирисковые яблони для вашего сада – все размеры	Саженцы орешника с орехами в сахаре
FIZZY LEMONADE SWIMMING POOLS	Лимонадный бассейн	Лимонадный плавательный бассейн
SUGAR-COATED PENCILS FOR SUCKING	Леденцовососальные карандаши	Конфета-карандаш, грызть во время контрольных

Вторую группу составляют собственно изделия фабрики, предназначенные для продажи: есть напитки, например, BUTTERSCOTCH AND BUTTERGIN (ДЖЕМ-ДЖИН И ГРОГОЛЬ-МОГОЛЬ) и разного рода конфеты.

Roald Dahl	Барон	Кладо
EVERLASTING GOBSTOPPERS	Вечные леденцы	Вечные леденцы
EXPLODING SWEETS FOR YOUR ENEMIES	Взрывающиеся леденцы для ваших врагов	Конфета-взрывчатка для врагов
LUMINOUS LOLLIES FOR EATING IN BED AT NIGHT	Светящиеся леденцы для ночного питания	Светящиеся леденцы. Сосать на ночь, при потушенном свете
MINT JUJUBES FOR THE BOY NEXT DOOR – THEY'LL GIVE HIM GREEN TEETH FOR A MONTH	Мятное желе для соседа – одна порция на месяц. Окрашивает зубы в зеленый цвет	Леденцы с зубной зеленкой – для соседей

Roald Dahl	Барон	Кладо
CAVITY-FILLING CARMELS – NO MORE DENTISTS	Пломбировочная карамель "долой дантистов"	Конфеты-пломбы – долой зубных врачей
INVISIBLE CHOCOLATE BARS FOR EATING IN CLASS	Невидимые шоколадки для еды на уроке	Шоколадки- невидимки. Использовать на уроках
MAGIC HAND-FUDGE – WHEN YOU HOLD IT IN YOUR HAND, YOU TASTE IT IN YOUR MOUTH	Волшебные ручные конфеты - когда держишь их в руке, ощущаешь вкус во рту	Ириски с дистанционным управлением – держишь в руке и чувствуешь вкус во рту
RAINBOW DROPS – SUCK THEM AND YOU CAN SPIT IN SIX DIFFERENT COLOURS	Разноцветное драже, чтобы плевать всеми цветами радуги	Конфета-радуга, пока ее сосешь, можно плеваться семью разными цветами и радоваться
STICKJAW FOR TALKATIVE PARENTS	Клейкие тянучки для болтливых родителей	Залепляющая жвачка, давать родителям, когда ругаются

Для анализа вариантов перевода наиболее интересны следующие примеры:

1

Roald Dahl	Барон	Кладо
STOREROOM NUMBER 54. ALL THE CREAMS – DAIRY CREAM, WHIPPED CREAM, VIOLET CREAM, COFFEE CREAM, PINEAPPLE CREAM, VANILLA CREAM, AND HAIR CREAM. 'Hair cream?' cried Mike Teavee. 'You don't use hair cream?'	Склад по 54. Сливки – молочные сливки, взбитые сливки, фиалковые сливки, кофейные сливки, ананасовые сливки, ванильные сливки и волосатые сливки. - Волосатые сливки? - удивился Майк Тиви. - Но ведь таких не бывает!	Склад № 54 – крем. Сливочный крем, заварной крем, кофе-крем, крем- брюле, крем-сода и крем после бриться. ... - вы что, делаете крем после бритья? - Конечно, я делаю крем после бриться. И до бриться, и во время бриться. Я все время делаю крем. (2; 96)

Несмотря на все-таки различные варианты, именно последнее словосочетание «Hair cream» и воплощает определенную трудность. Английское слово «cream» имеет также значение «пена», что, видимо, подразумевается (сливки, крем). Если придерживаться точного перевода, то «волосатый» на английском языке «Hairy». В русском языке это игра слов, которая и объясняется дальнейшим разговором. В английском языке этого нет.

2

Roald Dahl	Барон	Кладо
<p>STOREROOM NUMBER 71, it said on it. WHIPS – ALL SHAPES AND SIZES. 'Whips!' cried Veruca Salt. 'What on earth do you use whips for?' 'For whipping cream, of course,' said Mr Wonka. 'How can you whip cream without whips? Whipped cream isn't whipped cream at all unless it's been whipped with whips. Just as a poached egg isn't a poached egg unless it's been stolen from the woods in the dead of night!</p>	<p>Склад по 71. Розги - всех размеров. ... - Разумеется, чтобы взбивать сливки, - объяснил мистер Вонка. - Как же взбивать сливки без розог? Если сливки не били розгами, это уже не настоящие взбитые сливки; если вы не тащили яйцо в мешке, это уже не настоящее яйцо в мешочек! Вперед!</p>	<p>Склад № 71 – Биты, все размеры и формы. ... Для взбитых сливок, конечно. Для чего же еще? Как же сделать взбитые сливки, если их как следует не взбить битами? Если сливки взбиты не битами, это ненастоящие взбитые сливки. (2;96)</p>

Первый возникающий вопрос: как связаны сладости с «whips» (с англ. *whip* 1) а) кнут, хлыст, прут, 4) взбитые сливки, крем и т. п.; приготовление взбитых сливок сбивать, взбивать (сливки, яйца)? В. Вонка предлагает нам поверить в то, чтобы получить взбитый крем или сливки, его нужно взбивать кнутом, это логично. Ни розгами, ни битами этого не сделать. Но «бита» и «взбивать» - однокоренные слова, они достаточно удачны, поскольку в оригинале слово «whip» просто повторяется. Однако Кладо не стал переводить сравнение взбитых сливок и яйцо-пашот, что сделал Барон. Здесь также обыгрывается значение слова «roach» (незаконно вторгаться на чью-л. территорию с целью что-л. украсть (особенно скот или дичь); охотиться незаконно или незаконными методами), поэтому и нужно тащить яйцо в мешке, чтобы получилось яйцо в мешочек. Но это не то же самое, что яйцо-пашот, переводчик сделал замену вида блюд из яиц.

3

Roald Dahl	Барон	Кладо
STOREROOM NUMBER 77 – ALL THE BEANS, CACAO BEANS, COFFEE BEANS, JELLY BEANS, AND HAS BEANS.	Склад по 77. Бобы – бобы какао, бобы кофе, джемовые бобы, бывшие бобы.	Склад № 77 – зерна Пшеничные зерна, кофейные зерна, зерна граната, зерна истины (2;97)

Сравнительно простое слово «bean» в последнем словосочетании вызывает сложность: кроме прямого значения, not to have a bean – не иметь ни гроша. Вариант «зерна истины» может быть связан со следующими словосочетаниям: Stop feeding me beans – Кончай мне лапшу на уши вешать. Come on, no more beans – Хватит мне сказки рассказывать. To know beans, to know how many beans make five – знать что к чему; быть себе на уме (3). Поэтому здесь антонимический перевод, оппозиция «сказка, ложь – истина», к тому же в русском языке есть вполне уместное здесь словосочетание «зерна истины», связанное с едой.

4

Roald Dahl	Барон	Кладо
Hair Toffee. 'You eat just one tiny bit of that, and in exactly half an hour a brand-new luscious thick silky beautiful crop of hair will start growing out all over the top of your head! And a moustache! And a beard!'	Волосатые ириски Откусишь маленький кусочек – и ровно через полчаса начнут расти густые, пышные, шелковистые волосы на голове, усы и борода.	Карамель для волос

Здесь следует быть осторожным при передаче существительного «hair» перед другим существительным (по правилам, следует его переводить прилагательным). Но «волосатый» обозначает то, что предмет имеет волосы. Конфета же здесь совершенно обычная на вид, а функция как раз передается предлогом «для».

5

Roald Dahl	Барон	Кладо
EATABLE MARSH-MALLOW PILLOWS	Съедобные зефирные подушки	Мятые мятные подушечки и подушки (2; 114)

Здесь следует отметить то, что Кладо сам решил добавить игру слов, которой нет в оригинале, и использовать паронимы «мятый» и «мятный», а также разные употребления слова «подушка» (как еда и как предмет для сна).

6

Roald Dahl	Барон	Кладо
LICKABLE WALLPAPER FOR NURSERIES ...snozzberry	Сладкие обои для детской ... суперника	Лижущиеся обои (2; 115) На них нарисованы бананы, яблоки ... и чихника

Английский суффикс «-able; -ible, -ble» означает «1) продуктивная модель; образует прилагательные со значением возможности осуществления 2) менее продуктивная модель; встречается в прил. со значением обладания некоторого качества» (3). Т.е. Кладо совершает ошибку, однако не исключено, что его вариант больше привлечет внимание детей, чем просто сладкие обои. Здесь Даль изобретает новую ягоду snozzberry, которую сумел правильно передать как раз Кладо, вспомнив глагол sneeze – чихать.

7

Roald Dahl	Барон	Кладо
HOT ICE CREAMS FOR COLD DAYS	Горячее мороженое для холодной погоды	Зимнее горячее мороженое (2; 115)

В этом примере есть оксюморон, поскольку по законам логики главное свойство мороженого – быть холодным, которое переводчики сохраняют в русских вариантах текста.

8

Roald Dahl	Барон	Кладо
COWS THAT GIVE CHOCOLATE MILK	Коровы, дающие шоколадное молоко	Шоколадные коровы (2; 116)

В тексте не сказано, что сами коровы шоколадные, и здесь Кладо использовал неточный перевод.

9

Roald Dahl	Барон	Кладо
FIZZY LIFTING DRINKS, it said on the next door. 'They fill you with bubbles, and the bubbles are full of a special kind of gas, and this gas is so terrifically lifting that it lifts you right off the ground just like a balloon, and up you go until your head hits the ceiling – and there you stay.'	ШИПУЧИЕ ПОДЪЕМНЫЕ НАПИТКИ. Они наполняют все тело пузырьками, а в пузырьках специальный ПОДЪЕМНЫЙ газ. Он может поднять человека, словно воздушный шарик, к самому потолку. - А как же опуститься вниз? - спросил Чарли.	Летучие шипучие напитки (2; 116) ... Летает тот, кто их пьет. Пока не кончатся пузырьки.

Roald Dahl	Барон	Кладо
'But how do you come down again?' asked little Charlie. 'You do a burp, of course,' said Mr Wonka. 'You do a great big long rude burp, and up comes the gas and down comes you! But don't drink it outdoors!'	- Очень просто, - объяснил мистер Вонка, - надо резко отрыгнуть воздух, газ поднимется вверх, а человек опустится вниз. Но Боже вас упаси пробовать эти напитки на улице!	

Мы также здесь наблюдаем то, что Кладо смещает значение действия предмета: летают не сами напитки, как передает слово «летучий», поэтому «подъемный» - уместнее именно в этом значении, но с другой стороны звучит достаточно грубо.

10

Roald Dahl	Барон	Кладо
SQUARE SWEETS THAT LOOK ROUND. 'They look square,' said Veruca Salt. 'They look completely square.' 'But they are square,' said Mr Wonka. 'I never said they weren't.' 'You said they were round!' said Veruca Salt. 'I never said anything of the sort,' said Mr Wonka. 'I said they looked round.' He took a key from his pocket, and unlocked the door, and flung it open ... and suddenly ... at the sound of the door opening, all the rows of little square sweets looked quickly round to see who was coming in.	Улыбающиеся конфеты Конфеты очень напоминали кусочки сахара. Но на одной из граней каждого такого кубика была нарисована забавная рожица. ... - Обыкновенные конфеты, - поддакнула Верука Солт, - совсем обыкновенные. ... Он достал из кармана ключ и отпер дверь. И как только дверь распахнулась, каждая из нарисованных рожиц расплылась в улыбке. - Вот видите, - не без гордости сказал мистер Вонка. - Они улыбаются! Это улыбающиеся конфеты!	Круглые квадратные конфеты (2; 117) - Здесь делают квадратные конфеты, которые выглядят как круглые, - сказал Вили Винки. ... сами лица были квадратным и. Но глядели и выглядели как круглые.

В этом случае можно сказать, что Кладо справился с трудностью: в английском варианте обыгрывается те самые два значения, которые он передал в своем варианте: "look round" - это смотреть вокруг и выглядеть (=быть) круглым.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что сладости являются средством создания двоемирия, являются реалиями мира фабрики. Несмотря на то, что С. Кладо только пересказывает повесть (допускаются некоторые неточности), его перевод наиболее удачен, хотя отдельные примеры хорошо получились в полном варианте. В данном случае переводчик стремится найти то слово, которое будет понятно ребенку, легко для произношения, но и в то же время отразит функцию волшебных конфет.

Перевод названий сладостей не должен быть длинным, состоять из многосложных прилагательных, как у М. Барон, так как конфеты предназначены для детей. Немаловажное значение имеет то, что хотя сказка написана традиционно от третьего лица, понятно, что именно главный герой, маленький мальчик Чарли, читает эти надписи, и вряд ли в 8 лет мальчики будут заинтересованы длинными труднопроизносимыми словами «пломбированная» или «леденцовосостальные». Удачно переводчики используют форму инструкций, которая отражает шуточный характер этих сладостей.

В ряде случаев сохраняется игра слов, которая обыгрывается и в названии сладостей, и объясняется в диалогах. Эту традицию в английской литературе заложил еще Л. Кэрролл, соответственно они являются самыми трудно переводимыми примерами. Где-то мы можем заметить включения игры слов в русский вариант самими переводчиками, когда она отсутствует в оригинале. В рассмотренных нами примерах эта игра слов сделана в стиле автора, поэтому вполне допустима. В ряде случаев созданы неологизмы. В целом можно сказать, что в переводах встречаются интересные авторские находки.

Литература:

1. Дал. Р. Чарли и шоколадная фабрика: Сказочная повесть. / Пер. с англ. М. Барон. / Р. Дал. - М.: Радуга, 1991.-104с.
2. Даль Р. Чарли и Шоколадная фабрика: Сказочная повесть / Пер. с англ. С. Кладо. / Р. Даль. - М.: Захаров, 2000. - 173 с.
3. АBBYY Lingvo 9.0. Многоязычный электронный словарь [электронный ресурс], 2003 АBBYY Lingvo Software (516 Мб). - Электронный оптический диск (CD-ROM)
4. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory [электронный ресурс] / R. Dahl. - режим доступа:
http://lib.aldebaran.ru/author/dahl_roald/dahl_roald_charlie_and_the_chocolate_factory/, свободный.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНЦИЯ» В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

В настоящее время сложившаяся социальная ситуация выдвигает новые, более высокие требования к профессиональной подготовке и формированию личности будущего специалиста. Возникает потребность в непрерывном совершенствовании системы подготовки квалифицированных кадров, необходимость создания целостной концепции профессионализации, выявление форм, в которых она происходит. Главное внимание следует сконцентрировать на личности специалиста, на его отношении к профессии и к другим людям, так как от этого зависит успешность профессионализации. В связи с этим особо актуальной является проблема повышения качества высшего образования как основа модернизации отечественной системы высшего образования.

Традиционно цели высшего профессионального образования определялись набором знаний, умений, навыков, которыми должен владеть выпускник. На сегодняшний день такой подход оказался недостаточным. Обществу нужны выпускники, готовые к включению в дальнейшую жизнедеятельность, способные практически решать встающие перед ними жизненные и профессиональные проблемы. А это во многом зависит не от полученных знаний, умений и навыков, а от неких дополнительных качеств, для обозначения которых и употребляются понятия «компетенции» и «компетентности», более соответствующие пониманию современных целей образования.

В определении понятия «компетенция» в зарубежной педагогике существует несколько различных подходов.

Так, в соответствии с американским подходом, под компетенцией они понимают основополагающий поведенческий аспект или характеристику, который может проявляться в эффективном и/или успешном действии и который зависит от контекста действия, организационных факторов и факторов среды, а также характеристик профессиональной деятельности (Derous, 2000). Большая часть работ в США была сконцентрирована на определении компетенций, присущих работникам, добившимся наивысшей эффективности. Целью являлось выявление их компетенций, а также отбор, тренинг или иное развитие

других людей для того, чтобы помочь им овладеть моделью поведения лучших исполнителей.

Англичане же, в свою очередь, в своем определении сосредотачиваются не на личностных характеристиках, а на свойствах самой деятельности. Главный вопрос, решаемый в этом направлении, – каковы те главные элементы деятельности, которые должны быть выполнены, чтобы считать результат достигнутым, удовлетворяющим заданным требованиям. В Великобритании компетенции применялись в основном при разработке стандартов для основных профессиональных групп. Можно сказать, что английская школа компетенций направлена на изучение характеристик деятельности и их выполнение, тогда как американская концентрируется на людях, которые эту деятельность выполняют.

В 1991 году в журнале «Управление человеческими ресурсами» Чарльз Вудроф писал, что компетенции позволяют специалисту компетентно выполнять свою работу, т.е. в заданный срок и с надлежащим качеством. Следовательно, компетенция связана с конкретным специалистом, где акцентирование внимания происходит на личностном аспекте, т.е. наличие компетенций у специалиста позволяет ему компетентно выполнять свою работу, быть компетентным.

Проведенный анализ термина «компетенция» показывает, что зарубежные авторы вкладывают в данное определение различный смысл.

Р. Миллс выделяет понятия *знание-навык-компетенция*.

Знание – информация, которую необходимо узнать и которая воспринимается при выполнении работы.

Навык – применение этого знания на практике для достижения результата.

Компетенция – применение этого навыка таким образом, что работа может быть выполнена по определенному стандарту.

Л.М. Спенсер под компетенцией понимает базовую характеристику человека, которая причинно связана с оцениваемым на основе критериев эффективным и/или наилучшим исполнением в работе или ситуациях вообще.

К. Кин, в свою очередь, определяет компетенцию как способность управлять ситуацией (даже непредвиденной). Это структура, слагаемая из различных частей, то есть навыков, знаний, опыта, контактов, ценностей. Она определяет опыт как обучение методом проб и ошибок.

Д. Макклеланд рассматривает компетенцию как характеристику сотрудника, которая, с одной стороны, может быть измерена, с другой –

позволяет отличить работников, показывающих высокие результаты, от работников, показывающих низкие результаты в работе.

Брайн Спизберг в своей научной работе рассматривает компетенцию не как характеристику поведения или последовательность действий, а как восприятие человеком самого себя и восприятие его другим человеком. Он утверждает, что то, как человек ведет себя в разговоре, зависит от его личной мотивации, от того, как много он знает о том, какое поведение соответствует данной ситуации, и от того, какими навыками по использованию соответствующего поведения он обладает.

Анализ отечественной литературы показал, что проблема определения понятия «компетенция» характерна и для наших специалистов.

Авторы М. Гордеев, М. Московчук, М. Соболев под «компетенцией» понимают такую часть компетентности, с помощью которой можно измерить готовность человека к выполнению определенной работы. У компетенции есть две стороны: одна обращена к работе, а другая к человеку. Компетенция должности включает требования, необходимые для успешного выполнения работы. Компетенция сотрудника подразумевает готовность к выполнению работы с требуемым уровнем качества.

В своей диссертационной работе Н.Н. Григорьева дает определение компетенции, как общей способности к действию в конкретной ситуации, основанной на знаниях, опыте, ценностях, приобретаемых в процессе обучения. При ее реализации одновременно проявляются знания, умения и поведенческие отношения человека, которые мобилизуются в конкретной деятельности здесь и сейчас.

И.А. Зимняя считает, что компетенции - это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека.

И. Осмоловская полагает, что в состав компетенции входят знания, освоенные способы деятельности, опыт осуществления деятельности, позитивное отношение к сфере, охватываемой компетенцией, личностные качества, которые способствуют эффективному решению соответствующих проблем.

А.В. Хуторской характеризует компетенцию как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов, процессов и необходимых, чтобы качественно, продуктивно

действовать по отношению к ним. Под компетенцией имеют в виду наперед заданное требование (норму) к образовательной подготовке ученика.

Интересный подход к компетенциям рассматривается в диссертационном исследовании С.С. Шилова. Он рассматривает компетенцию как относительно устойчивую черту специалиста, которая обеспечивает эффективное выполнение производственных функций. Для компетентной деятельности важны не столько знания, сколько умение практически применить эти знания. Таким образом, делается акцент на демонстрируемой способности применять имеющиеся знания, умения и навыки с целью достижения целей должности. Структура компетенций состоит из совокупности активно используемых знаний, умений, навыков, а также профессионально-важных качеств личности, необходимых работнику для эффективного выполнения определенной работы. Знания связаны с образованием. Если говорить о специалистах в узких областях, то эти специфические знания являются критичными для успешного выполнения работы и входят в состав компетенций. Умения – практически применяемые знания. Однако, умения – переходная стадия к навыкам. Навыки отличаются от знаний тем, что, также как и умения, имеют прикладной, практический характер. Навыки вырабатываются в ходе работы, либо моделирования практической деятельности, например, во время тренингов. Навыки отличаются от умений тем, что они отработаны и закреплены, поэтому выполняются автоматически, являются устойчивыми. Активно используемые – значит работник стремится реализовывать имеющиеся знания, умения и навыки. Профессионально важные качества личности – это социально-психологические характеристики личности, необходимые для эффективной работы в определенной должности.

Проведенный анализ подходов к определению понятия компетенции позволяет сделать вывод о том, что в большинстве определений, компетенция связана:

- со знаниями и умениями, поведенческими характеристиками, активно используемыми и значимыми для профессиональной деятельности;
- с возможностями быть развитой и измеренной с взаимоотношениями субъектов в профессиональной среде;
- с самой профессиональной средой, влияющей на входящих в нее субъектов;
- с опытом.

Компетенция не может быть изолирована от конкретных условий ее реализации. Она одновременно тесно связывает мобилизацию знаний, умений и поведенческих отношений, настроенных на условия конкретной деятельности. Компетенция не сводится только к умениям, хотя многие современные исследователи рассматривают компетенцию как категорию, бесспорно относящуюся к области умений. Компетенция – это не собственно умение, а его проявление. Компетенция – это общая способность, основанная на знаниях, опыте, ценностях, которые приобретены в процессе обучения. Компетенция не сводится ни к знаниям, ни к навыкам. Быть компетентным не означает быть ученым или образованным. Часто можно встретить людей, обладающих обширными знаниями, но не умеющих мобилизовать их соответствующим образом в нужный момент, когда представляется возможность. Умение конкретизируется как действие в конкретной ситуации, это проявление компетенции или способности, общей подготовленности к действию или возможность совершать действия. Компетенция характеризует, описывает действия, умения, это своего рода их оценка, выражающая связь между знанием и ситуацией. Более того, это способность найти, обнаружить процедуру (знание и действие), подходящую для решения проблемы.

Компетенции принципиально отличаются от *знаний* тем, что они существуют в виде деятельности, а не только информации о ней; от *умений* – тем, что обладают свойством переноса, то есть могут применяться при решении разного рода задач; от *навыков* – осознанностью и неавтоматизированностью, что позволяет человеку действовать как в типовой, так и нестандартной ситуации.

Литература:

1. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании / Высшее образование в России. – 2004. – № 11, С.3-13.
2. Байденко В.И. Компетенции: к освоению компетентностного подхода (лекции в слайдах). Авторская версия. М., 2004. – 30 с.
3. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения. Методическое пособие. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.
4. Всемирная декларация о высшем образовании для 21 века: подходы и практические меры. ЮНЕСКО, Париж, 1998. Извлечения. 17 с.
5. Зеер Э.Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Высшее образование в России. – 2005. – № 4.
6. Карпенко О.М. К вопросу о компетентностном подходе в российском образовании / Инновации в образовании. – 2004. – №6.
7. Миллс Р. Компетенции. Карманный справочник. М., Изд-во НИРРО, 2005. – 124 с.

8. McClelland D.C. Testing for competence rather than for intelligence. New York: American Psychologist, № 28, P. 1-14.
9. Spitzberg B., Cupach W.R. International Communication Competence. – L., 1984.
10. Parry S.B. The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study. Training, 1996. №33, P. 48-56.

Корнилова И.В.

заместитель директора по воспитательной работе и профориентации
Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний
г. Елабуга

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ВУЗА

*Наш имидж, как картинка нас в глазах других,
в ряде случаев становится важнее нас самих.*

«...Имидж организации – есть целостное восприятие (понимание и оценка) организации различными группами общественности, формирующееся на основе хранящейся в их памяти информации о различных сторонах деятельности организации. Это наиболее сложный и многоликий аспект корпоративной идентификации. Создание имиджа – медленный процесс и изменения не будут эффективными до тех пор, пока имидж не устоится в сознании целевой аудитории» [4].

Формирование имиджа образовательного учреждения – неотъемлемая и важнейшая часть его деятельности, а имидж вуза, не в последнюю очередь, складывается из имиджа его студентов. К сожалению, конкуренция на рынке образовательных услуг нередко приводит к противостоянию вузов. Не секрет, что еще несколько лет назад отношение к негосударственным высшим учебным заведениям было скептическим. Однако время показало, что негосударственный сектор образования, в частности, в Республике Татарстан, занял достойную нишу, не только доказав право на существование, но и по некоторым показателям опередив многие государственные вузы.

В этом процессе большую роль играют привлекательность самого вуза, его репутация, внутренняя среда, корпоративный дух, создающиеся общими усилиями всего коллектива преподавателей, студентов и сотрудников вуза. Создание достойного имиджа выпускников – грамотных, конкурентоспособных, востребованных специалистов и социально активных граждан – одна из главных задач любого вуза на сегодня.

Немаловажным фактором формирования достойного имиджа в целом вуза является создание корпоративной атмосферы, внутреннего имиджа организации. Под внутренним имиджем организации понимают представления сотрудников о своей организации, осознания всеми членами коллектива принадлежности к единой общности. Вуз силен единством и сплоченностью. Это отмечают все, кто наблюдает его развитие со стороны: будущие абитуриенты, конкуренты. Сохранение славных и добрых традиций вуза, рожденных корпоративным подходом, способствует его развитию, формирует и укрепляет у студентов чувства патриотизма и любви к своему институту. Студенты и сотрудники становятся носителями культуры организации и в последующем передают ее новому поколению. Особенно следует уделять внимание формированию благоприятного социально-психологического климата учебного заведения, как результата совместной деятельности людей, их межличностных отношений. Следует отметить, что формированию культурных традиций способствует корпоративная печать – общеинститутские и студенческие газеты, они не только информируют, но и сплочивают, объединяют коллектив института.

Имидж основных руководителей организации и преподавателей включает представления о намерениях, мотивах, способностях, установках, ценностных ориентациях и психологических характеристиках. Студенты должны иметь возможность оценивать деятельность своего преподавателя – это поможет составить более полную картину его деятельности. Тот климат, в котором находится студент, одна из главных составляющих воспитательного процесса. Студент вольно и невольно впитывает ту атмосферу, которую создают преподаватели, он неизбежно подстраивается под ту этическую, психологическую, моральную, организационную и т.п. атмосферу. Студенты являются носителями особенностей корпоративной культуры вуза, его традиций, ценностей, имиджа не только в период своего обучения, но и спустя много лет по его окончании. В зависимости от того, насколько ценности разделяются студентами, распространяется положительная и отрицательная информация о вузе.

Визуальный имидж организации – это такие представления о высшем учебном заведении, субстратом которых являются зрительные ощущения, фиксирующие информацию об интерьере и фасаде учебного здания, внешнем облике студентов и преподавателей, а также фирменной символике. Самым крупным элементом визуального имиджа организации, в данном случае вуза, является фирменный стиль, относящийся к сфере корпоративной рекламы, благодаря которому

организацию можно опознать и отличить от других. Он достигается с помощью особого дизайна и охватывает все, что создает физическое единообразие: фирменный цвет, логотип, значки, печатная продукция, форма и одежда, а также студенческий слэнг, интернет-сайт, гимн, ритуал посвящения в студенты.

Социальный имидж вуза может быть выражен посредством миссии, философии, специальных социальных и экологических программ. Это представления широкой общественности о социальных целях и роли организации в экономической, социальной и культурной жизни общества. Несмотря на все переживаемые сегодня реформы, вуз остается той цитаделью, где формируется личность специалиста высокой квалификации, это центр культуры, источник гуманистических знаний и нравственного воспитания. В вузе студента должно воспитывать все – организация учебного процесса, уровень требовательности следования нормам рабочей дисциплины, организация культурно-массовой и спортивно-оздоровительной работы. Здесь немаловажной остается деятельность по организации студентами различных благотворительных акций, поиск спонсоров мероприятий для детских приютов, больниц, музеев. По инициативе студентов организуются благотворительные концерты, фестивали, уделяется внимание одиноким пенсионерам, ветеранам. Все это позволяет воспитать в студенте гражданскую и социальную ответственность, способствует закреплению благоприятного имиджа вуза, подчеркивая внимание к социальным и культурным сторонам жизни общества. Кроме того, подобная деятельность создаёт информационный повод для СМИ города. Можно сказать, что имидж целенаправленно формируется за счет опосредованного воздействия через СМИ, информационной открытости и различного рода специальных мероприятий: участие студентов в престижных конкурсах и фестивалях различного уровня, будь то КВН, художественная самодеятельность или спортивные соревнования.

Бизнес-имидж вуза – это представление об организации, как субъекте определенной деятельности. В качестве основных детерминант выступают деловая репутация, добросовестность, деловая активность организации, индикаторами которой являются: обучение по перспективным специальностям, развитие новых специальностей, выход вуза на международный уровень – участие в различных конференциях и семинарах, стажировки студентов, обмен опытом, связь с другими вузами и предприятиями, где студенты проходят практику, состояние материально-технической базы, реализация воспитательных задач студенческой молодежи с учетом современных реалий (общественно-

политической и социально-экономической ситуаций, а также индивидуальных запросов и интересов студентов). Растущий вуз, который постоянно развивается и крепнет, умеет пользоваться своими возможностями, является такой организацией, с которой люди хотят иметь дело.

Таким образом, имидж вуза, его корпоративный дух, общая культура – это понятия взаимосвязанные, проявляющиеся в ежедневной яркой творческой жизни и работе коллектива преподавателей и студентов вуза.

Литература:

1. Кондратьев Э.В. Связи с общественностью. – М.: Академический проект, 2007.
2. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
3. Синяева И.М. Сфера PR в маркетинге. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007
4. Томилова М.В. Модель имиджа организации: Детальный анализ структуры имиджа компании / Корпоративный менеджмент. 2002. №1

Корочкина С.А.

педагог-психолог,
директор ППМС-центра диагностики и консультирования «Шанс»,
член-корреспондент Международной академии общественных наук
г. Елабуга

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Прогрессивные социально-экономические преобразования в стране невозможны без новой, молодой, политически образованной и просвещенной элиты. Общество должно быть заинтересовано в поиске наиболее активных молодых ребят, способных к гражданскому служению и в создании условий для их наиболее полного раскрытия, развития и совершенствования. В условиях постсоветского пространства современная школа на практике не ориентирована на формирование личности школьника, а тем более личности будущего руководителя. Обучение стало ведущим в современной системе образования при полном отсутствии системы воспитания подрастающего поколения, но и в реализации образовательных задач имеется ряд проблем.

Одной из фундаментальных проблем среднего образования является проблема его многовариантности. Сущность ее заключается в том, что в силу своих технологических особенностей образовательная деятельность строится из расчета на «среднего» ученика. Такое

положение дел определяет неизбежное ослабление эффективности образовательного процесса в отношении как детей, характеризующихся отставанием в развитии личностных особенностей, так и детей с опережающим развитием. При этом в педагогической науке и практике в гораздо большей степени разрабатываются средства и методы работы с отстающими детьми или детьми с девиантным поведением, в то время как недочеты в обучении и воспитании талантливых детей зачастую остаются за пределами внимания ученых.

Объясняется это латентным характером проблем образования детей с опережающим развитием. Действительно, проблемы детей-наркоманов, малолетних преступников, беспризорников и т.п. являются социально более выпуклыми. Гораздо менее заметны дети, по своим способностям превосходящие сверстников. Они в любом случае продолжают оставаться детьми «положительными», а то, что при этом ученики не полностью вырабатывают свой потенциал, зачастую остается за пределами «педагогического видения».

Можно констатировать, что огрехи в области образования одаренных детей потенциально не менее опасны, чем проблемы детей-девиантов. В результате этих огрехов общество недополучает позитивных лидеров, социальная необходимость которых подчеркивается многими исследователями. Не секрет, что успевающие дети нередко оказываются в роли социальных аутсайдеров в компании своих сверстников, что приводит к развитию комплекса социальной неполноценности, сознательному подавлению заложенных в них позитивных качеств. Более того, ради самоутверждения среди сверстников они готовы к любым рискованным шагам, включая алкоголь, наркотики, криминал.

Данная ситуация позволяет нам констатировать наличие в практике социальной деятельности объективного противоречия между необходимостью создания условий для развития одаренных детей, как будущей социокультурной элиты страны, и отсутствием в условиях реальной системы образования возможностей для организации работы с ними.

Одним из способов решения обозначенного противоречия может быть использование муниципального социокультурного пространства для реализации личности одаренных подростков. При этом в качестве одаренных мы определяем для себя подростков с высоким уровнем личностной активности – лидеров, которые, как правило, очень неудобны для педагогов тем, что имеют собственную точку зрения, которую не всегда корректно отстаивают. Такие столкновения зачастую обостряются за счет проявления юношеского максимализма и в

результате дети с активной жизненной позицией начинают самоутверждаться за счет противостояния с педагогами, развивая тем самым не самые лучшие личностные качества.

Условия для позитивного самоутверждения социально одаренных школьников можно создать, вычленив их из школьных коллективов и предварительно обучив необходимым знаниям и умениям, вовлекая в общественно-полезную деятельность, тем самым закрепляя приобретенные навыки.

Формируемое психологами для подростков-лидеров муниципальное социокультурное пространство должно быть направлено на активизацию их гражданской позиции, развитие чувства патриотизма, а активное привлечение лидеров к развитию муниципального пространства, решению его проблем, позволит актуализировать у активных подростков чувство взрослости. Успешно работая на благо города, проводя для сверстников деловые игры, конкурсы, конференции, видя востребованность и признание своей деятельности, подростки-лидеры становятся самодостаточными личностями, заинтересованными в успешной деятельности.

Безусловно, что команда отобранных из всех школ города и района (в условиях малого города это порядка 35-40 человек) потребует продуманной системы психологического сопровождения данных подростков. Это обусловлено не только высоким уровнем их активности, но и высоким уровнем притязаний, свойственным социально-активным школьникам. Необходимо, прежде всего, обучить социально одаренных школьников навыкам командной работы, развить в них такие качества личности, как толерантность, ответственность, целеустремленность. На наш взгляд целесообразно использование следующей схемы работы с социально одаренными школьниками:

- психологическое обучение через систему тренингов (тренинг команды, тренинг коммуникативной компетентности и тренинг эффективного лидерства);
- организация и сопровождение общественно-полезной деятельности одаренных школьников при проведении ими для сверстников и жителей города и района акций, конкурсов, конференций, деловых игр; разработка и реализация социальных проектов с целью актуализации чувства взрослости и самореализации возможностей;
- организация научно-исследовательской деятельности социально одаренных школьников и обеспечение их участия в конференциях, конкурсах и форумах различного уровня с целью развития мышления и ораторского искусства;

- организация процесса общения в режиме дискуссий с наиболее интересными представителями власти, бизнеса, общественности с целью выработки умения аргументированно выразить свою точку и сформулировать вопрос;
- организация процесса групповой и индивидуальной рефлексии после каждого мероприятия с целью выработки навыков конструктивного самоанализа.

И, безусловно, что координация взаимодействия подростков и представителей власти, бизнеса и общественности, организация условий для позитивной самореализации возможностей социально-одаренных подростков, социально-психологическое сопровождение развития подростков-лидеров – все это должно осуществляться квалифицированными специалистами-психологами, хорошо знающими возрастные особенности, как подростков, так и взрослых.

Ввод подростков-лидеров во внешкольную деятельность, которая позволяет им реализовать свои потребности не во вред, а во благо общества, помогает развивать и совершенствовать личностные качества, чувствовать собственную значимость, позволяет образовательной среде обеспечить талантливым детям необходимые условия для развития. А государство получает активных, самостоятельных, адаптивных подростков, которые в будущем станут здоровыми, успешными руководителями и бизнесменами.

Кушаева Ю.Г.

старший преподаватель кафедры иностранных
и государственных языков экономического факультета
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ УНИВЕРСАЛИЙ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Основной формой языковой подготовки в неязыковом вузе является речевая деятельность, поэтому виды речевой деятельности служат исходной базой подготовки специалиста. Это – говорение, слушание, чтение и письмо, которые включаются в деятельность обучаемых по получению или передаче жизненно-важной, профессионально значимой информации. То есть, речь идет о профессионально ориентированной языковой подготовке с опорой на языковые универсалии.

Следует отметить, что в неязыковом вузе иностранный язык не является дисциплиной специализации. Но, если рассматривать его как средство получения дополнительной научной профессионально-значимой информации, расширения профессионального и общеобразовательного кругозора, углубления профессиональных знаний, то статус его в общей системе дисциплин значительно повышается. Кроме того, в последние годы появилась объективная потребность в изучении иностранного языка, что связано с ориентацией этой деятельности на совместное партнерство с зарубежными странами.

Одним из направлений интенсификации процесса лингвопедагогической подготовки студентов неязыковых вузов является реализация коммуникативно-ориентированной подготовки, нацеленной на формирование у студентов навыков и умений иноязычного общения на основе коммуникативных универсалий или универсалий языкового общения.

Универсалии (от *лат.* *universalis* = общий) – термин средневековой философии, обозначающий общие понятия или идеи. В споре об универсалиях (X-XIV вв.), выясняющем онтологический статус общих понятий (т.е. вопрос об их реальном, объективном существовании), определились три направления: номинализм, видевший в универсалиях общее имя; концептуализм, истолковывавший универсалии, как обобщение, основанное на сходстве предметов; реализм, полагавший, что универсалии существуют реально и независимо от сознания (*universalia sunt realia*).

Современная лингвистическая универсология занимается проблемами языковых универсалий. Так называют всеобщие, сущностные признаки, обнаруживаемые во всех или в большинстве языков мира. На каждом из более высоких уровней исследований (на сравнительно-историческом и ареальном, затем на типологическом и, наконец, на универсологическом) любой язык получает более содержательную характеристику.

Исследования языковых универсалий занимаются решением следующих вопросов:

- Что может и чего не может быть в языке? Что лежит в природе человеческого языка и что противоречит его природе? Какие ограничения наложены на язык самой его природой?
- Какие явления совместимы в языке, а какие, напротив, исключают друг друга? Какие явления в языке могут предполагать наличие или отсутствие других явлений?

- Как в специфике разных языков при их внешних различиях проявляются всеобщие закономерности? Как универсальные закономерности согласуются с разными типами языков?

Описание языка с позиций универсологии представляет собой его представление как системы тесно связанных между собой признаков, которые имеют всеобщий характер.

Принято различать следующие виды универсалий:

- По методу формулирования высказываний об универсалиях – универсалии дедуктивные (обязательные во всех языках, в том числе и неизвестных исследователю) и индуктивные (зафиксированные в известных языках).
- По охвату языков мира – абсолютные (полные) и статистические (неполные) универсалии.
- По своей структуре – универсалии простые (наличие или отсутствие какого-либо явления в языках мира) и сложные или имплицитивные (наличие зависимости между разными явлениями, наличие между ними отношений типа импликации «если А, то В»).
- По отношению к оси синхрония / диахрония – синхронические и диахронические универсалии.
- По отношению к самому языку – универсалии фонологические, грамматические, семантические и т.п.

Проблема универсалий прошла длительный путь своего решения в разные исторические периоды.

Идея об универсальности определённых языковых явлений была в центре внимания учёных, обращавшихся к проблемам природы и сущности языка. Предшественниками исследований в этом направлении были античные грамматики. Прослеживаются по крайней мере три фундаментальных подхода к методологическим основам языковых универсалий:

- 1) Античные подходы касались флективных структур греческого языка (Гераклит, Парменид, Зенон, Демокрит, Платон, Аристотель), в результате чего появилась «логосная» идея субстанциональности и образцовости творения мира по слову-логосу;
- 2) Учёные Нового времени базировались на аналитических структурах новоанглийского языка (Ф. Бэкон, У. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант), что позволило сформулировать такие фундаментальные категории, как «взаимодействие», «причинность», и т.д.;

3) Исследования нашего времени характеризуются поиском метасинтаксических структур различных языков (Дж. Ципф, В.Г. Ингве).

В XII веке был определён термин «*grammatica universalis*» – на этом этапе история изучения универсалий была связана с попытками разработки универсальной грамматики.

Проблема универсалий становится одной из центральных в теоретической грамматике в 1660 г. с появлением «Грамматики Пор-Руаяля» Антуана Арно и Клода Лансло. Первоначально универсальная грамматика была связана с универсальными семантическими категориями, которые, как предполагалось, были в основе каждого языка. Конкретные же языки рассматривались как варианты, приближающиеся к идеальной схеме. Логическое направление в языкознании в основном уделяло внимание не различиям, а общему в языках.

В XVII веке национальные языки стали постепенно вытеснять из употребления латынь. Это время можно назвать периодом расцвета идеи, так называемого, всеобщего языка. Вообще, со времён средневековья было предпринято более тысячи попыток создания всеобщего языка, при этом мотивы и методы были самыми различными. Как правило, такие проекты были направлены на облегчение межнационального общения.

Эти данные широко применялись в научных исследованиях, но вплоть до XVIII в. сам термин «универсалия» упоминался крайне редко. Для научного обоснования данного явления учёным потребовалось 2 века.

Учёные XIX в. ведут поиск универсалий в культуре, языке, национальном характере. В этот период такие исследователи универсалий, как Э. Гуссерль, А. Марти и др. связывают термин «универсалия» с идеей категоризации мира, благодаря чему были значительно расширены границы взглядов на сущность и содержание языковых универсалий.

Интерес к языковым универсалиям вновь пробудился в середине XX в. в связи с успехами в структурной, генеративной и функциональной лингвистике. Практически исследования языковых универсалий в этот период в основном велись в русле типологии языков и лишь постепенно зрело осознание того, что у типологической лингвистики и лингвистики универсалий имеются свои цели. Первая исследует различия в строении языков, вторая – общее между языками.

Проблемой универсалий в этот период занимаются такие учёные, как Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, Дж. Гринберг и др. В

1961 г. в Нью-Йорке состоялась специальная конференция, посвящённая языковым универсалиям. Именно в конце 1950-х – начале 1960-х годов начали бурно развиваться лингвистические теории. Непосредственным стимулом исследования универсального в языке явился доклад Р.О. Якобсона на VIII съезде лингвистов в Осло в 1958 г. Именно Якобсон ввёл в науку понятие лингвистических универсалий и сформулировал теорию языковых универсалий. Согласно Якобсону, языки мира можно рассматривать как вариации одного всеохватного явления – человеческого языка. При этом, лингвистические универсалии, будучи обобщёнными высказываниями о свойствах и тенденциях, присущих любому языку, помогают выявить самые общие законы лингвистики.

В тот период Дж. Гринберг представил свой индуктивный, эмпирический метод изучения универсальных свойств языка в противовес существовавшему дедуктивному методу. Суть метода состояла в обследовании языков различных семей и регионов по одним и тем же параметрам и выявлении точек совпадения обследуемых языков, которые и назывались универсалиями. Первый список универсалий был предложен Гринбергом в 1963 г. в «Меморандуме о языковых универсалиях», написанном совместно с Ч. Осгудом и Дж. Дженкинсом [1]. Исследования Гринберга инициировали разработку разнообразных объяснительных теорий и оказали серьёзное влияние на развитие синтаксической типологии и грамматической теории.

Очевидно, что проверить на интересующее свойство все языки мира абсолютно нереалистично: во-первых, по причине огромной трудоёмкости подобной задачи, а во-вторых, потому что многие аспекты грамматики до сих пор исследованы в сравнительно небольшом количестве языков.

Следовательно, при наиболее жёстком понимании универсалий, не допускающим исключений, ни одной языковой универсалии выявить на практике не представляется возможным. Такое понимание не позволяло бы говорить об эмпирическом выявлении общих свойств языка. Поэтому Гринберг и его последователи приняли так называемое статистическое понимание универсалий, при котором не требуется проверка универсалий в каждом языке мира: проверка осуществляется на ограниченном количестве языков, которое называется выборкой. В современных исследованиях объём выборки составляет приблизительно 100 языков. Основное требование к выборке – в ней должны быть равномерно представлены языки различных семей и регионов (ареалов). Если какое-либо свойство наблюдается во всех языках выборки, это даёт основание утверждать, что это свойство высоко вероятно в любом языке.

В отдельных научных школах языковые универсалии определялись на основании сопоставления языков и других близких систем передачи и хранения информации (например, искусственными языками, кинетической речью, системами коммуникаций в животном мире и т.п.). Например, Ч. Хокетт в 1960 г. сравнивает универсалии с системами животных [2]. Он выявляет 16 существенных признаков, по которым человеческий язык отличается от коммуникативных систем животных:

- использование вокально-слухового канала;
- широкоэмиттерная передача языковых сигналов и направленный приём;
- быстрое затухание языковых сигналов;
- функционирование взрослых людей то в роли передатчиков, то в роли приёмников;
- полная обратная связь;
- семантичность (наличие у знаков своих денотатов);
- дискретность (континуальный звуковой поток манифестирует последовательность дискретных единиц);
- возможность относить языковые сообщения к вещам, удалённым во времени и пространстве;
- возможность свободно и легко строить новые сообщения;
- наличие грамматической структуры, позволяющей по определённым правилам строить новые сообщения;
- возможность новой семантической нагрузки на языковые элементы;
- передача языка через обучение, а не по наследству;
- наличие не только системы знаковых единиц, но и системы незнаковых фонологических единиц;
- возможность построения ложных или бессмысленных языковых сообщений;
- возможность строить сообщения о самом сообщении;
- способность человека легко овладеть другим языком.

В 1960-е годы XX века внимание большинства учёных привлекают диахронические универсалии, которые описывают закономерности языковых изменений. Сторонниками данного направления являлись Н. Хайтов, В. Вундт, Э. Велландер и др. [3]. Важным фактором при рассмотрении семантических изменений в рамках данного подхода, являются культурно-исторические причины. В 1961 г. С. Ульман впервые формулирует конкретные закономерности языка в диахроническом плане.

В 1980-е гг. исследователи обращаются к универсалиям текста и порядку компонентов в синтаксических структурах. Одним из основателей данного направления стала известная польская учёная А. Вежбицка [4]. В 1985 г. она обосновывает существование универсальных концептов человеческой культуры – своеобразного алфавита ментальных атомов, образующего множество сложных смыслов любого естественного языка. Данный алфавит, согласно Вежбицкой, призван обеспечивать возможность адекватного перевода с одного языка на другой и возможность взаимопонимания между носителями различных культур. Подобный подход постулирует принципиальную тождественность способов мышления и восприятия мира всех людей.

В ходе дальнейшего исследования универсалий осуществляется их классификация по различным основаниям. При этом, что содержание большинства универсалий до сих пор не выявлено, полученные результаты позволяют многое сказать о форме или логической структуре универсалий.

Как показывает анализ, исследование универсалий происходило в рамках различных отраслей науки: философии, математики, лингвистики, антропологии. Практически во все эпохи учёные руководствовались представлениями об универсальности определённых явлений в языках. Пристальное внимание к изучению универсальных и специфических свойств языков на настоящем этапе развития исследований определено прагматичностью метода, то есть направленностью на методические и прикладные цели, что не снимает значимость теоретических аспектов рассматриваемой проблематики. Стремление обнаружить правила, универсальные для большинства языков, обусловлено объективными потребностями современной лингвопедагогики, особенно вузовской.

Литература:

1. Memorandum concerning language universals / Greenberg J., Ch. Osgood, Jenkins J. Universals of Language / Cambridge, Mass: MIT Press, 1963.
2. Языковые универсалии, пер. с англ. / Б.А. Успенский. – М.: Прогресс, 1970, с. 48-64.
3. «Volkerpsychologie», В. Вундт / Bd Leipzig, 1900-1920.
4. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Макаров П.И.

доктор технических наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Шакиров Р.В.

доктор педагогических наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний
г.Казань

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Активная жизненная позиция молодежи всегда являлась условием не только существования, но и успешного поступательного развития общества. От этого во многом зависит успех и перспектива социальных преобразований в России. Молодежь есть будущее общества, гарант его стабильности и поступательного развития. Поэтому выработка молодежной политики, ее совершенствование и реализация требует определенного научного обеспечения, включающего четкое представление об объекте, которому она адресована. Формирование молодежи, ее жизненных позиций как субъекта общественного воспроизводства протекает в условиях социальной трансформации. При этом наблюдается обострение проблемы «жизненного старта», то есть влияние материальной обеспеченности, получение образования, начало трудовой деятельности, профессиональной рост и т.д. Игнорирование опыта старших поколений чревато разрывом преемственности поколений, а утрата надежных мировоззренческих и нравственных ориентиров может привести к нарушению культурного единства общества.

Формирование мировоззрения молодежи, ее социализация в прошлом долгие годы находилась под идеологическим прессингом. Вплоть до конца 1970-х – начала 1980 гг. преобладала точка зрения, что молодежь представляет собой социально единую временную возрастную группу, которой заведомо свойственны такие черты, как патриотизм, интернационализм, преданность идеалам господствующей идеологии. Практически в подавляющем своем большинстве литература о молодежи была беспроблемной, равно официально признавалось и беспроблемное вхождение молодежи в социальную структуру общества.

Социализация молодежи является непрерывным процессом и она тесно связана с эффективностью осуществления социальных преобразований рыночного типа. Здесь нельзя сводить вопрос лишь к поиску механизмов воспитательного воздействия на молодое поколение. Необходимо пересмотреть прежние и разработать новые теоретические и методологические основания проблемы социализации молодежи.

Поэтому то, что молодежная политика, как независимая от принятия отраслевых мер деятельности государства, направлена на проведение координированной политики, оказывающей решающее влияние на процессе ее социализации.

В условиях деидеологизации российского общества молодежная политика представляется уже не с позиции участия государства в ее разработке и реализации, а соответственно той социальной роли, которую она отводит молодежи в процессе общественного воспроизводства. Как известно, в дореформенное время молодежь рассматривалась лишь как идейно-мобилизационный ресурс советского государства. Процесс реформирования российского общества означал переход к преемственно-репродуктивной модели молодежной политики. Смена парадигмы молодежной стратегии, т.е. необходимости перехода от одной к другой модели молодежной политики, требует учета общего и особенного в осуществлении молодежной стратегии на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В связи с этим, нужно особо подчеркнуть роль высшего образования в социализации личности, в формировании жизненных позиций не только в содержательном плане, но и его социальной значимости в широком смысле. Именно в вузовских аудиториях формируется сейчас поколение, на плечи которого в недалеком будущем ляжет значительная часть работы по реализации политики обновления, общественных преобразований. От того какие мировоззренческие понятия усвоит вузовская молодежь сегодня в значительной степени зависит решение стоящих задач, будущее страны. В этой связи особое значение в вузовской практике приобретают следующие направления деятельности:

- анализ состояния и тенденции развития личности в период обучения в вузе;
- изучение направлений, форм и системообразующих факторов личности как необходимых условий устойчивого социального развития;
- генезис системы ценностной ориентации в изменившемся обществе;
- процесс включения (студенческой молодежи) в творческую деятельность;
- разработка теоретических подходов к обучению, основанному на развитии технологии обучения, включающей развитие системного, логического, проблемного и критического мышления.

Изучение, разработка, внедрение этих направлений в вузовской практике будет способствовать социализации студенчества, выработке у них устойчивых жизненных позиций. Ибо, от современного выпускника вуза требуется не только определенный запас и объем знаний, умений и навыков, молодому специалисту придется в своей профессиональной деятельности самостоятельно ставить и решать проблемы, требующие творческих способностей и умелого использования достижений науки и техники.

Литература:

1. Актуальные проблемы совершенствования учебной и научной деятельности в высшей школе / Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Казань: Изд. КГУ, 2003.
2. Формирование личности студента в процессе профессионально-педагогической подготовки. Сб. науч. тр. Вып. 303. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1998.
3. Сериков В.В. Образование и личность. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999.

Низамгалиева Л.М.

заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Казанский социально-гуманитарный колледж
г. Казань

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНВАЛИДОВ

Социальная защита инвалидов – система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, ограничений жизнедеятельности и направленных на создание равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества [3].

Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойкими расстройствами функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограничению жизнедеятельности и вызывающими необходимость его социальной защиты.

Данные всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют, что число таких людей в мире достигает 13%. Нетрудоспособные граждане в каждой стране составляют предмет заботы государства, которое социальную политику ставит во главу угла своей деятельности. Основной заботой государства по отношению к пожилым людям и инвалидам является их материальная поддержка (пенсии, пособия, льготы и т.д.). Однако нетрудоспособные граждане

нуждаются не только в материальной поддержке. Важную роль играет оказание им действенной физической, психологической, организационной и другой помощи. Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Однако возможности общества в борьбе с инвалидностью как социальным злом в конечном итоге определяются не только степенью понимания самой проблемы, но и существующими экономическими ресурсами. Особенно рост численности инвалидов значителен за последние 3 года и не будет, пожалуй, преувеличением утверждение, что в не столь отдаленной перспективе России грозит «инвалидизация всей страны», во всяком случае, всего ее населения в пенсионных возрастах [2]. Несмотря на существующие макроэкономические и финансово-бюджетные ограничения, с которыми сталкивается переходная экономика, очевидно, что при таких масштабах и процессах игнорировать проблему инвалидности российское государство позволить себе не может.

В России действует Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Тем самым особо уязвимой части нашего общества даны гарантии социальной защиты. Безусловно, основополагающие законодательные нормы, регулирующие положение инвалида в обществе, его права и обязанности являются необходимыми атрибутами любого правового государства. Теперь Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ должны привлекать полномочных представителей общественных объединений инвалидов для подготовки и принятия решений, затрагивающих интересы инвалидов.

В соответствии со ст. 10 закона, основой создаваемой системы социальной защиты инвалидов является федеральная базовая программа реабилитации инвалидов. Примерным положением об индивидуальной программе реабилитации инвалида, утвержденным 14 декабря 1996 г. Министерством труда и социального развития РФ, определено, что индивидуальная программа реабилитации инвалида (ИПР) – это перечень реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление способности инвалида к бытовой, общественной, профессиональной деятельности в соответствии со структурой прогнозируемого уровня его соматического состояния, психофизиологической выносливости, социального статуса и реальных возможностей социально-средовой инфраструктуры [1].

Реабилитация должна осуществляться, начиная с самого возникновения болезни или травмы и вплоть до полного возвращения человека в общество (непрерывность и основательность). Проблема реабилитации должна решаться комплексно, с учетом всех ее аспектов. Реабилитация должна быть доступной для всех кто в ней нуждается. Реабилитация должна приспособливаться к постоянно меняющейся структуре болезней, а также учитывать технический прогресс и изменения социальных структур.

Таким образом, медицинская реабилитация включает мероприятия по предотвращению инвалидности в период заболевания и помощь инвалиду в достижении максимальной физической, психической, социальной, профессиональной и экономической полноценности, на которую он будет способен в рамках существующего заболевания.

Литература:

1. Иваницкая Е. «Что делает человека инвалидом?»
2. Иванова А. Е. «Инвалидность населения».
3. Что такое инвалидность? Сайт ООН на русском языке / [Электронный доступ]: <http://www.perspektiva-inva.ru>.

Павлова Т.Н.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
г. Йошкар-Ола

ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ

Проблема информационного неравенства (цифрового неравенства) всесторонне рассматривается авторитетными международными организациями и форумами (ООН, ЮНЕСКО, G8, на встречах в Давосе и т.д.) и именно этот вопрос был поставлен перед политиками и бизнесменами. Правительства различных стран предлагают своим гражданам новые программы, помогающие идти в ногу с развитием информационных технологий.

Неумение использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создает большой разрыв между равными в остальном людьми, и этот разрыв между «информационно богатыми» и «информационно бедными» гражданами необходимо устранять. Как отметил Д. Медведев, выступая на V Красноярском экономическом форуме, «надо обеспечить людям на всей территории страны наилучший доступ к информации с использованием цифровых

технологий – быстрый, круглосуточный, надежный и качественный». Задача преодоления «цифрового неравенства», в том числе разрыва между регионами по степени развития ИКТ, поставлена и в недавно принятой «Стратегии развития информационного общества в России».

В современном мире навыки пользования компьютером становятся необходимыми во многих областях повседневной жизни. При этом возможность иметь компьютер под рукой есть далеко не у всех, а многие, увы, не умеют им пользоваться, и в результате возникает ситуация «цифрового неравенства» – неравного доступа граждан к новым информационно-коммуникационным технологиям.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, что сегодня интернетом пользуется уже почти четверть россиян. Более половины населения России (54%) признают, что Интернет оказывает большое влияние на многие сферы жизни. Противоположной точки зрения придерживаются 19% респондентов: они видят во всемирной компьютерной сети всего лишь игрушку и модное увлечение. *(Всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 30 сентября – 1 октября 2006 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России).*

ВЦИОМ представляет данные о том, какой цифровой техникой владеют россияне. В каждой третьей (33%) российской семье есть персональный компьютер или ноутбук, в каждой пятой (19%) – цифровой фотоаппарат; в каждой десятой (9%) – струйный принтер с функцией печати для листов формата А4. В то же время 59% семей не владеют ни одним из перечисленных видов цифровой техники.

Обладатели подобной техники – это, прежде всего, молодёжь; респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием, материально обеспеченные, жители столиц и городов-миллионников.

Если среди молодёжи 18-24 лет половины (55%) отмечают, что у них в семье имеется компьютер, более, то среди респондентов в возрасте 60 лет и старше – только 10%. Цифровой фотоаппарат имеют 33% молодых и 5% пенсионеров. Доля тех, у кого в семье вообще нет цифровой техники, падает с 86% среди респондентов в возрасте «60+» до 37% среди молодёжи.

Финансово благополучные опрошенные имеют больше возможностей обзавестись цифровой техникой. Процент владельцев цифровой бытовой техникой в столицах выше, чем в других городах и, тем более, сёлах страны. *(Всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 13-14 октября 2007 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России.)*

Из выше перечисленных опросов следует следующая проблема – социальная адаптация населения к быстро меняющейся информационной среде.

Как отмечают специалисты, в России многие люди, не имеющие компьютерных знаний, сталкиваются с трудностями при поиске работы. Эта проблема в первую очередь касается лиц старше 40 лет – они не изучали компьютер в школе, а в дальнейшем, как правило, тоже не сталкивались с современными информационными технологиями. Учитывая то, что значительная часть граждан не в состоянии оплатить дорогостоящее компьютерное обучение, особую важность приобретают социальные программы, направленные на массовую бесплатную подготовку пользователей персональных компьютеров.

Одной из таких программ является e-Citizen - «Электронный гражданин». Ее разработала международная организация ECDL, которая действует с 1995 г. и на сегодня ее сертификатом владеют уже более 4,5 млн. человек по всему миру. Их целевая группа:

- государственные и муниципальные служащие;
- работники сферы социального обеспечения;
- люди, проходящие курсы повышения квалификации;
- люди, работающие на дому;
- инвалиды;
- пенсионеры;
- дети и подростки;
- воспитанники детских домов;
- жители отдаленных районов;
- представители коренных народов;
- безработные.

Первым российским регионом, внедрившим на своей территории проект «Электронный гражданин», стал Ханты-Мансийский автономный округ. Программа так же запущена в Нижегородской области, введутся переговоры с правительствами Республики Мордовия, Пензенской, Смоленской областей и ряда других регионов.

Например, государственная служба занятости населения Чувашской Республики с мая 2007 года стали проводить обучающие курсы и семинары по изучению основ работы на компьютере для безработных граждан как результат сотрудничества Национальной библиотеки и отдела профессионального обучения и профессиональной ориентации. Обучение позволяет временно не работающим гражданам повышать свои технические и пользовательские навыки и при этом продолжать поиск работы, оставаясь на учете в службе занятости.

30 сентября 2007 года в Чебоксарах состоялся первый выпуск компьютерной школы для пенсионеров. Четыре группы по десять человек (самому старшему – 76 лет) занимались под руководством учащихся Чебоксарского педагогического колледжа им. Н.В. Никольского. В программе обучения – знакомство с устройством компьютера, пакетом Microsoft Office (Word, Excel, PowerPoint), Internet и электронной почтой. По окончании курсов каждому выпускнику было выдано свидетельство индивидуального пользователя.

Вывод. Данные проекты направлены на развития информационной компетентности среди социально неблагополучного населения, что позволит нам в будущем преодолеть информационное неравенство России. Так как информационные технологии используются и будут использоваться во многих сферах общества (например: коммунальные и банковские платежи, заказ и покупка товаров через интернет, электронный документооборот и т.д.). Это подтверждают так же проекты, которые реализуются в России: «Электронное правительство», «Электронный гражданин» и т.д.

Пачкова О.В.

старший преподаватель
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современных условиях эффективность развития экономики, ориентированной на инновационный тип, основанный на знаниях, возможна лишь в том случае, если инновационная деятельность станет важнейшей составляющей всей системы образования в стране, в том числе и высшего.

Богатство как материальное, так и духовное создается людьми. Человеческий капитал – важнейший ресурс общества. Квалификация, компетентность, специальные знания, творческое мышление базируются на образовании. Именно во второй половине XX века во всех развитых странах существенно увеличилось среднее число лет обучения. Речь идёт о заметном прогрессе передовых стран в развитии интеллектуальных производительных сил, о формировании внушительных размеров не вещного (духовного) богатства и о сравнительно быстро растущей инновационно-информационной сфере. Поэтому реальная долговременная стратегия социально-

экономического развития страны должна строиться на коренных, прогрессивных изменениях в системе образования, которые позволят расширить доступ к знаниям и повысить относительный и абсолютный уровень предложения квалифицированных и образованных трудовых ресурсов, необходимых для формирования цивилизованного общества.

Сложившаяся в России система подготовки специалистов высшей квалификации, методы, технология и техника обучения были ориентированы на формирование знаний посредством их количественного накопления. Это привело к противоречиям системы высшего образования и целей научно-технического и социально-экономического развития страны. В связи с этим, предлагаемые в настоящее время модели реформирования высшего образования направлены, прежде всего, на перенесение акцента с количественного насыщения, обучающего знаниям, на формирование у него творческих способностей, навыков непрерывного самостоятельного овладения знаниями в условиях динамичного изменения всех сторон жизни общества.

Центральное место в предлагаемых моделях реформирования высшего образования занимает инновационная деятельность ВУЗа, которая, как известно, носит весьма многогранный характер. В то же время важнейшая роль в этой деятельности принадлежит инновационным формам и методам обучения, основанным, прежде всего, на современных информационных технологиях, определяющих ускоренное развитие экономики, права, науки, культуры. Современные информационные технологии открывают доступ студентам к нетрадиционным источникам информации (Интернет), повышают эффективность самостоятельной работы (АОС и различные тестирующие системы), позволяют реализовать принципиально новые формы и методы обучения (дистанционное обучение, экстернат и др.).

Педагогически целесообразное использование новых информационных технологий позволяет усилить интеллектуальные возможности студентов, воздействуя на их память, интересы, эмоции, создавать условия для активизации их познавательной деятельности. Без внедрения инновационных форм и методов обучения, основанных на информационных технологиях, невозможно повышение качества образования в высшей школе.

Следует отметить, что внедрение в учебный процесс инноваций не означает полного отказа от совершенствования сложившихся традиционных форм обучения и, прежде всего лекций, которые в большей степени должны носить проблемный характер и способствовать формированию у студентов творческого мышления.

Представляет также интерес изучение опыта чтения так называемых диалоговых лекций, в основе которых лежат предшествующие научные знания студентов по изучаемому предмету, а также знания смежных дисциплин. Исходя из этого, при разработке концепции реформирования высшей школы важно избежать двух крайностей – консерватизма, с одной стороны, и радикализма – с другой.

Это означает, что в системе высшего образования следует сохранить все то, что уже апробировано учебным процессом и дает свои положительные результаты. Одновременно следует отвергнуть все то, что устарело и мешает повышению эффективности высшего образования. Практически решить эту задачу весьма сложно, поскольку внедрение инновационных форм обучения требуют большой экспериментальной работы и дифференцированного подхода в зависимости от профиля высшего учебного заведения и тех направлений, которые в нем преобладают – гуманитарное, естественнонаучное, инженерное.

Оптимальное сочетание традиционных и инновационных форм обучения должно стать основным направлением совершенствования высшего образования.

Несомненно, что инновационным формам и методам обучения, основанным на информационных технологиях, принадлежит будущее в качественном совершенствовании высшего образования. Однако при этом необходимо осознавать, что никакой компьютер не может заменить живое общение преподавателя и студента. Процесс образования – это не только процесс подготовки высококвалифицированного специалиста, способного творчески мыслить, постоянно обновлять свои знания и самостоятельно ориентироваться в сложных жизненных реалиях, но это также и процесс воспитания, формирования личности человека, моральных ценностей, высокой гражданской позиции.

Только на основе единства процесса обучения и воспитания возможна подготовка специалиста высшей квалификации, способного активно участвовать в формировании нового инновационного общества, основанного как на знаниях, так и на высокой духовности его создателей.

Одним из направлений реформирования высшего образования может стать, в частности, развитие дистанционного образования.

Появление компьютерной техники и развитие современных средств коммуникации (Интернет) привело к возникновению в развитых странах такой формы обучения, которая позволяет получить интересующую профессию и диплом, подтверждающий

соответствующую квалификацию без обязательного постоянного пребывания в стенах образовательного учреждения. Она получила название дистанционного образования. Дистанционное образование представляет собой комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированной информационной образовательной среды, базирующейся на средствах обмена учебной информацией на расстоянии (спутниковое телевидение, радио-, компьютерная связь и т.д.).

Возникновение такого вида образовательных услуг связано:

- с развитием научно-технического прогресса в области компьютерной техники и телекоммуникаций;
- внедрением в сознание людей понятия «пожизненного» образования (обновления и пополнения знаний в течение всей жизни);
- реализацией права гражданина на образование и получение информации, базирующегося на принципе самообучения и контроля со стороны вуза.

Экономические условия и территориальная протяженность нашей страны объективно ограничивают возможности значительной части населения по получению «комфортного» (с отрывом от производства) образования. Не каждый работодатель согласится предоставить «гибкий» график работы сотрудникам, которые хотели бы получить образование без отрыва от производства, особенно при получении второго высшего образования. Подобное отношение демонстрирует и большинство преподавателей, для которых посещаемость занятий до сих пор рассматривается как прямой (а не косвенный) критерий оценки знаний студента.

Современные технологии образования предоставляют множество вариантов «компромиссного обучения», сбалансированного по времени и контролируемого образовательного процесса. В условиях недостаточного финансирования, это позволяет решить проблемы дефицита учебных площадей; нехватки и высокой загруженности профессорско-преподавательского состава государственных вузов из-за оттока части их в коммерческие структуры и негосударственные вузы; недостаточной компьютерной базы, необходимой для нормальной организации учебного процесса.

К числу несомненных достоинств дистанционного образования следует отнести:

- отсутствие необходимости в размещении студентов, а значит, сокращаются платежи вуза по ряду статей материально-технических затрат;
- у студентов, обучающихся по программам дистанционного образования, резко сокращаются (отсутствуют) транспортные расходы;
- они самостоятельно планируют свое рабочее и учебное время; сохраняют привычный для себя уклад жизни.

Тем самым ВУЗы получают возможность увеличить приток студентов, повысить конкурентоспособность образовательных услуг, что особенно важно при сложившейся демографической ситуации в нашей стране.

Предпочтительнее вводить дистанционное образование в сфере гуманитарного направления, так как естественнонаучное предполагает использование большого количества самых разнообразных лабораторий для практических занятий.

Однако дистанционное образование в современной России более похоже на попытку соединения современных технологий образовательной деятельности с традициями отечественного заочного образования, когда созданные вузовскими преподавателями курсы лекций на бумажных носителях или записанные на компакт-диски распространяются среди студентов-заочников. Затем в регионы выезжают преподаватели для проведения консультаций, чтения установочных лекций и приема зачетов и экзаменов, т.е. создаются на местах так называемые представительства ВУЗов.

Таким образом, фактически изменилось лишь направление и масштабы «миграции» субъектов образовательного процесса. При заочной форме обучения студенты приезжают в ВУЗы на сессии, а при современной дистанционной форме преподаватели выезжают в регионы к студентам.

Для формирования действительной системы дистанционного обучения вуза необходимо:

- выявить потребности клиентурного рынка с целью определения своего сегмента;
- грамотно разработать и хорошо организовать выполнение программы развития дистанционного образования;
- установить разумную плату за обучение;
- отладить систему приема заявлений – электронной или обычной почтой, по телефону с последующим письменным подтверждением, а также учет текущей успеваемости

студентов, оформление результатов текущей аттестации, учет поступающих финансовых платежей;

- разработать учебно-методические материалы по всем дисциплинам. Отсутствие непосредственного визуального контакта обучающего и обучаемого требует более четкого структурирования материала, максимальной точности в использовании терминологии;
- организовать комплектование и рассылку комплекта учебно-методических материалов: программы дисциплин, тексты лекций, сборники задач и упражнений, графики отчетности и другие т.д., на различных видах носителей: видеозаписи, аудиокассеты, компакт-диски, дискеты, бумажные и др.

На первом этапе основной контингент потребителей услуг дистанционного образования будет формироваться из выпускников средних специальных учебных заведений, которые уже работают по соответствующей специальности, но не в состоянии поступить на бюджетные места или оплатить контрактное обучение в престижных вузах. Основным мотивом таких студентов является стремление к карьерному росту и потребность в самосовершенствовании. Необходимо учесть, что проживание в крупных городах требует значительных финансовых расходов.

На втором этапе необходимо привлекать выпускников школ и лиц, желающих получить второе высшее образование.

На третьем этапе необходимо формировать факультеты по переподготовке специалистов для дальнейшей сертификации и усовершенствования.

Самая большая угроза со стороны технологий дистанционного обучения таится, по мнению некоторых специалистов, в возможном снижении качества образования. Однако, эти процессы можно контролировать такими мерами как фиксированные сроки сдачи контрольных работ, проведение текущих аттестаций в онлайн режиме или в режиме телеконференций. Рекомендуются увеличить и разнообразить формы контроля по всем предметам. Основное внимание следует уделить системности получаемого образования, установлению межпредметных связей и использованию практического опыта как преподавателей, так и студентов.

В ряде зарубежных стран студенты, проживающие вдали от учебного заведения, выполняют аттестационные работы в присутствии адвоката, нотариуса, шерифа или школьного учителя (с ними заключается соответствующий контракт), которые письменно удостоверяют, что испытание проводилось в их присутствии и в

соответствии с установленными требованиями. В наших условиях, эту функцию один или два раза в год могут выполнять работники системы народного образования на местах. Студенты, проживающие недалеко от вуза, могут приезжать для аттестации непосредственно в вуз.

Для примера можно привести SWOT-анализ использования потенциала преподавателей, сотрудников, студентов.

Сильные стороны:

- кадровая политика, нацеленная на профессиональный рост научно-педагогических кадров;
- развитие инфраструктуры, способной обеспечить удовлетворительные условия для работы и развития;
- методы обследования качества деятельности персонала постоянно корректируются после анализа полученных результатов.

Слабые стороны:

- недостаточное количество помещений оборудования сетевых рабочих мест для доступа к информационным ресурсам;
- условия труда сотрудников не соответствуют нормам.

Возможности:

- развить систему морального, экономического, организационного стимулирования преподавателей к творческому и профессиональному росту;
- внедрить систему стимулирования преподавателей за высокое качество учебного процесса.

Угрозы:

- слишком много внешних факторов, влияющих на работу филиалов;
- недостаток средств формализует работу сотрудников.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНА «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»

Дискуссия о содержании процессов глобализации среди ученых продолжается уже довольно долго. Современное научное осмысление возникших в мире явлений и проблем началось примерно 30 лет назад, в 70-х гг. XX-го столетия. Попытки описания и объяснения процессов глобализации предпринимались с позиций различных наук. Это привело к появлению широкого спектра различных концепций глобализации – от радикальных оптимистических концепций до весьма скептических.

С позиций теории международных отношений глобализация в самом общем смысле может быть определена как процесс открытия государственных границ или ряд процессов, которые приводят к формированию единого, целостного и универсального социума. В основе этого лежат изменения географических и экономических факторов, приводящие к глобальному расширению современной мировой системы.

Современное состояние международной системы свидетельствует о быстром глубоком и глобальном изменении мирового порядка. Такая динамика приводит к тому, что общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах – политическом, экономическом, культурном и иных, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным.

Глобализация – это процесс, в котором изменения происходят нелинейно и необратимо. Это явление необходимо рассматривать в нескольких взаимосвязанных аспектах, основными из которых являются:

1) «Ментальная», или культурно-идеологическая, глобализация – имеющий длительную историю комплексный процесс «унификации» традиций, религий, культуры и идеологии.

В настоящее время весь мир в основном представлен шестью глобальными религиозными системами (христианство; ислам; иудаизм; индуизм; буддизм; конфуцианство). За христианством стоят мощные вооруженные силы (страны НАТО, кроме Турции, плюс Россия) и мировое политическое лидерство (семь стран «Большой восьмерки» являются христианскими). Иудаизм имеет крепкие позиции в мировой финансовой системе и лидирует во многих формальных и

неформальных структурах власти. Ислам чрезвычайно активен по степени влияния на своих сторонников – можно с уверенностью говорить о «исламском единстве», несмотря на имеющиеся противоречия между мусульманскими странами. Нельзя сбрасывать со счетов и значительные финансовые ресурсы исламского мира, получаемые за счет экспорта нефти. За конфуцианством – самое большое население Земли, фактически 25% всех трудовых ресурсов планеты. Индуизм также может похвастаться значительным числом активных сторонников, причем темп прироста населения в Индии выше, чем в Китае. Буддизм, в отличие от других систем, не ассоциируется однозначно с тем или иным ресурсом и его значение определяется не столько количеством своих сторонников (хотя их и немало), сколько качественным влиянием на интеллектуальную элиту.

Другим важным аспектом «ментальной» глобализации является непрерывный процесс унификации культурных предпочтений человечества. Начиная с итальянского Ренессанса, данный процесс прошел через стадии «французского», «английского» и «американского» культурного влияния, географический ареал которого каждый раз расширялся. Так, позиции итальянского Возрождения ограничивались Западной Европой, а остальной мир жил собственной культурной жизнью. Французская культурная экспансия XVIII – начала XIX вв. поглотила всю Европу, а английское влияние XIX века стало глобальным по охвату. Американскую культурную традицию можно без преувеличения назвать планетарной – к концу XX столетия нет такого уголка Земли, где население не знало бы таких понятий, как «рок», «Пепси» или «Голливуд».

2) *Территориальная глобализация* – процесс укрупнения государственных и надгосударственных образований. Наряду с экономикой, государственное строительство и формирование военно-политических союзов в максимальной степени демонстрируют миру сущность глобализации. Все развитые страны проходили этапы территориальной экспансии, а такие проекты, как ООН, ЕЭС или СНГ являются логическим продолжением той политики «блокостроительства», которая была заложена с образованием в начале XIX века Священного союза, ставшего первым глобальным военно-политическим блоком. Концентрация финансовых, трудовых и иных ресурсов в ограниченном городском пространстве – урбанизация – также может служить прекрасным примером территориальной глобализации.

3) *Экономическая глобализация* представляет собой совокупность двух процессов – *глобализации рынков* (капитала, трудовых ресурсов,

товаров и услуг) и *глобализации экономических форм*, под которой понимается укрупнение организационных структур экономики – компаний, фирм, корпораций и т.д. Глобализация экономических форм началась с образования профессиональных цеховых организаций в Средние века, прошла через стадию концентрации и централизации капитала и логично завершается образованием глобальных сверхкорпораций.

4) *Информационно-коммуникационная глобализация* в настоящее время является наиболее показательным из интеграционных процессов и включает в себя: развитие коммуникационных возможностей и использование космического пространства для передачи информации; появление и быстрый рост глобальных информационных сетей; компьютеризацию многих процессов жизнедеятельности человечества.

5) *Этническая глобализация* состоит из двух основных процессов – рост общей численности населения планеты и взаимная ассимиляция различных этнических групп.

6) Ключевым фактором, влияющим на современные глобализационные процессы, является *деятельность Мирового правительства*. Не вдаваясь в душераздирающие подробности, рисуемые нам многочисленными теориями заговора, следует признать, что эта надгосударственная структура вполне эффективно выполняет роль штаба «Нового Мирового Порядка». В своей работе эта организация ориентируется на интересы замкнутой малочисленной мировой элиты, что трудно признать положительным фактором.

Попытаемся в общих чертах определить основные тенденции мирового развития в начале нового тысячелетия.

1) В сфере «ментальной» *глобализации* следует ожидать ряд интеграционных процессов. Единая религия, о необходимости которой всегда говорили самые светлые умы человечества, в первоначальном виде появится не ранее чем во второй половине XXI века. До этого момента устраняться противоречия между католической, православной и протестантской ветвями христианства. Необходимость объединения экономических усилий «христианских» стран и народов в условиях роста численности и активности «нехристианского» населения станет фактическим катализатором интеграции церковных институтов. Следует ожидать аналогичное сближение позиций и внутри ислама. Межконфессиональная интеграция будет проходить несколько медленнее, и в данном вопросе многое будет зависеть от позиции элиты, реализующей стратегию глобализации. Факторами такой интеграции могут стать экономические интересы церковных организаций и нажим со стороны политического руководства ведущих стран мира. Кроме

того, у лидеров «традиционных» религиозных организаций существуют опасения по вопросу беспрецедентного увеличения числа людей, интересующихся «новыми» религиями. Пример «New Age» показал, что пока традиционалисты выясняют, какая из религий «главная», многочисленные группы и секты просто переманивают у них паству.

В сфере *культурной глобализации* интеграционные процессы носят менее инертный характер и поэтому можно ожидать появление глобальной сверхкультуры уже в ближайшие 10-15 лет. Контуры такой сверхкультуры можно видеть уже сегодня – это синтез традиционных культурных традиций (классическая европейской; массовой североамериканской; латиноамериканской; дальневосточной; мусульманской и индийской) в сочетании с новыми формами (сетевая культура; киберкультура). Естественно, что в рамках единой сверхкультуры у каждого региона будут те или иные предпочтения.

2) *Территориальная глобализация* будет развиваться по этапам: а) укрепление государств традиционного типа в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, странах бывшего СССР; б) строительство союзов и объединений государств в Европе, Северной Америке, арабском мире; в) появление континентальных территориальных структур – Североамериканской, Южноамериканской, Европейской, Дальневосточной (Тихоокеанской) и Исламской; г) укрупнение континентальных территориальных структур до 3 (Американская, Европейско-Исламская и Дальневосточная) или даже 2 (Атлантическая и Тихоокеанская). Образование единой цивилизации, при которой отсутствовало бы деление на национальные государства или иные территориальные образования, является делом более отдаленного будущего. Представляется, что такая ситуация станет возможной только на этапе, когда этнические и культурные различия будут стерты в достаточной мере, а для этого процесса потребуется не менее 200-250 лет.

На этом фоне будет развиваться процесс вытеснения традиционных государств сверхкорпорациями. Следует ожидать появления в ближайшие 10-15 лет частных компаний, обладающих признаками суверенных государств: экстерриториальность; наличие собственных легитимных вооруженных сил; участие в международных организациях, предусматривающих членство только для суверенных субъектов. Параллельно с этим будут развиваться и государственные образования традиционного типа. Таким образом, процессы территориальной глобализации, глобализации экономических форм и урбанизации уже сегодня сливаются в единый процесс *глобализации управления*.

Одновременное развитие как государств традиционного типа, так и экстерриториальных сверхкорпораций будет протекать какое-то время без силовых конфликтов между ними. Традиционная государственность получит свое дальнейшее развитие в тех регионах, где частный бизнес недостаточно развит, чтобы сформировать внутри себя экстерриториальный субъект негосударственного типа (сверхкорпорацию) – в Латинской Америке, Юго-Восточной и Центральной Азии, Африке. В постиндустриальных регионах (Северная Америка и Европа), процессы взаимодействия государства и сверхкорпораций будут происходить на базе имеющихся правовых механизмов. Примером может служить неудавшаяся попытка образования первой в истории глобальной сверхкорпорации на базе компании Microsoft. На нынешнем этапе американское государство сумело приостановить процесс суверенизации частной корпорации, но это не гарантирует от повторения подобных ситуаций в будущем.

3) *Экономическая глобализация* к настоящему времени имеет наиболее прорисованные черты, которые в основном сохраняться и в будущем: а) ведущая роль больших компаний (в будущем – сверхкорпораций); б) функционирование глобальных «виртуальных» рынков – финансового, валютного, фондового – в целях финансирования потребления «золотого миллиарда» (с 2020-2025 гг. – «золотых» 2-3 миллиардов); в) изменение структуры транспортных потоков в результате функционирования глобальных информационных сетей; г) создание и деятельность глобальных торгово-экономических объединений и союзов; д) перевод всех национальных и международных финансовых и валютных транзакций в глобальную сеть; е) перевод розничных банковских, страховых и торговых операций в глобальную сеть.

4) *Информационно-коммуникационная глобализация* уже стала фактическим катализатором многих объединительных процессов современной истории. Следует ожидать сохранение этой роли в будущем планетарном устройстве. Основными направлениями информационно-коммуникационной глобализации необходимо считать: создание глобальных по охвату коммуникационных систем на базе космических комплексов; преимущественное развитие космических систем двойного назначения; развитие персональных систем связи и глобального позиционирования; создание глобальных систем управления бизнесом, производственными процессами и домашним хозяйством на базе информационно-коммуникационных комплексов; компьютеризация и роботизация все большего числа процессов жизнедеятельности человечества.

5) *Этническая глобализация* будет характеризоваться следующими основными чертами:

а) продолжение роста общей численности населения планеты. При этом процессы глобализации управления уже к 2020-2025 гг. создадут ситуацию, когда производство основных видов товаров и услуг сможет удовлетворять не «золотой миллиард» Римского клуба, а гораздо большее число людей (от 2 до 3 миллиардов);

б) поэтапная этническая ассимиляция, когда сначала будут «смешиваться» этносы в пределах одной территориальной или конфессиональной группы, а затем начнется и межгрупповой процесс. Представляется, что первыми кандидатами на этническую ассимиляцию станут: народы, исповедующие ислам; европейцы; латиноамериканцы. Логичным завершением всех ассимиляционных процессов в этнической сфере должно стать появление в течение 200-250 лет единого «планетарного» этноса;

в) попытки изменения человека как биологического вида на базе генетических и других биотехнологий. Давнее желание определенных кругов вырастить в пробирке человека нового типа получают уже сегодня материальные возможности. Остается только гадать, к чему это приведет.

В наиболее широком смысле глобализация означает возникновение и распространение надтерриториальных измерений социальных отношений.

Французский социолог Ф.М. Дефарж считает: «Глобализация – понятие экономического порядка, присутствует везде с 80-х гг., пронизывает действия всех актеров международного театра (государств, предприятий, индивидуумов, организаций), которые принуждены рассуждать на глобальном уровне, т.е. на уровне целой планеты: нужда в более широких рынках, продукция и услуги, требующие серьезных вложений и подвергающиеся быстрому обветшанию, расширение соревнования, поскольку индустриальный и торговый мир не ограничивается Западом, но распространяется до морской Азии; увеличение течений, играющих пространством и временем (капиталы, информация); появление так называемых мировых ставок, сдерживание которых требует согласия если не всех людей, то по меньшей мере основных государств (например, проблемы нераспространения ядерного оружия, окружающей среды)» [1, 71].

Бернар Бади, французский специалист в области социологии международных отношений, выделяет три измерения глобализации, важных именно с точки зрения международных отношений. Во-первых, «глобализация – это исторический процесс, развивающийся на

протяжении многих столетий; во-вторых, глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать; в-третьих, глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых акторов общепланетной сцены – глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных управленческих структур (сетей), которые взаимодействуют на равных основаниях не только между собой, но и с самими государствами – традиционными лицами международных отношений» [2, 14].

Несмотря на широкое использование термина «глобализация» в газетах, научных статьях, книгах, на радио, телевидении и в Интернете, большинство исследователей под глобализацией понимают следующее: свободную комбинацию соглашений о свободной торговле, свободный рынок труда, Интернет и интеграцию финансовых рынков, которые стирают границы и объединяют мир в единый, приносящий прибыль, но жестко конкурентный рынок.

Наиболее острая научная дискуссия развернулась относительно определения момента возникновения процессов глобализации. Историки (Ф. Бродель) и географы (Д. Дольфюс), настаивают на характеристике глобализации как одного из многих этапов многовекового развития капитализма. Экономисты (П. Друкер, Т. Левитт, К. Оме) считают, что процессы глобализации начались с транснационализации финансовых рынков, слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными компаниями, а именно не ранее, чем 30-40 лет назад. Политологи (С. Хантингтон, Г.-П. Мартин и Г. Шуман) связывают появление глобализации с распространением демократических принципов и институтов по всему миру, культурологи (П. Бергер) – с универсализацией и вестернизацией культуры, космополитизацией и определенной унификацией стилей жизни, форм поведения, моды и т.п., иными словами, с началом распространения влияния Запада на остальной мир (примерно два-три века назад). Социологи (Э. Гилденс, Д. Медоуз) также утверждают, что «глобализация социальных отношений» и глобальные проблемы начались с распространением влияния Запада. В международных отношениях (Х. Булл) говорят о международном обществе со второй половины XX в. Представители технологических наук и экологи (М. Мак-Луан) считают, что «глобализация» обусловлена необходимостью

предотвращения надвигающихся экологических угроз и невозможностью решить их силами отдельно взятого государства.

Очевидно, что разногласия относительно даты начала процессов глобализации напрямую связаны с различиями в подходах к определению понятия глобализации.

На наш взгляд, говорить о процессах глобализации в международных отношениях правомерно только с 80-х гг. и связано это, прежде всего, со следующими факторами. Первый фактор – степень интеграции, которая изменялась на протяжении всего столетия. Высокие торговые барьеры в 20-х и 30-х гг., контроль над иммиграцией, запреты на иностранные инвестиции в различных странах, запреты на культурные обмены – все это в значительной степени тормозило интеграцию. В 50-х гг. барьеры между Западной Европой, Северной Америкой и Японией стали уменьшаться. Но страны разъединяли идеологии и вера в самодостаточность. Снятие политических барьеров привело к резкому росту интеграции в 90-х гг. Решения западных стран о приверженности открытой экономике, зарубежном инвестировании, росте торговли, либерализации телевидения были по сути своей политическими. Они, как и любое политическое решение, обратимы.

Импульс развитию процессов глобализации был дан в развитых странах Запада. Глобальное развитие по своей сути западноцентрично, Дело в том, что «импульсы глобализации идут из Центра, т.е. стран Запада, уже вступивших в эру перехода от индустриальных к постиндустриальным производительным силам» [3, 27].

Необходимо отметить, что вплоть до конца 80-х гг. термин «глобализация» обычно переводился как «интернационализация». Очевидно, что до конца 80-х гг. концепция глобализации не имела широкого распространения в мире, за исключением Японии, где значение термина было тождественно, правда с точки зрения узкого круга специалистов, понятию экономической глобализации.

Нельзя не упомянуть об аргументах, направленных против концепции глобализации как таковой. Так, С. Стрендж предлагает исключить несколько «нечетких и бестолковых слов», используемых в международных отношениях, среди которых глобализация – наихудшее из всех.

Наиболее распространенным является аргумент, что концепция глобализации не содержит в себе ничего нового:

- мировая торговля и даже потоки капиталов только недавно достигли уровня, который был перед началом Первой мировой войны;

- существует мнение, что степень взаимозависимости мира в этот период была примерно равна современной, и поэтому война была неизбежна;
- основные аргументы в борьбе за власть между государствами и рынками были известны еще во времена Адама Смита, который и предложил многие из них;
- греки, римляне, арабы, испанцы и британцы – все они предшествовали американцам как носители глобальных культур.

Схожие аргументы приводятся и относительно неэкономических аспектов глобализации. Так, например, пиратство (терроризм) и болезни были глобальными проблемами еще в XIX в.

Культурная глобализация, может быть, и ослабляет некоторые аспекты индивидуальной идентичности, но неверно утверждать, что она более всеобъемлюща, чем проникновение и влияние европейского и американского империализма в Азию, Африку и Латинскую Америку с начала XVI в. и до наших дней, или Римского Христианства в Европу, или Ислама на Ближний Восток. В некотором смысле современный мир более закрыт, чем прежний, особенно если говорить о барьерах на пути миграции, которые усиливают, а не ослабляют идентификацию индивида по отношению к своему государству.

Однако сторонники подобного рода аргументов вовсе не утверждают, что все, происходящее ныне, существовало в мире прежде. Еще столетие назад невозможно было даже представить, что мир будет меняться с такой скоростью.

Более того, процессы глобализации идут не везде равномерно. Некоторыми учеными оспаривается факт распространения глобализации не только в отдаленных частях Китая, Африки, Индии и Латинской Америки, но в некоторых «глухих» районах США.

По мнению оппонентов, сторонники концепций глобализации, описывая процессы, имеющие место в мире, часто преувеличивают их размеры и последствия. Даже если такая концепция и имеет какую-либо научную ценность, ее прогнозы относительно государства крайне сомнительны. Хотя специфическая концепция государства как гаранта социального обеспечения и благосостояния от рождения до смерти и кейнсианского макроэкономического управления может находиться сейчас на спаде, это занимает всего лишь один из коротких периодов в истории развития государства, которое вообще не играло почти никакой роли в XVII и XVIII вв. Кроме того, более тщательный анализ ТНК и других экономических акторов и процессов позволяет констатировать, что они значительно более привязаны к своим

первоначальным национальным экономикам, чем это предполагается глобалистами.

На наш взгляд, аргументы ряда ученых о невозможности объяснить все новые явления в экономике и в других сферах человеческой жизни только на основе процессов глобализации не лишены оснований.

Таким образом, к глобализации относят *процессы* (в том числе распространение и интернационализация финансовых рынков), *взаимодействующие сети* (в том числе глобального корпоративного управления, всемирных эпистемических и интерпретирующих сообществ), *структуры* (в том числе недавно возникшие властные отношения, берущие свое начало в изменяющихся направлениях мировых инвестиций), и *новые типы общения* (в том числе новые социальные познавательные конструкции, идентичности и значения, построенные на основе глобальных условий постмодернизма и космополитизма).

Суммируя вышесказанное, можно предложить следующее определение: глобализация – исторический процесс, начавшийся в последней четверти XX в., главным содержанием которого являются изменения, приводящие к выходу властных полномочий, авторитета, действий и интересов за пределы существующих государственных территориальных границ. Основой этого процесса стало формирование мировой экономики на основе распространения достижений научно-технического прогресса, интеграции финансовых рынков и промышленного производства. Основным результатом этих изменений является большая политическая и экономическая взаимозависимость.

Литература:

1. Дефарж Ф.М. Основные понятия международной политики. – Париж, 1995.
2. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2-3.
3. Симония Н.А. Тенденции, идущие вразрез с процессом глобализации, все еще сильны // Глобальные процессы и перспективы взаимодействия России и Третьего Мира. ИМЭиМО. 1994.

INTERDEPENDENCY OF TEACHER'S EFFECTIVENESS AND STUDENT LEARNING

Speaking about educational quality improvement no one denies the transformative power of teacher's effectiveness though assuming its habitual and commonplace character. We know intuitively that highly effective teachers can have an enriching effect on the daily lives of children and their lifelong educational and career aspirations. It has been proved empirically that these effective teachers also have a direct influence in enhancing student learning. Research on teacher quality supports the fact that effective teachers not only make students feel good about school and learning, but also that their work actually results in increased student achievement. Studies have substantiated that a whole range of personal and professional qualities are associated with higher levels of student achievement. For example, we know that verbal ability, content knowledge, pedagogical knowledge, certification status, ability to use a range of teaching strategies skillfully, and enthusiasm for the subject characterize more successful teachers. [9].

Pamela D. Tucker and James H. Stronge suggest the following to be some of the key qualities of effective teachers:

- Have formal teacher preparation training.
- Hold certification of some kind (standard, alternative, or provisional) and are certified within their fields.
- Have taught for at least three years.
- Are caring, fair, and respectful.
- Hold high expectations for themselves and their students.
- Dedicate extra time to instructional preparation and reflection.
- Maximize instructional time via effective classroom management and organization.
- Enhance instruction by varying instructional strategies, activities, and assignments.
- Present content to students in a meaningful way that fosters understanding.
- Monitor students' learning by utilizing pre- and post-assessments, providing timely and informative feedback, and reteaching material to students who did not achieve mastery.

- Demonstrate effectiveness with the full range of student abilities in their classrooms, regardless of the academic diversity of the students. [10, 2].

Not only does a reasonable consensus exist on what effective teachers do to enhance student learning, but also meta-analyses by researchers such as Marzano, Pickering, and Pollock (2001) have begun to quantify the average effects of specific instructional strategies. When properly implemented, instructional strategies such as identifying similarities and differences, summarizing and note taking, and reinforcing effort and providing recognition can result in percentile gains of 29-45 points in student achievement [3]. Such an increase would mean that the score of an average student at the 50th percentile might rise to the 79th or even the 95th percentile with the effective use of selected instructional strategies.

The work of Bill Sanders has been pivotal in reasserting the importance of the individual teacher on student learning [6]. One aspect of his research has been the additive or cumulative effect of teacher effectiveness on student achievement. Over a multi-year period, Sanders focused on what happened to students whose teachers produced high achievement versus those whose teachers produced low achievement results. He discovered that when children, beginning in 3rd grade, were placed with three high-performing teachers in a row, they scored on average at the 96th percentile on Tennessee's statewide mathematics assessment at the end of 5th grade. When children with comparable achievement histories starting in 3rd grade were placed with three low-performing teachers in a row, their average score on the same mathematics assessment was at the 44th percentile, an enormous 52-percentile point difference for children who presumably had comparable abilities and skills. Elaborating on this body of research, Dr. Sanders and colleagues reported the following: «... the results of this study well document that the most important factor affecting student learning is the teacher. In addition, the results show wide variation in effectiveness among teachers. The immediate and clear implication of this finding is that seemingly more can be done to improve education by improving the effectiveness of teachers than by any other single factor. Effective teachers appear to be effective with students of all achievement levels, regardless of the level of heterogeneity in their classrooms» [11, 63].

Further analysis of the Tennessee data indicated that the effects on achievement of both strong and weak teachers persisted over three years: subsequent achievement was enhanced or limited by the experiences in the classrooms of strong or weak teachers, respectively [6, 63]. In other words, learning gains realized by students during a year in the classroom of an effective teacher were sustained over later years and were compounded by

additional years with effective teachers. Conversely, depressed achievement results resisted improvement even after a student was placed with an effective teacher, and the negative impact was discernible statistically for approximately three subsequent years. Given results like these, it's no wonder that the researchers found that «a major conclusion is that teachers make a difference» [11, 57].

In a comparable study by researchers in Dallas, Texas, similar results were found in both math and reading during the early grades [5, 257-267]. Based on the findings from the Dallas Public Schools' Accountability System, the negative effects of a poor-performing teacher on student achievement persist through three years of high-performing teachers. The good news is that if students have a high-performing teacher one year, they will enjoy the advantage of that good teaching in future years. Conversely, if students have a low-performing teacher, they simply will not outgrow the negative effects of lost learning opportunities for years to come. Further exacerbating the negative effects of poor-performing teachers, the Dallas research shows that «lower-achieving students are more likely to be put with lower effectiveness teachers. Thus, the negative effects of less effective teachers are being visited on students who probably need the most help» [5, 261].

In straightforward terms, these residual effects studies make it clear that not only does teacher quality matter when it comes to how much students learn, but also that, for better or worse, a teacher's effectiveness stays with students for years to come.

Given the growing body of knowledge about the impact of effective teachers on children, it seems that educational policy in the USA is beginning to acknowledge the importance of classroom teachers in addition to curriculum standards and assessments. Pamela D. Tucker and James H. Stronge consider the federal No Child Left Behind Act of 2001 as a case in point, which has introduced both the concepts of «adequate yearly progress», based on annual testing, and «highly qualified teacher», based on teacher credentials, as strategies to improve U.S. education [10, 6].

Teacher evaluation systems are often intended to serve the purpose of providing feedback and guidance for improving professional practice. In fact most authors identify the fundamental purposes of teacher evaluation as improving performance and documenting accountability. The performance improvement function relates to the personal growth dimension and involves helping teachers learn about, reflect on, and improve their practice. The improvement function generally is considered formative in nature and suggests the need for continuous professional growth and development. The accountability function, on the other hand, reflects a commitment to the important professional goals of competence and quality performance.

Accountability is typically viewed as summative and relates to judging the effectiveness of educational services [4, 3-9].

Most educators would agree that they are responsible for student learning, but the profession as a whole has avoided evaluations based on measures of student learning sometimes with good reason, given the unfair approaches that have been proposed. The solution, however, is not to continue with traditional strategies simply because they are benign and comfortable, but rather to develop fair and reasonable means of assessing teacher success with students.

Concerns about assessing teacher quality based on measures of student learning have clustered around what Schalock [7, 237-246] terms the collective and conditional nature of accountability, as well as the strategies for measuring student learning. Often, accountability efforts in schools are reduced to simplistic mandates for students to reach specified achievement goals at certain points in time. While gratifying as a bottom line, these expectations ignore the complex interdependencies of the learning enterprise.

Ultimately, learning is a phenomenon that occurs as a result of the interactions between a teacher and student. Teachers cannot be solely responsible for student learning because it is an internally controlled activity.

Two primary purposes of teacher evaluation are professional growth and accountability [10, 10]. The use of data on student learning in the teacher evaluation process offers a potential tool for both improvement and for refocusing teacher evaluation on the accomplishments of teachers versus stylistic issues or their political standing. Too often, personal opinions or biases contaminate the evaluation process and undermine the credibility and trust necessary for meaningful dialogue about instruction. Reliable and valid information on student learning helps to align the evaluation process with the fundamental concerns of schooling. There are numerous advantages to this approach.

Objective feedback in the form of assessment data also offers an invaluable tool for supervision. As Barbara Howard and Wendy McColskey note, «evaluation that leads to professional growth requires teachers to look honestly at their weaknesses and strengths» [1, 49]. Self-assessment can be limited because of a lack of objectivity. Feedback from colleagues or supervisors based on a few classroom visits is equally limited because of the narrow sampling of behavior it provides. Assessment data of student learning over a marking period or even half a year can provide substantive feedback on students' cumulative mastery of material. It provides a broader and richer sampling of the teacher's impact on students and permits the identification of specific patterns in the learning of content and skills that were taught.

Data analysis has been used as a means of monitoring success and ensuring accountability for the identified goals of schools and school systems. In a recent study of 32 schools in the San Francisco Bay area, the frequency with which teachers collected, interpreted, and analyzed data for instructional improvement was found to differ among schools that were closing the achievement gap versus those that were not. «Two-thirds of the teachers surveyed in the gap-closing schools said they used test and other data at least several times a month to understand their students' skills gaps, and sometimes several times a week» [12, 9]. Instructional responsiveness to student assessments is a powerful tool for increased student achievement.

In addition to providing meaningful feedback for instructional improvement, student achievement data can provide encouragement and a sense of gratification. As Schmoker observes, «Data and results can be a powerful force for generating an intrinsic desire to improve» [8, 39]. Credible data on the results of teaching efforts inform instructors on what to change to improve their performance and gauge their success in doing so. Without concrete feedback on the results of their work, teachers can hardly hope to improve them.

More than 30 years ago, Lortie noted that «the monitoring of effective instruction is the heart of effective instruction» [2, 141]. Truly effective teachers monitor student learning on an ongoing basis and use the information to improve their teaching.

Литература:

1. Howard B., McColskey W. Evaluating Experienced Teachers. *Educational Leadership*, 2001, vol. 58(5), p. 48-51. P. 49.
2. Lortie D.C. *School-teacher: A sociological study*. University of Chicago Press - Chicago, USA. 1975. P. 141.
3. Marzano R., Pickering D., Pollock J. *Classroom Instruction that Works: Research-based Strategies for Increasing Student Achievement*. Association for Supervision and Curriculum Development - Alexandria, VA, USA. 2001.
4. McGahie W. Professional Competence Evaluation. *Educational Researcher*, 1991, vol. 20, p. 3-9.
5. Mendro R. Student Achievement and School and Teacher Accountability. *Journal of Personnel Evaluation in Education*, 1998, vol. 12, p. 257-267.
6. Sanders W., Rivers J. *Cumulative and Residual Effects of Teachers on Future Student Academic Achievement (Research Progress Report)*. University of Tennessee Value-Added Research and Assessment Center - Knoxville, TN, USA. 1996. P.63
7. Schalock H. Student Progress in Learning: Teacher Responsibility, Accountability and Reality. *Journal of Personnel Evaluation in Education*, 1998, vol. 12(3), p. 237-246.
8. Schmoker M. *Results: The key to continuous school improvement*. Association for Supervision and Curriculum Development - Alexandria, VA, USA. 1999. P. 39.
9. Stronge J. *Qualities of Effective Teachers*. Association for Supervision and Curriculum Development - Alexandria, VA, USA. 2002.

10. Tucker P., Stronge J. Linking Teacher Evaluation and Student Learning. Association for Supervision and Curriculum Development – Alexandria, Virginia, USA. 2007. p. 2.
11. Wright S., Horn S., Sanders W. Teacher and Classroom Context Effects on Student Achievement: Implications for Teacher Evaluation. Journal of Personnel Evaluation in Education, 1997, vol. 11, p. 57-67, p. 63.
12. Viadero D. Achievement-gap study emphasizes better use of data. Education Week, 2004, January 21, p. 9.

Савельева А.В.

старший преподаватель
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕГО СТРУКТУРЫ

В научной литературе существует два основных подхода к пониманию интеллектуального и человеческого капитала организации. Согласно первой позиции, интеллектуальный капитал (ИК) представляет собой исключительно часть человеческого капитала и обусловлен возникновением особой сферы обмена деятельностью, связанной с самостоятельным движением способности к экономии времени труда и повышению эффективности потребления, трансляцией способов труда и жизнедеятельности, созданием и передачей информации, ноу-хау в предметной и деятельной формах. Согласно другой точке зрения, которую разделяет автор статьи, понятие ИК по объему шире понятия человеческого капитала и включает в себя информацию как самостоятельный производственный ресурс.

В структуре ИК существуют три составляющие – человеческий, организационный (структурный) и потребительский (рыночный) капиталы. Объединяющим началом для столь разных по существу явлений под общим названием «Интеллектуальный капитал организации» может служить идея кругооборота ИК. Знания и способности работников воплощаются в организационные процессы и связи с деловыми партнерами, которые, в свою очередь, создают базу для устойчивых отношений с клиентами. Сотрудничество с клиентами и партнерами ведет к накоплению опыта, развитию знаний и способностей работников организации. Традиционно выделяемые – человеческий, организационный и клиентский капиталы – следует рассматривать не только как части ИК, но и как этапы его кругооборота.

Согласно структуре ИК организации, человеческому капиталу соответствует индивидуальная компетенция персонала,

организационному – внутренняя структура, потребительскому – внешняя структура. Все составляющие части и элементы ИК взаимодействуют друг с другом. Так, потребительский капитал или внешняя структура может укреплять престиж, способствовать приобретению новых потребителей. Организационный капитал или внутренняя структура с помощью трансфера [1, 97] знаний снижает зависимость организации от человеческого фактора. Человеческий капитал или компетенция работников способствует разработке новых идей и творческих способностей, лидерских, предпринимательских и управленческих качеств. Потому на практике недостаточно инвестировать средства в каждую из этих частей по отдельности.

Человеческий капитал – базовый и системообразующий элемент ИК, один из основных факторов конкурентоспособности, экономического роста и эффективности. Он является определяющим для успешного использования других видов капитала. Активное участие персонала в организационных и финансовых инновациях, формирование команд, развитие организационной культуры, нацеленной на постоянные новшества и на поиск эффективных путей разрешения возникающих проблем – все это стало средством стабилизации коллектива организации и ее устойчивым конкурентным преимуществом.

Формирование, развитие и сохранение человеческого капитала внутри организации обеспечивается благодаря сочетанию и функционированию трех процессов:

- закреплению в организации ключевых сотрудников;
- передаче запаса уникальных знаний другим работникам;
- воплощению человеческого капитала в объектах интеллектуальной собственности и организационных знаниях.

Например, менеджеры Lucent Technology, стараясь показать достоинства компании, первым делом обращают внимание на количество нобелевских лауреатов, работающих в лабораториях компании.

К человеческому капиталу также относятся ноу-хау, неотделимые от конкретного физического лица. Использование таких ноу-хау обычно требует не только знания – как делать, но и умения выполнить соответствующие операции. Ярче всего это свойство проявляется в цирковых фокусах. Нечто подобное имеет место в хирургии, где мало знать, как выполняется операция, надо уметь ее сделать на должном уровне, а также во многих других областях человеческой деятельности.

Существуют три направления формирования человеческого капитала: образование, культурно-нравственное воспитание, здравоохранение.

Образование рассматривается как трехуровневое: дошкольное; школьное; высшее и послевузовское профессиональное образование. Прохождение всех трех уровней соответствует возрастному развитию интеллекта. Особенностью образования, как направления формирования интеллектуального капитала, является «обоюдный множительный эффект», в результате которого качественные свойства развиваются не только у обучающегося, но и у обучающего.

Инвестиции в высшее образование способствуют формированию высококвалифицированных специалистов, труд которых оказывает наибольшее влияние на темпы экономического роста. Исследование зависимости производительности труда от образования показало: при 10%-повышении уровня образования производительность возрастает на 8,6%. При таком же увеличении акционерного капитала производительность возрастает на 3-4% [7].

Культурно-нравственное воспитание призвано сформировать в человеке такие психологические качества личности, как честность, ответственность, трудолюбие, стремление к развитию, чувство своей необходимости и общественной значимости. Эти качества позволяют свести риск неиспользования ИК к минимуму и говорить об эффективном участии его собственника в общественном воспроизводстве.

Здравоохранение способствует накоплению так называемого капитала здоровья, который представляет собой результат генетического наследования, здорового образа жизни и системы здравоохранения. Цель данного направления заключается в обеспечении максимально возможной реализации ИК за счет продления трудовой жизни его собственника и сведения к минимуму болезней.

Наиболее актуальные проблемы в сфере ИК обследованных предприятий связаны с трансформацией человеческого капитала в организационный структурный капитал формированием эффективных деловых сетей. Отсюда возникают проблемы, связанные с клиентским капиталом: организация, не имеющая конкурентных преимуществ в производстве и маркетинге, не сможет привлечь выгодных клиентов и закрепить их за собой. Имея достаточно полное представление об имеющемся ИК организации могут разрабатывать планы и программы его использования и дальнейшего развития.

Структурный капитал, подобно человеческому капиталу, эффективен только в контексте стратегических целей компании. Самоценность структурного капитала, как и капитала вообще, определяется не его наличием, а эффективностью использования. Таким образом, можно утверждать, что структурный капитал является проявлением организационных способностей компании отвечать требованиям рынка, возможности их использования вновь и вновь для создания новых ценностей.

К структурному капиталу относятся права интеллектуальной собственности, информационные ресурсы, инструкции и методики работы, система организации фирмы и т.д. При всей своей разнородности именно структурный капитал в наибольшей степени соответствует тому, что называется нематериальными активами. Сюда относятся систематизированные знания, в том числе ноу-хау, в принципе отделимые от физических лиц и от фирмы.

С точки зрения бизнеса принято различать три вида ноу-хау: неотделимые от конкретного физического лица (работника); неотделимые от фирмы; отделимые в общем случае от физического лица и от фирмы.

В структурный капитал входят лишь ноу-хау третьего вида. Таким образом, ноу-хау оказываются частью как человеческого, так и структурного капитала. Это очень важно для понимания феномена обесценения ИК при нелояльном (оппортунистическом) поведении сотрудников или при их увольнении.

Потребительский или рыночный капитал компании – это отношения компании с потребителями ее продукции. Характеризуется такими качествами, как глубина проникновения, ширина распространения, постоянство, уверенность в том, что потребители и впредь будут отдавать предпочтение данной компании.

Примером эффективного использования клиентского капитала является то, что операционная система Windows [6] установлена на большинстве компьютеров, поэтому программисты стремятся разрабатывать прикладные программы, прежде всего, для этой системы, а затем уже для менее распространенной системы OS/2. В свою очередь, обилие новых прикладных программ повышает привлекательность Windows в глазах покупателей компьютеров, благодаря чему возникает эффект нарастающей положительной обратной связи. Нарушить эту связь не удастся даже более совершенному продукту, если он вышел на рынок слишком поздно. Вместе с тем, эту связь можно усилить, увеличив тем или иным способом объем продаж.

К рыночному капиталу принято относить: товарные знаки и знаки обслуживания; фирменные наименования; деловую репутацию; наличие своих людей в организациях партнеров или клиентов; наличие постоянных покупателей; повторные контракты с клиентами и т.д.

Измерение рыночного капитала в каких-либо количественных показателях, в том числе его стоимостная оценка отдельно от других составляющих ИК, скорее всего, не имеет смысла, хотя возможно количественное измерение отдельных частей рыночного капитала. Многие фирмы показывают количество постоянных потребителей своей продукции, например, количество зарегистрированных пользователей программного продукта, подписчиков журнала и т.п. В денежном выражении уже давно принято оценивать товарные знаки и знаки обслуживания, а в последнее время – брэнды.

Брэнд – это коммерческий эквивалент репутации. Товарный знак (ТЗ) – обозначение, способное отличать товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров, услуг других юридических или физических лиц. Товарный знак станет элементом брэнда, если он важен покупателю для отличия и выбора товара. Торговая марка – это «имя, термин, знак, символ, рисунок или их сочетание, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и дифференциации их от товаров и услуг конкурентов». Любой брэнд является торговой маркой, но не каждая торговая марка – брэндом. ТМ становится брэндом тогда, когда коммуникация Товар-Покупатель конкретного товара становится значительно сильнее и устойчивее по отношению к аналогичным коммуникациям товаров-конкурентов.

ИК – не абсолютная ценность. Эффекты от его применения проявляются только при определенных условиях. Дело в том, что интеллектуальная собственность может, с одной стороны, выступать как объект исключительных прав компании и входить в ее активы, с помощью которых производится продукт или услуга, при этом она может быть куплена; с другой стороны, интеллектуальная собственность может быть результатом интеллектуальной деятельности сотрудников компании, то есть ее продуктом, используемым самой компанией; с третьей стороны, этот продукт может быть сам по себе товаром, то есть предметом сделки купли-продажи, залога и прямым источником дохода, если он облечен в правовую форму.

Эффективность и ценность ИК являются не всеобщими универсальными категориями: они определяются и самовозрастают только в контексте конкретной стратегии развития компании и при

иной стратегии имеющиеся интеллектуальные ресурсы могут быть малопригодны.

Литература:

1. Багов В.П., Селезнёв Е.Н., Ступаков В.С. Управление интеллектуальным капиталом: Учеб. пособие. – М.: ИД «Камерон», 2006. – с. 97.
2. Борисов Г.В. Человеческий капитал фирмы / Вестник С.-Пб. университета. – СПб, 2006. – с. 173-188.
3. Дунаева Н. Молодежь на рынке труда / Вопросы экономики. 2007, №1. С. 38-44.
4. Маслов Е.В. Управление персоналом предприятия. – М: Дело, 2005.
5. Сабирьянова К. Микроэкономический анализ динамических изменений на российском рынке труда / Вопросы Экономики 2008., №1. С. 32-45.
6. <http://www.cemi.rssi.ru>
7. <http://www.koism.rags.ru>

Сайфутдинова Р.И.

студентка 3 курса факультет «Психологии и рекламы»
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Пушкина Н.М.

кандидат философских наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НАРКОМАНИИ НА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В современном мире человек окружен множеством проблем различного характера. Часть из них представлена межличностными, которые индивид способен решить самостоятельно, другая же часть связана с обществом, которое видит любое проявление личности сквозь призму собственных штампов. Ярким примером такого клише является проблема наркомании. В настоящий момент в нашем обществе царят взгляды безразличия и пренебрежения к наркопотребителям, так как они не вписываются в идеал, навязанный нам социумом.

Я не пытаюсь пропагандировать и тем более поощрять употребление наркотиков, я лишь пытаюсь донести более гуманное отношение к этим людям, так как они (большая часть из них) пытаются покончить с этой смертельной зависимостью, но они не в силах претворить эти попытки в жизнь. Не из-за первоначальной причины употребления, а именно потому, что они уже не вписываются в тот круг людей определенного ранга. Опустившись на социальное дно, они стали делинквентами, а значит не желательными для былого

окружения. Общественность же ориентирована в область материальных ценностей.

Концентрированность на материальной стороне жизни вытесняет такие фундаментальные идеалистические представления как милосердие, понимание, эмпатия, гуманность, о них вспоминают очень редко, все втянуто в «жестокую гонку за рублем», которая не всегда бывает оправдана.

Так родители, стремящиеся обеспечить своего ребенка с «денежной» стороны, совсем забывают про иную - моральную. Особенно этот недостаток сильно сказывается на неокрепшей подростковой психике. В этот период развития ребенок нуждается в заботе, тепле и ласке, которые исходят от любящих отцов и матерей. Но, к сожалению, из-за одержимости родителей другой стороной их благополучия, дети ищут эту поддержку не в семье, а в более близкой (как им кажется) компании таких же подростков.

С древних времен основой становления личности была семья, именно там ребенку прививались ориентиры для дальнейшего жизненного пути. В семье ребенок получает первый опыт социализации и определенный набор поведенческих моделей, которые в дальнейшем призваны помочь ему при взаимодействии с другими членами общества. Если поведенческие модели не заложены по той или иной причине, ребенок испытывает трудности и определенный дискомфорт при соприкосновении с правилами и нормами социума. Особенно остро это воспринимается и переживается в пубертатный период развития индивида.

Статистика предоставляет данные о том, что именно в подростковом возрасте большинство наркозависимых впервые попробовали наркосодержащие вещества такие как «героин».

Употребление героина чревато различными заболеваниями инфекционного характера, которые со стремительной быстротой убивают человека. Такие заболевания как ВИЧ, гепатит-с передаются не только половым путем, но и через кровь, в случае с наркоманами через зараженные шприцы. В момент так называемой «ломки» наркоман не задумывается о своей безопасности, так как в этот момент тело сковывает страшная боль. Для него не имеет значения, каким инструментом пользоваться в данную минуту, все его мысли подчинены одной мысли – избавиться себя от физических страданий.

По словам наркозависимых, без употребления определенной дозы наркотика у них возникает затрудненное дыхание, им трудно поглощать пищу и спать. Наркотик необходим им для обеспечения нормальной повседневной жизнедеятельности организма.

Данная проблема очень остро стоит в нашем обществе. Не только по той причине, что наркопотребителям не оказывается соответствующая помощь, точнее она оказывается, но не в том объеме, который требуется на сегодняшний день. Наркоцентры по причине их малочисленности и нехватки квалифицированных кадров не в силах разместить в своих стенах всех нуждающихся в реабилитационной помощи. Помимо нарко- существуют еще и сервисные центры, где больным предоставляют услуги по замене использованных шприцов на новые во избежание заражения. Также в этих центрах предоставляются услуги по сбору крови и последующий ее анализ на предмет заражения венерическими заболеваниями, гепатитом. В, С, ВИЧ-инфекцией и СПИДом. Кроме выше перечисленных услуг оказывают и психологическую помощь. Ее предлагают в виде индивидуального и группового консультирования, тестовых, проективных методик, арттерапии. Именно психологическая реабилитация способствует приспособлению и дальнейшему функционированию личности в обществе. Непосредственная помощь в социальной адаптации является основой для последующей ремиссии.

Помимо нехватки реабилитационных центров существует еще одна не менее важная проблема. А именно проблема недостатка информации. Именно из-за дефицита информационных ресурсов, люди не знают куда обратиться с просьбой о помощи и нередко выбирают ошибочный путь в решении тех или иных проблем. По итогам соцопроса выяснилось, что лишь каждый десятый информирован о наличии в городе такого рода реабилитационных услуг. Однако в сервисную службу каждый день поступают в среднем по два обращения от людей, нуждающихся в помощи. В случае большей информированности граждан вероятность обращений существенно увеличиться, что позволило бы лучше контролировать такого рода проблемную ситуацию.

Очевидно, что такая проблема, как наркомания не может быть решена только посредством социальной адаптации наркозависимых. Немаловажным фактором в лечении является информированность их близких не только о том, что сын или дочь стали потребителями, но еще и о том, как следует себя вести в сложившихся обстоятельствах, дабы самим не стать пленником «паутины зависимости». Ведь часто бывает так, что наркозависимый делает своих родственников созависимыми. И уже родители озабочены поисками очередной дозы лишь для того, чтобы избавить от физических страданий своих детей и себя от психологических мучений. Такое поведение исключает последнюю надежду на выздоровление. Я считаю, что основой лечения наркомании

является профилактика. Ведь болезнь легче предупредить, чем лечить. Информировать граждан о проявлениях наркозависимости можно на базе сервисных и наркоцентров, где специалисты доносили бы информацию доступным языком для обычного обывателя. Элементарные знания родителей о первых симптомах употребления наркотиков дают максимальные шансы отвести беду от своих родных и близких. Поэтому имеет смысл проводить среди родителей, имеющих детей в школьном возрасте, семинары с привлечением профессионалов-наркологов. Следует учесть и то, что такого рода консультацию должны проходить все, вне зависимости от того есть или нет наркозависимый в данной семье. Кроме того, следует как можно больше и подробней информировать население через СМИ, т.е. предложить определенные передачи, где также будут принимать участие специалисты.

Семенова Р.У.

профессор

Институт социальных и гуманитарных знаний

г. Казань

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Систематизация и концептуализация содержания политического знания в целом, а в более конкретном плане и в аспекте соотношения политического и нравственного, предполагает обращение к интерпретации проблемы в русле единства диахронического и синхронического аспектов. Интеллектуальная реконструкция теоретических моделей прошлого и настоящего помогает дополнить и развить существующие представления о взаимодействии политики и нравственности как важнейших институтов общественной жизни. На множественность сложившихся теоретических образов о соотношении названных субстанций, определяемую имманентными для природы этого взаимодействия характеристиками, «накладываются» многообразные теоретические построения, выработанные в различные исторические эпохи.

Творческая реконструкция различных теоретико-политических построений демонстрирует тщетность поиска однозначных интерпретаций проблематики соотношения политического и нравственного, несостоятельность стремления уложить проблему в прокрустово ложе единожды найденных логических подходов и решений. Невозможность представить обозначенную тему как нечто

завершенное, устоявшееся и непротиворечивое является очевидным свидетельством полисубстанционального характера политического знания как такового. «Организуя мощнейший интеллектуальный поиск познания политики и одновременно воплощая различные способы объяснения ее природы и сущности, такие концептуальные конструкты превращают политологию в мультипарадигматическую науку, в отрасль знания, допускающую различные способы теоретической интерпретации политических явлений» [10, 33].

В то же время следует признать, что обозначенная полисубстанциональность не означает господства в политической науке релятивистских подходов и ориентаций, не отрицает представлений об общезначимом, утвердившемся, лежащем в основе теоретического фундамента политологического знания. Многообразные теоретические построения формируют направленность изучения интересующей нас проблемы, служат критерием отбора исследовательского материала, дают начало концепциям, развивающим их основные идеи, выполняя таким образом функцию организации научного поиска. Реконструкция, интерпретация и критическое осмысление этого знания, выявление внутренней связи и взаимообусловленности его составляющих должны совпадать с логикой самого предмета: «ведь история, в том числе и история политических... знаний не может вести себя неправильно» [7, 46].

Креативный потенциал многих политологических построений, в том числе и в аспекте соотношения политического и нравственного, находит отражение в глубине и оригинальности теоретических положений, заключенных в их содержании. Толкование политики как сферы общества, направленной на достижение блага, обозначение «высоких» требований, которым должен соответствовать политический деятель, утверждение необходимости преобразования политических отношений на справедливых началах, признание возможности влияния нравственности на политику на основе принципов согласия, компромисса, ненасилия и т.д. оказываются чрезвычайно созвучными задачам обновления российского общества и могут быть восприняты для преобразования политических отношений. Тем самым следует признать, что фундаментальный характер политологических построений проявляется не только в том, что они организуют и направляют теоретические исследования и тем самым двигают развитие политической науки, но и в том, что они служат разрешению конкретных практических проблем. Те или иные подходы к обоснованию проблемы соотношения политического и нравственного несут прикладную функциональную нагрузку.

Однако какие политические воззрения могут быть предметом анализа в интересующем нас ракурсе? Можно ли однозначно утверждать, что любое политическое построение включает в себе прослеживаемые либо отчетливо, либо «читаемые между строк» нравственно-этические смыслы?

Признание деонтологической направленности политических построений прошлого и настоящего по-разному осмысливается в научной литературе. В западной политической науке обозначенный теоретический дискурс является традиционным, хотя и раскрывается в достаточно широком ракурсе нормативизма вообще. Так, в сборнике «Политическая наука: новые направления», представленном авторитетными учеными современной политической науки, из 35 статей только семь не содержат упоминаний о нормативизме и нормативной проблематике [11]. О.Ю. Бойцова связывает подобную ориентацию с «интенсивным взаимодействием различных исследовательских школ и направлений политической мысли, что не только способствовало возникновению оригинальных концепций на стыке или даже вне традиционных подходов, но и вело к размыванию границ тех или иных «эвристических ячеек», с которыми соотносился изучаемый объект» [3, 27].

Действительно, подобного рода нравственно-нормативная ориентация характерна для различных проявлений политического знания, как для строго выстроенных и артикулированных концепций, так и для совокупности взглядов, имплицитно присутствующих в разрозненных текстах. Без учета данной тенденции невозможно решить ни эпистемологические проблемы политического знания и проследить логику внутренних концептуальных связей в нем, ни вписать это знание в интеллектуальный контекст эпохи. Отражением этого обстоятельства является возникновение специфицированного теоретико-методологического подхода в рамках политического знания – теории справедливости Дж. Роулса. Однако чрезвычайно важно подчеркнуть, на наш взгляд, то обстоятельство, что в основе декларируемого синкретизма лежит не только эпистемологическая озабоченность политологического сообщества, но и куда более основополагающие тенденции, связанные с попытками дать ответы на весьма злободневные вопросы современности. Вписанность этого знания в интеллектуальный контекст эпохи означает одновременно и верификацию его способности служить решению тех или иных задач реальной политики. Неслучайно то обстоятельство, что упоминавшаяся нами теория справедливости Дж. Роулса «органично вошла в идеологию различных политических течений, в том числе и левого крыла демократической партии США, в

программы таких политических деятелей как Джордж Макговерн, Эдвард Кеннеди, Джесси Джексон, отчасти и Мартин Лютер Кинг» [1, 5].

Методологические ракурсы обсуждения обозначенной проблемы предполагают выделение важнейших направлений, в рамках которых формируются основные исследовательские аспекты обсуждения обозначенной темы. Одним из таких направлений является ориентация политического знания на некоторые эталоны-образцы.

Так, Л. Штраус во «Введении в политическую философию», представляя обширную панораму развития политико-философской и политической мысли от Платона и Аристотеля («Классическое решение») до К. Маркса и Ф. Ницше («Три волны современности») уделяет особое внимание возможности «вхождения» нравственности в политическое знание [12, 9-25]. Утверждение возможности такого вхождения, с точки зрения Л. Штрауса, является предпосылкой для формулирования критерия, позволяющего отличить политическое знание от политического мнения. Политическое знание предполагает оценку явлений, в том числе и через призму нравственно-этических ориентиров как смыслообразующих оснований политического бытия. Политическое же мнение в понимании Л. Штрауса синонимично нейтральности и беспристрастности, ему свойственны «ошибки, догадки, убеждения, предрассудки, прогнозы» в познании природы явлений». «Все политическое знание окружено политическим мнением и переплетено с ним», тем не менее, логика развития политической теории связана с последовательными усилиями, «направленными в первую очередь на замену политического мнения политическим знанием». Ценностно-нравственная нагруженность политического знания, по мысли Л. Штрауса, является очевидной демонстрацией приближения политического знания к истине.

Ценностно-нравственная характеристика политико-философской и политической доктрины, рассуждает Л. Штраус, определяется, прежде всего, ее ориентацией на политические идеалы. Важнейшим аспектом политического развития является стремление к достижению той или иной цели и особенно такой цели, как «хорошая жизнь и хорошее общество». Хорошее же общество «представляет собой завершенное политическое благо». Ценностно-нравственная нагруженность политического определяется ценностно-нравственной направленностью цели.

По существу Л. Штраус подводит к пониманию того, что подобная постановка проблемы предполагает учет ее важнейшей составляющей, а именно общих критериев оценки политических структур и

политических позиций. Он рассуждает в том смысле, что «при определении государства или, скорее, гражданского общества, путем ссылки на его цель, приходится принимать во внимание критерий, в свете которого следует выносить суждения о политических действиях и институтах: цель гражданского общества необходимо функционирует как критерий для суждений о нем» [12, 21]. В данном случае ценностное измерение политической жизни увязывается с понятием «политическое благо». «Политическое благо» выступает как одна из общезначимых ценностей, образующих фундамент всех институтов, в том числе и политических. В соответствии с данным подходом все явления политической жизни оцениваются через призму их соответствия наилучшему идеальному правлению и достижению оптимальной организации общества. «По своей природе политические вещи подлежат одобрению или неодобрению, выбору или опровержению, похвале или порицанию, – развивает свои мысли Л. Штраус, – по существу своему они не нейтральны; они претендуют на человеческое повиновение, преданность, решение или суждение» [12, 11].

Комментируя взгляды Л. Штрауса, следует затронуть достаточно серьезный и значимый пласт обсуждения интересующей нас темы. В первую очередь следует отметить то обстоятельство, что, несомненно, вызывает интерес, стремление немецкого автора «привязать» теорию, изучающую нравственное измерение политической жизни к общезначимой ценности, норме-цели и норме-идеалу – идее блага. Примеров идеальных и абстрактных ориентиров, подобных данной идее, история политической мысли представляет достаточно много. Однако идея блага занимает в этом перечне совершенно особое место. По справедливому замечанию известного ученого В.С. Нерсисянца, «понятие «общего блага» относится к числу фундаментальных идей и принципов всей европейской социальной, политической и правовой культуры» [9, 78].

Представления о благе фиксировались в политических кодексах, законах, сводах политических правил, находили отражение в политических воззрениях. Политические построения вплоть до середины XIX века, в подавляющем своем большинстве, представляют собой пример именно такого нормирования. Нравственные цели и идеалы формировали «политическое сознание. На их основе создавались платформы и программы... В переходные эпохи ценности приобретали самостоятельное значение» [5, 2]. Отсылка к нравственно окрашенной цели и выражаемой ею ценности нередко выступала далеко не как самостоятельная, но теснейшим образом увязывалась с

политическими ценностями свободы, равенства, прав человека, мира, согласия и т.д.

Комментируя содержательный смысл понятия «благо» в политической мысли, следует отметить то обстоятельство, что оно неизменно фиксировало «представления об основах и мотивах целедостижения, которые можно связать с семантической характеристикой того, чего нет в непосредственно наличной действительности, чего в ней не хватает и что в силу этого желательно или даже необходимо» [4, 113-114]. В таком понимании благо предполагает выделение общего системообразующего уровня политики, предельно общего политического начала организации общества. Можно отметить некоторые наиболее значимые аспекты концептуализации понятия блага, уточняющие и раскрывающие политологический ракурс осмысления темы.

Очевиден тот факт, что во взглядах, культивируемых в различные исторические эпохи, понятие общего блага тяготело к пониманию его как некоего стандарта. Именно уяснение этого решающего обстоятельства лежало в основе представлений об иерархизированной системе целей, которые преследуют те или иные общности и объединения людей. Общее благо осмысливалось как то, что воплощает собой высшую, финальную цель развития общества. Можно сказать, что, начиная, пожалуй, с античной общественной и политической мысли в рамках этого общего подхода наметились две тенденции. Первая тенденция – предельно обобщенная, имевшая в своей основе универсалистское толкование блага. В этом смысле «общее благо» являлось синонимом «хорошей жизни», «достойного существования», «самодостаточного бытия», «благоденствия» и т.д. Заключаемые в таком толковании блага смыслы необходимо выходили за рамки собственно политического, предполагая нравственные, экономические и правовые аспекты, поэтому благо выступало как понятие экстраполитичное по своему существу [6, 153]. Политический аспект блага присутствует в таких представлениях как необходимый системообразующий элемент. Ясно, что данное понимание общего блага носит достаточно абстрактный и метафизический характер, хотя оно и включалось в общий процесс поиска наиболее оптимальной формы организации общественного устройства. Толкуемое в таком ракурсе благо дошло до нас практически в неизменном виде. Так, устами современного политического мыслителя Г. Грейвса признается: «достоинство государства в каждый момент, его использование и способ, которым оно организовано, должно зависеть от оценки его роли в помощи членам общества достичь хорошей жизни» [6, 154].

Вторая попытка связана со стремлением к определенной конкретизации общего блага. Уже у Аристотеля мы вполне отчетливо прослеживаем ориентацию на анализ субстанциональных оснований полисного сообщества как тождественных понятию общего блага. «Высшее благо, – говорилось в «Никомаховой этике», – относится к ведению важнейшей науки, которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве или политика» [2, 55]. В политических учениях Нового Времени благо довольно часто политизировалось, увязывалось с той или иной формой политического устройства. Нередко оно рассматривалось в контексте признания и реализации индивидуальных благ на основе принципов формального равенства и правового государства. Одновременно формировались представления об экономических благах и правовых гарантиях их достижения.

Следует отметить, что широкое и узкое понятия блага в политических построениях были теснейшим образом связаны с деонтологическими смыслами. Во-первых, идея «общего блага» либо конкретизировалась через понятия счастье, справедливость, добродетели, добро, долг, либо выступала с ними в тесной связке. Во-вторых, предполагалось, что как высшая степень ценного и наилучшего, как завершённое состояние, благо ориентирует исключительно на нравственную деятельность, нравственные способы достижения целей, задает определенную модель поведения. В-третьих, доказывалось, что достижение блага открывает перед человеком обширные перспективы, в том числе и нравственного совершенствования.

В политической мысли второй половины XIX века содержательный смысл понятия «благо» в смысле нормы-идеала постепенно стал терять свое значение. На первый план выходят иные смысловые акценты, суть которых можно было бы обозначить как консенсусные интерпретации всеобщего блага. Безусловно, это не означает того обстоятельства, что политическая мысль отказалась от фундаментальной задачи достижения «хорошей жизни» как основной цели социальной и политической трансформации. Однако она «оперирует понятием всеобщего блага весьма осторожно и с оговорками в силу его абстрактности и метафизичности. Но при этом очевидно, что она не может обойтись без того, что под ним подразумевается» [8, 127]. Благо начинает осмысливаться как ценность, основанная на выявлении, согласовании, признании и защите различных, во многом противоречащих друг другу, притязаний членов того или иного сообщества. Благо, понимаемое именно в таком содержательно-смысловом контексте, отражает заинтересованность свободных граждан

в общем политическом порядке, основанном на единых ценностных убеждениях. Обосновываемое именно в таком ключе благо выполняет ряд функций: 1) регулятивную, 2) компромиссно-согласительную, 3) гуманистическую. Оно может быть активно использовано в диалоге различных политических сил, партий, течений. Если результат этого диалога объективно соответствует требованиям справедливого социального и политического порядка и исключает какие-либо формы насилия и унижения достоинства индивидов, то можно считать, что общее благо (хотя бы в минималистском варианте) достигнуто. В этом плане различие между классическим и современным толкованием блага состоит не в том, что одно обосновывается метафизически, а другое эмпирически; различия заключаются в способах и методах его реализации и достижения. Оба обоснования базируются на незыблемых посылах: существуют взаимные интересы людей, для реализации которых необходим общий порядок.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий.– М.: Московский научный фонд, 2001.– С.5.
2. Аристотель. Никомахова этика: Соч.: В 4 тт. / Аристотель.– М.: Мысль, 1983.– С. 55.
3. Бойцова О.Ю. Нормативизм в западной политической мысли: проблема определения. – Полис. – 2003. – № 6. – С.27.
4. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН,1997. – С.113-114.
5. История политических учений / под ред. О.В. Мартышина.– М.: НОРМА, 1996. – С.2.
6. Кравченко И.И. Введение в исследование политики. – М.: ИФ РАН, 2001. – С.153.
7. Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1885. – С.46.
8. Назаров В.Н. Прикладная этика. – М.: Гардарики, 2005. – С.127.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: НОРМА, 2006. – С.78.
10. Соловьев А.С. Политология. Политическая теория. Политические технологии. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – С. 33.
11. Политическая наука: новые направления. – М.: Вече Москвы, 1999. – 815 с.
12. Штраус Л. Введение в политическую философию. – М.: Логос, 2000. – С. 9-25.

Соловьева Е.Е.

заместитель руководителя Исполкома
Елабужского муниципального района по социальным вопросам
кандидат педагогических наук
г. Елабуга

ИНТЕГРАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ «ГРУППЫ РИСКА» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Проблема воспитания подрастающего поколения всегда является актуальной. Изменения в социально-экономической жизни привели общество в кризисное состояние, что усложняет воспитание подрастающего поколения. Отчуждение от воспитательного процесса семьи и родителей, психолого-педагогическая безграмотность субъектов воспитательного процесса способствовали тому, что в обществе появился и существует многие годы феномен учащихся «группы риска».

Слово «риск» означает возможность, большую вероятность чего-либо, как правило, негативного, нежелательного, что может произойти. Фактически речь идет о двух сторонах риска. С одной стороны, это риск для общества, который создают учащиеся данной категории, так как их поведение противоречит общепринятым нормам и правилам, с другой стороны, это та категория детей, которые постоянно подвергаются опасности. Объективные условия жизни детей и подростков (нищета, социально низкий уровень жизни, финансовое неблагополучие и психологические стрессы) и особенности субъективного их восприятия способствовали тому, что эти дети попали в критическую ситуацию.

Опираясь на исследования И.П. Башкатова (2005 г.), в работах которого показаны масштабы распространения отклоняющегося поведения в подростковой среде, выявлено, что подростки в России совершают до 48,2% преступлений. Почти 78% всех преступлений совершаются несовершеннолетними в составе организованных групп, и каждый четвертый подросток на момент преступления находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Проблема разработки и оказания помощи детям в образовательном процессе перестала быть собственно педагогической. Сегодня на уровне государства она справедливо рассматривается как проблема национальной безопасности (Семейный кодекс РФ, Указ Президента РФ № 761 от 14.06.07г. «О проведении в Российской Федерации Года семьи», Указ Президента РТ от 17.12.07г. «О проведении в Республике Татарстан Года семьи»).

Специфика возраста детей и подростков такова, что для полноценного развития им необходимы нормальные условия.

Усложнение общественной жизни (криминализация, терроризм, насаждаемая в СМИ реклама насилия, «сладкой» или «красивой» жизни) увеличивают риск попадания детей и подростков в эти группы.

Обобщая опыт деятельности педагогов (С.А. Бадмаев, В.Г. Бочарова, А.В. Мудрик, А.А. Сукало, Р.В. Шакиров) делаем вывод, что существуют разные трактовки понятия учащихся «группы риска». Это обусловлено, в первую очередь тем, с какими проблемами сталкивается педагог в ходе работы с учащимися. А.С. Макаренко относил в эту категорию тех детей, «кто оказывает активное сопротивление воспитанию». Если это связано с неуспеваемостью или ее снижением, то в группу риска относят педагогически запущенных детей или детей с задержкой психического развития. При наличии нарушений психического развития, проблем в развитии, в эту группу попадают, чаще всего, дети с умственной отсталостью (В.А. Сухомлинский). Дети с психопатоподобным поведением также входят в эту группу риска. Кроме того, к категории «группа риска» относят леворукого ребенка и детей с эмоциональными нарушениями (Л.С. Славина, Т.В. Писарева).

Ценным является мнение С.Ж. Бадараевой, согласно которой принадлежность детей к группе риска обусловлена различной неблагоприятной этиологией, т.е. имеет разные социальные корни. Это категория детей в силу определенных причин своей жизни подвержена негативным внешним воздействиям со стороны общества.

В современной психологии и педагогике проблема учащихся «группы риска» связывается с педагогической запущенностью (А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, Ф.Е. Василюк, В.В. Давыдов, И.В. Дубровина, В.А. Иванников, А.Г. Лидерс, Н.Н. Обозов, Т.И. Шульга). По мнению ученых, социально незащищенные (группы риска) и педагогически запущенные дети в основном психологически и физически здоровы, но стали трудными из-за неправильного воспитания или отсутствия его на протяжении длительного времени.

Понятие «учащиеся группы риска» подразумевает следующие категории учащихся: дети с проблемами в развитии, не имеющими резко выраженной клинико-патологической характеристики; оставшиеся без попечения родителей в силу разных обстоятельств; из неблагополучных, асоциальных семей; из семей, нуждающихся в социально-экономической и социально-психологической помощи и поддержке; дети с проявлениями социальной и психолого-педагогической дезадаптации (С.Ж. Бадараева).

В психолого-педагогической литературе учащиеся «группы риска» рассматриваются как собирательное понятие, обозначающее

отклонения от общепринятых норм: употребление алкоголя, наркотиков, токсикоманию, воровство, уходы из дома, грубость по отношению к взрослым и сверстникам.

К факторам риска относятся: 1) индивидуальные факторы (низкая самооценка, недостаточный самоконтроль, неспособность адекватно выражать свои чувства); 2) внутрисемейные (отсутствие контроля, насилие над ребенком); 3) внутришкольные (низкая успеваемость, частые переходы из одной школы в другую). Среди факторов социального риска выделяются следующие, имеющие наибольшее значение в плане воспитания детей и подростков: социально-экономические факторы; медико-социальные факторы; социально-демографические факторы; социально-психологические факторы (С.В. Березин).

Анализ условий жизни таких детей и подростков, проведенный педагогами и психологами показывает, что невозможно выделить одну главную причину, послужившую фактором риска. Чаще всего отмечается сочетание нескольких неблагоприятных условий, которые оказывают негативное влияние на ход психического развития детей и подростков.

К основным негативным факторам увеличения доли учащихся «группы риска», помимо маргинализации общества, криминализации сознания, следует отнести падение общественной морали и вытеснение нравственного аспекта в личностных характеристиках людей. Безусловно, это приводит к усилению неблагополучия первичной среды социализации детей, то есть появлению неблагоприятных условий в семье, что порождает множество проблем в поведении детей, их развитии, образе жизни и приводит к нарушению ценностных ориентаций.

Как правило, индикатором трудности процесса адаптации к школе детей «группы риска» являются существенные изменения в поведении детей. Это могут быть чрезмерное возбуждение, агрессивность, а может быть, наоборот, заторможенность, депрессия, чувство страха, нежелание идти в школу.

Учебные нагрузки, непосильные для здоровых школьников при существующей организации учебного процесса, для учащихся «группы риска» оказываются связанными с опасным перенапряжением умственных и физических сил или просто непосильными. Основываясь на анализе, мы сделали вывод, что эффективной будет лишь та работа с учащимися «группы риска», которая будет проводиться с учетом испытываемых конкретным подростком трудностей, а также причин, их

порождающих. Из этого следует, что пути и способы воспитания каждого ученика должны отличаться.

Особое внимание уделяется таким принципам и методам изучения учащихся «группы риска», как выявление индивидуальных особенностей учащихся; объективность в оценке этих детей; применение дифференцированного подхода.

Воспитательный процесс должен основываться на следующих методических приемах: организация успеха, убеждение, доверие, моральная поддержка и укрепление веры в собственные силы, вовлечение в интересную деятельность, пробуждение гуманных чувств.

На основании показателей воспитанности учащихся подросткового возраста, определенных в работах ряда педагогов и психологов (Т.А. Шилова, В.И. Андреев) выделены диагностические характеристики показателей успешности воспитательной работы школы с учащимися «группы риска». К ним относятся:

- осознание учащимися «группы риска» необходимости вести активный, деятельный образ жизни;
- деловитость и личная ответственность, самостоятельность как способность к планированию и организации своей деятельности, способность к самостоятельному анализу жизненных реалий и принятию ответственных решений, готовность к защите своих прав и свобод;
- высокая культура межличностных отношений, основанная на системе ценностей жизни.

Основные направления работы с учащимися «группы риска» построены на определении проблем, возникающих в процессе обучения и воспитания, решение которых способствует получению позитивных результатов. Выявлено, что такая работа строится по факту выявления правонарушений и, в редких случаях, является профилактической. Чаще всего, приоритетными направлениями профилактической деятельности становятся: помощь семье в решении проблем, связанных с воспитанием ребенка; помощь подростку в устранении причин, влияющих на совершение преступления; привлечение детей и родителей к организации и проведению социально значимых мероприятий; индивидуальное и групповое консультирование детей, родителей, педагогов по вопросам предотвращения проблемных ситуаций; помощь конкретным учащимся с привлечением специалистов из соответствующих организаций; пропаганда и разъяснение прав и обязанностей детей, членов их семей; организация летних трудовых смен для учащихся «группы риска».

Опыт практических педагогов доказывает необходимость создания социально богатой среды как решающего фактора воспитания учащихся «группы риска». Педагог организует ее из предметно-пространственного и социально-поведенческого окружения.

На основании положения о многомерности и многофакторности процесса воспитания необходимостью становится интеграция педагогических воспитательных воздействий на учащихся «группы риска» в учебной и внеучебной деятельности. Интеграция педагогических условий основана на деятельности квалифицированных педагогических кадров; соответствует образовательным программам; построена на единых принципах и подходах к ребенку. Важным является разнообразие видов деятельности, предлагаемой учащимся (познавательная, практическая, исследовательская, творческая), а также совершенствование образовательного пространства окружающей среды. Основное направление в интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» можно определить как ориентированность на всестороннюю помощь личности в построении системы взаимоотношений с миром, людьми, самим собой (схема 1).

Схема 1

↓

Педагогические условия	Единство активности и творчества в процессе овладения деятельностью	Интенсификация совместной деятельности и общения	Актуализация ведущей деятельности	Расширение зоны развития и социокультурного пространства	Единство эмоциональной включенности и интеллектуального развития
-------------------------------	---	--	-----------------------------------	--	--

↓

Содержание деятельности	<ul style="list-style-type: none"> – Актуализация традиций семейного и национального воспитания; организация сайта школы силами учащихся. – Создание с учащимися методических пособий. – Волонтерское движение помощи слепым людям. – Антинаркотическое движение «Ровесник-ровеснику». – Молодежное движение «Елабуга – вечно молодая». – Формирование экоотрядов, создание видео-мастерской. – Организация археологического школьного лагеря. – Исследовательская деятельность по изучению исторических мест в городе. – Создание проектов по сохранению природных ресурсов и памятных мест города. – Участие в интеллектуальных олимпиадах разного уровня по предметам.
--------------------------------	---

Формы и методы интеграции педагогических условий	Массовые: конференции, беседы, лекции, конкурсы, фестивали акции, трудовая деятельность	Индивидуальные: патронат семейных отношений, индивидуальные беседы, консультации, индивидуальная коррекционная работа	Групповые: профориентационная работа и трудоустройство, тренинги, деловые игры, экскурсии, обсуждение в группах
---	---	---	---

РЕЗУЛЬТАТ:

- Снижение риска отклоняющегося поведения детей и подростков, успешная адаптация учащихся «группы риска» в разных социо-культурных условиях, гармонизация эмоциональной сферы личности, повышение личностного статуса учащихся;
- Способность к предупреждению различных заболеваний и патологий (наркомания, токсикомания, алкоголизм).

Интеграция системы воспитания учащихся «группы риска» рассматривается нами как включенность в деятельность всех субъектов учебно-воспитательного процесса, в результате которого происходит активизация социально-психологической позиции школьников в

обществе, они успешно адаптируются в разных средовых условиях и поддерживают психологический климат класса.

Модель интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» в общеобразовательной школе

На теоретико-методологических основах интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» построена модель интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» в общеобразовательной школе.

Реализация модели в образовательном пространстве школы возможна при участии в воспитательном процессе всего педагогического коллектива и учащихся, прогнозировании результатов педагогического воздействия.

В качестве структурных элементов модели организации воспитательной работы с учащимися «группы риска» установлены: цель и задачи организации системы воспитательной работы с учащимися «группы риска»; педагогические принципы, определяющие организацию деятельности воспитательной системы школы; содержание деятельности субъектов воспитательной работы; формы и методы работы; результат деятельности системы воспитательной работы.

Исходя из возможностей массовой школы в оказании необходимой и достаточной поддержки учащимся, модель предусматривает не только оказание своевременной помощи детям в решении их индивидуальных проблем, но и организацию превентивных мер, нацеленных на предотвращение отклонений поведения учащихся «группы риска».

Решение вопросов интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» в общеобразовательной школе связано с разработкой педагогических технологий, сбором информации о личностных качествах учащихся, наличием критериев, показателей и диагностического инструментария их развития.

В экспериментальную группу вошли 98 учащихся «группы риска», которые были вовлечены в различные виды и формы деятельности. В группу риска вошли: учащиеся из малообеспеченных семей; дети, имеющие хронические заболевания; дети с высоким уровнем тревожности, неуверенные, агрессивные; слабоуспевающие в учебной деятельности. Отбор учащихся происходил на основе социально-демографического портрета, составляемого классными руководителями ежегодно в начале учебного года, и с помощью психолого-педагогической диагностики. Контрольная группа была организована

идентично экспериментальной группе по возрасту учащихся и половому составу, и в нее вошли также 98 человек.

На основании изучения учащихся «группы риска» в ходе психодиагностики были выделены три уровня отклонений в их поведении.

Уровни отклонений в поведении учащихся	Качественная характеристика отклонений в поведении учащихся
1	2
Высокий уровень (3 балла)	Контакт со взрослыми нарушен, нет ориентации на взрослого в процессе совместной деятельности. Интерес к учебной деятельности низкий. Быстрая пресыщаемость действиями. Выраженные аффективные реакции в ситуации неудачи в работе, похвале других и его порицании. Часто либо чрезмерная активность, либо апатия. Критика воспринимается неадекватно и болезненно. Отсутствуют прочные дружеские отношения в классе и со взрослыми. Высокий уровень агрессивности, неуверенности. Неадекватная самооценка. Низкий социальный статус в классе
Средний уровень (2 балла)	Частично нарушен контакт со взрослыми (чаще всего с родителями); в процессе совместной деятельности ориентация на взрослого зависит от его авторитета. Интерес к учебной деятельности ситуативный. Деятельность поддерживается, если есть эмоциональные подкрепления при выполнении действий. Аффективные реакции кратковременны, но бурны. Периоды активности превалируют над периодами бездеятельности. Способен воспринимать критические замечания спокойно, если они обоснованы. Отношения в классе и со взрослыми поддерживает лишь с небольшим кругом людей; сформирована агрессивность по типу защитного механизма; часто неуверенность маскируется бравадой или безразличием; самооценка деформирована; социальный статус в классе невысокий

1	2
Низкий уровень (1 балл)	Контакт нарушен лишь с 1-2 взрослыми, есть ориентация на взрослого в процессе совместной деятельности. Интерес к учебной деятельности возникает легко, но если не стимулировать ее, то также легко и снижается. Аффективные реакции возникают лишь при грубом давлении. Способен управлять своей активностью. Критика воспринимается неадекватно лишь от определенного круга людей. Отношения в классе и со взрослыми в основном равные; агрессивность ситуативная; иногда может быть неуверен в себе; самооценка неустойчивая; социальный статус в классе неопределенный

Изучение тревожности учащихся контрольной и экспериментальной групп показало, что у детей экспериментальной группы до внедрения модели тревожность отмечается:

- на уровне выше 50%: фрустрированный страх в достижении успеха (59,8%), страх самовыражения (59%), переживания социального стресса (53,9%), страх ситуации проверки знаний (52%). Показатель общей тревожности в экспериментальной группе до эксперимента составил 52%, что на 4% ниже, чем в контрольной группе (56%);
- на уровне ниже 50% находятся: страх не соответствовать ожиданиям окружающих (43,9%), низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (43,4%), проблемы и страхи в отношениях с учителями (41,8%).

В контрольной группе все проявления тревожности у учащихся находятся на уровне ниже 50%. Менее всего учащимися контрольной группы оценен страх проверки знаний (14,1%).

После эксперимента в экспериментальной группе все показатели тревожности падают ниже 50%. Эксперимент позволил существенно скорректировать потребность в достижении успеха (31,1%) и страх ситуации проверки знаний (31,1%). Общая тревожность в школе экспериментальной группы до эксперимента 37% и этот показатель ниже, чем в контрольной группе (44,7%). На контрольном этапе эксперимента в контрольной группе значительно вырос у учащихся страх самовыражения (64,4%), появились проблемы и страхи в отношениях с учителями (43,9%); снизился показатель потребности в достижении успеха (17,6%). Общий уровень тревожности контрольной группы на контрольном этапе (44,7%) стал ниже, чем был на констатирующем этапе (47,3%).

	Констатирующий этап		Контрольный этап	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Общая тревожность в школе	52,0	47,3	37,0	44,7
Переживание социального стресса	53,9	30,2	32,4	32,6
Фрустрация потребности в достижении успеха	59,8	29,5	31,1	17,6
Страх самовыражения	59,0	37,7	42,3	64,4
Страх ситуации проверки знаний	52,0	14,1	31,1	18,2
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	43,9	35,7	35,4	35,2
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	43,4	45,8	39,8	44,2
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	41,8	37,7	43,4	43,9

Положительная динамика изменения личностных качеств и поведения учащихся «группы риска» подтверждает эффективность разработанной модели интеграции педагогических условий воспитания учащихся «группы риска» в общеобразовательной школе.

Среднее значение

Рис. Динамика склонности к отклоняющемуся поведению учащихся в ходе эксперимента

Заключительную часть времени подростки проводят в школе, здесь же имеются огромные ресурсы для самореализации и именно здесь возникают многие проблемы у учащихся. Задача школы состоит в том, чтобы направить силы самого ученика на противодействие негативным социально-психологическим явлениям, жить интересной и активной жизнью, создавая комфортную психологическую обстановку внутри учебного заведения.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 105 с.
2. Афанасьев В.С. Организованная преступность в современной России (опыт социологического анализа) / В.С. Афанасьев. – С-Пб.: Изд-во «Нева», 1994. – 234 с.
3. Бадараева С.Ж. Семейное неблагополучие как источник проблем ребенка [Электронный ресурс]: <http://www.spf.bsu.ru/main.php?go=pubs.php&stat=0127>. Проверено 15.04.2008.
4. Бадмаев С.А. Психологическая коррекция отклоняющегося поведения школьников / С.А. Бадмаев. – М.: Магистр, 1999. – 96 с.
5. Бодалев А.А. Личность и общение. Избранные труды / А.А. Бодалев. – М.: Педагогика, 1983. – 271 с.
6. Бочарова, В.Г. О некоторых методологических подходах к исследованию целостного процесса социализации, воспитания и развития личности. Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт / В.Г. Бочарова. – М.: Наука, 1993. – С. 34-48.
7. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Просвещение, 1984. – 142 с.
8. Волков Б.С. Психология подростка / Б.С. Волков. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 160 с.
9. Воспитание трудного ребёнка: Подростки с девиантным поведением / Под ред. М.И. Рожкова. – М.: Владос, 2001. – 240 с.
10. Давыдов В.В. Психологические условия происхождения идеальных действий / В.В. Давыдов, В.П. Андронов / Вопросы психологии. – 1979. – № 5. – С. 56-65.
11. Дубровина И.В. Об индивидуальных особенностях школьников / И.В. Дубровина. – М.: Знание, 1975. – 64 с.
12. Иванников В.А. Формирование побуждений к действию / В.А. Иванников / Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 113.
13. Лидерс А.Г. Психологический тренинг с подростками : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Лидерс. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
14. Макаренко А.С. О воспитании / А.С. Макаренко. – М.: Политиздат, 1988. – 256 с.
15. Мудрик А.В. О воспитании старшеклассников / А.В. Мудрик. – М.: Просвещение, 1986. – 266 с.
16. Мудрик А.В. Воспитание в контексте социализации / А.В. Мудрик / Классный руководитель. – 2002. – № 5. – С. 79-82.
17. Обозов Н.Н. Межличностные отношения / Н.Н. Обозов. – Л.: Знание, 1979. – 238 с.
18. Соловов А.В. Наркомания: причины, виды, последствия, профилактика (для психологов, педагогов образовательных учреждений) / А.В. Соловов. – Казань: Хэтер, 1999. – 128 с.

19. Сукало А.А. Педагогические основы профилактики правонарушений в сфере подростково-молодежного досуга / А.А. Сукало. - СПб: Питер, 1996. - 220 с.
20. Шакиров Р.В. Казанская педагогическая школа во второй половине XX века / Р.В. Шакиров. - Казань: Изд-во «Панорама», 1999. - 528 с.
21. Школа без наркотиков : книга для педагогов и родителей / Под ред. Л.М. Шипицыной, Е.И. Казаковой. - СПб.: Образование-Культура, 2002. - 160 с.
22. Шульга Т.И. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска / Т.И. Шульга, Л.Я. Олиференко, И.Ф. Дементьева. - М.: Академия, 2004. - 256 с.

Ясонова Р.А.

заведующий отделом по дополнительной
профессиональной подготовке
Казанский социально-гуманитарный колледж
г. Казань

ПЕДАГОГ КАК «ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ»

«Мы не должны превозноситься над детьми...»

Ф.М. Достоевский

Человек становится человеком, личностью только среди людей, с их помощью, осознавая самого себя, окружающий мир, свои возможности, с их помощью овладевая речью. К. Маркс писал: «Человек сначала смотрит, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе».

Когда про одного человека говорят, что он получил (или имеет) хорошее образование, а про другого – что у него вовсе нет никакого образования, подразумевают некий объект, достояние человека, которое он может каким-то образом приобрести и в дальнейшем в свое распоряжение.

«Образование», по словарю В.И. Даля, происходит от глаголов «образовывать, образовать», которые, в свою очередь, восходят к глаголу «образить». Этот глагол имеет довольно много значений: делать вид, образ; обтесывать, слагать нечто целое, отдельное; устраивать, учреждать, основывать, создавать; улучшать духовно, просвещать. Образование («ума и нрава» по Далю), таким образом, есть целостный процесс придания душевного облика растущему человеку.

Один из классиков аналитической философии образования Ричард Питерс в своей работе «Этика и образование» обсуждал смысл этого понятия. Он полагает, что образованный человек должен: 1) владеть неким целостным объемом знаний, а не просто изолированными умениями и навыками; 2) быть преобразованным

этими представлениями таким образом, чтобы знание, например, истории влияло на то, как человек воспринимает, скажем, архитектуру или социальные институты; 3) иметь собственную познавательную позицию.

Выдающийся ученый, нобелевский лауреат Макс фон Лауэ сказал: «Образование – это то, что остается, когда все выученное забывается».

Традиционная система образования, о которой сейчас идет речь, это обыкновенная предметно-классно-урочная система, которую почти каждый знает на своем опыте. Учащиеся вынуждены конкурировать друг с другом, когда дело касается отметок, почестей, отличий. Итак, выходит, что главная цель образования – воспитание приспособленцев, подчиняющихся власти учебного образовательного учреждения.

Вот воспоминания выдающегося человека прошлого столетия Чарлза Спенсера Чаплина: «Если бы только кто-нибудь из учителей сумел показать «товар лицом», сделав завлекательное предисловие к своему предмету, сумел бы расшевелить мое воображение и разжечь фантазию, вместо того, чтобы вбивать мне в голову факты, открыл бы мне тайну цифр и романтику географических карт, помог бы мне ощутить идею в истории и музыку в поэзии, – кто знает, может быть, я и стал бы ученым. Ведь, в конце концов, мы учимся не для учебного заведения, а для жизни. Мы в ней желаем выступать деятелями».

Ф.М. Достоевский прямо обращался к обществу: «Слушайте: мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому...» [1, 78-79].

Припомним «Бесов» Ф.М. Достоевского: «Мы всякого гения потушим во младенчестве. Все к одному знаменателю. Полное равенство».

«Познание, есть воспоминание души о том, что она значила еще до рождения человека, но потеряла рождаясь. Призвание наставника – содействовать пробуждению творческого потенциала человека, помочь ему припомнить временно забытые знания, возродить их и закрепить» [2, 10].

Современники и потомки уподобляли Сократа богам. Но его статус был иным, чем статус богов: он был реальным воспитателем, а не мифологическим существом. Отсюда – его магическое влияние на людей, особенно на подрастающее поколение. Сократ учил не только знать, но мыслить и понимать. Учитель – символ всего лучшего, что

может быть в людях. В истинном педагоге есть тяга к передаче знаний, жажда вместе с учащимися осваивать накопленный человечеством опыт, потребность продолжения своих знаний в других. Вдохновенная отдача – это способ эффективного педагогического воздействия. Преподаватель настраивает студентов на познавательную волну и делает их соучастниками открытий окружающего мира. Вести своих питомцев к победе, а не наносить им поражения – вот призвание педагога.

Не секрет, что наше обучение становится слабым звеном в системе образования. Учащиеся не умеют одинаково справляться как с текстами, так и с проблемными вопросами, требующими обоснования своей точки зрения. Но не в этом главная причина поражения, а в том, что, отлично усваивая логику предмета, наши школьники не связывают его содержание с жизненными ситуациями. Не секрет, что в процессе обучения знания существуют сами по себе, а жизнь сама по себе, отсюда равнодушие наших учащихся к учебе, отсутствие любознательности, формальное отношение к учебным обязанностям («сдал и забыл»).

Для расширения и углубления духовного пространства можно путем монолога и путем диалога активизировать саморазвитие студентов, используя в обучении формы беседы – исследования. В этих интеллектуальных поисках нет педагога и студентов в традиционном понимании этих понятий, а есть размышляющие, ищущие, взаиморазговаривающиеся, владеющие общительной речью. На этих занятиях преподаватель не вручает готовые истины, а вместе находят ответы на возникшие вопросы. Здесь происходит диалогическое партнерство. Это спор каждого с самим собой, это выслушивание и исследование любой точки зрения. На этом этапе ведется работа не вкладывания и навязывания шага навстречу, учитывая задатки способностей каждого. Это совместный интеллектуальный поиск истины, обогащающий всех участников до единого. Педагог не навязывает мысли, а ведет студентов к ней. Сообщать и испытывать, советовать и обсуждать, спрашивать и отвечать, наставлять и опровергать, высказывать уверенность и ввергать в сомнение. Вот беседа – исследования. И в то же время педагог должен скрыто выступать ведущим собеседником, главным действующим лицом.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полн. собр. Соч. – СПб, 1882. – Т. 11. – С.78-79.
2. Ксенофонт Афинский. Воспоминание о Сократе. – М., Л., 1935. – С.10.

Глава II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдурахманов Р.А.

доцент

Казанский государственный аграрный университет

г. Казань

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ РЕЗЕРВОВ ПОД СНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАПАСОВ

Производственные запасы отражаются на счетах бухгалтерского учета в денежной оценке, которая усложняется с развитием рыночных отношений. Рыночные цены подвержены колебаниям, они «плавают», меняются, следовательно, меняется и стоимость производственных запасов. Это отражается на величине показателей себестоимости и прибыли в текущей оценке.

Оценка производственных запасов может производиться:

по фактической себестоимости покупки, которая определяется как средняя взвешенная величина; по покупным ценам; по учетным ценам, с определением отклонений последних от фактической себестоимости покупок; по рыночным ценам, сложившимся на отчетную дату. В нашем бухгалтерском учете применяют оценку материальных ценностей преимущественно по фактической себестоимости, которая отражает действительные издержки предприятия на их приобретение. Методика учета, предусмотренная в плане счетов бухгалтерского учета, позволяет применять различные методы оценки материальных ценностей и отражать в отчетном бухгалтерском балансе потери предприятия, вызванные изменениями рыночных цен на имеющиеся в наличии производственные запасы.

Согласно п.12 ПБУ5/01 фактическая себестоимость приобретения материалов, по которой они приняты к бухгалтерскому учету, не подлежит изменению. Однако если текущая рыночная стоимость материалов окажется ниже их балансовой стоимости, то оценка материалов в балансе будет завышенной. Чтобы повысить достоверность бухгалтерской отчетности, в мировой практике применяют концепцию консерватизма, согласно которой запасы отражаются в бухгалтерском балансе по наименьшей из двух оценок:

- а) фактической себестоимости приобретения (заготовления);
- б) рыночной цене.

В российском учете согласно ПБУ 1/98 существует аналогичное требование осмотрительности, применение которого предполагает большую готовность «к признанию в бухгалтерском учете расходов и обязательств, чем возможных доходов и активов, не допуская создания скрытых резервов».

Реализация вышерассмотренных требований предполагает создание резерва под снижение стоимости материальных ценностей. Порядок создания резерва следующий. Перед составлением годового бухгалтерского баланса фактическую себестоимость заготовления (приобретения) материалов сравнивают с текущей рыночной стоимостью. Под текущей рыночной стоимостью, или стоимостью возможной продажи материалов, понимают ту сумму денежных средств, которую организация может получить в случае продажи запасов.

Методическими указаниями по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов устанавливается, что текущая рыночная стоимость материально-производственных запасов рассчитывается организацией на основе информации, доступной до даты подписания бухгалтерской отчетности. При расчете принимается во внимание:

1) Назначение материально-производственных запасов. То, в каком качестве предполагается использовать оцениваемое МПЗ, может существенно повлиять на размер рыночной цены – запасы, предназначенные для перепродажи в течение ближайшего времени скорее всего будут стоить больше, чем запасы, имеющие устойчивую тенденцию к обесценению и предполагаемые к использованию в течение всего года, следующего за отчетным;

2) Текущая рыночная стоимость готовой продукции, при производстве которой используется сырье, материалы и другие МПЗ. Очевидно, что сам факт снижения рыночной стоимости реализуемой продукции (работ, услуг) не является основанием для создания резерва. Поэтому для того, чтобы такое снижение могло быть должным образом учтено при создании резерва, необходимо разработать соответствующую методику расчета степени влияния данного фактора. Поскольку подобная методика должна базироваться на исключительно индивидуальных факторах (специфике процесса производства и реализации продукции (работ, услуг), рыночной ситуации, тенденциях развития уровней спроса и предложения и т.д.), дать какие-то универсальные рецепты не представляется возможным.

Организацией должно быть обеспечено подтверждение расчета текущей рыночной стоимости материально-производственных запасов.

Сопоставление фактической себестоимости заготовления материалов с текущей рыночной стоимостью проводят по материалам, рыночные цены на которые устойчиво снижались в текущем году, либо по материалам, которые устарели морально или вследствие потери первоначальных качеств. Когда фактическая себестоимость оказывается ниже текущей рыночной стоимости, в качестве балансовой оценки материалов принимается фактическая себестоимость. Если текущая рыночная стоимость ниже фактической себестоимости, то организация создает резерв на счете 14 «Резервы под снижение стоимости материальных ценностей», который позволяет отразить материалы в балансе по текущей рыночной стоимости. Этот счет является пассивным. Величина резерва представляет собой разницу между фактической себестоимостью и текущей рыночной стоимостью, относящуюся исключительно к материалам на конец отчетного периода.

В общем случае резерв под снижение стоимости материальных ценностей должен создаваться по каждой единице МПЗ, принятой в бухгалтерском учете. Это связано с тем, что снижение рыночной стоимости, как правило, возможно по отдельным наименованиям запасов, вследствие изменения рыночной конъюнктуры. Аналогичные рассуждения можно привести в отношении морального износа, так как этот вид износа связан, прежде всего, с появлением новых, более качественных видов запасов.

Образование резерва под снижение стоимости материальных ценностей отражается в учете по кредиту счета 14 «Резервы под снижение стоимости материальных ценностей» и дебету счета 91 «Прочие доходы и расходы».

В следующем отчетном периоде по мере списания материальных ценностей, по которым был образован резерв, зарезервированная сумма восстанавливается: в учете делается запись по дебету счета 14 «Резервы под снижение стоимости материальных ценностей» и кредиту счета 91 «Прочие доходы и расходы». Аналогичная запись делается при повышении рыночной стоимости материальных ценностей, по которым ранее были созданы соответствующие резервы.

Аналитический учет по счету 14 ведется по каждому резерву.

Таким образом, видно, что ПБУ 5/01 не предусматривает прямую переоценку материальных ценностей. Разница в ценах должна компенсироваться путем создания соответствующих резервов под снижение стоимости материальных ценностей.

В бухгалтерском учете изложенные выше операции отражаются следующим образом. Покажем это на конкретном примере.

На счете 10 «Материалы» у ООО «Марс» на конец года числится рубероид в количестве 1000 штук, фактическая себестоимость которой составляет 165 руб./шт.

В течение отчетного года рыночные цены на рубероид этой марки устойчиво снижались. Проведенный анализ показал, что рыночная стоимость одного рулона в декабре составил 152 руб., а повышение цен в следующем году не ожидается.

Основываясь на этой информации, ООО «Марс» приняло решение о создании резерва под снижение стоимости материалов.

Сумма резерва составила:

$$P = (165 \text{ руб./шт.} - 152 \text{ руб./шт.}) * 1000 \text{ шт.} = 13000 \text{ руб.}$$

В бухгалтерском учете создание резерва отражено записью:

Дебет счета 91/2 и Кредит счета 14 – 13000 руб.

В бухгалтерском балансе за отчетный период материалы были отражены по рыночной стоимости на конец года, равной 165 руб./шт.*1000 шт.- 13000 руб. = 152000 руб.

В следующем году 600 шт. рулона было отпущено в производство. Сумма ранее созданного резерва в части, относящейся к проданным материалам, должна быть восстановлена записью:

$$\text{Дебет счета 14 и Кредит счета 91/1} - (165 \text{ руб./шт.} - 152 \text{ руб./шт.}) * 600 \text{ шт.} = 7800 \text{ руб.}$$

Таким образом, в соответствии с требованием осмотрительности в отчетном периоде общество, с одной стороны, не допускает завышения стоимости материалов, а с другой – боится от необходимости признания в будущем убытков, которые относятся к данному периоду.

В конце следующего года сумма резерва должна быть пересмотрена в зависимости от реального уровня рыночных цен.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЛИЯНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ

Инвестиции играют двоякую роль в экономике. Во-первых, поскольку они – большой компонент расходов, резкие увеличения или уменьшения инвестиций могут оказывать огромное воздействие на совокупный спрос, а изменения последнего, в свою очередь, влияют на выпуск и занятость. Кроме того, инвестиции приводят к накоплению капитала. Прирост запаса сооружений и оборудования увеличивает потенциальный выпуск страны и обеспечивает экономический рост в длительном периоде [2, с.471].

Очень важным детерминантом инвестиций является совокупный уровень выпуска (или ВВП). Одна из отличительных теорий динамики инвестиций базируется на принципе акселератора. Согласно этому принципу, уровень инвестиций определяется главным образом темпом изменения выпуска. Другими словами, уровень инвестиций будет высок, когда выпуск увеличивается, и в то же самое время, инвестиции будут малы (или даже чистые капиталовложения будут отрицательными), когда выпуск сокращается.

В области современных экономических исследований прямые иностранные инвестиции относятся к одному из наиболее дискуссионных вопросов. Наличие множества точек зрения по проблеме сущности, форм и роли прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии стран указывает на важность и актуальность изучения данного вопроса. Кроме того многие методы анализа влияния прямых иностранных инвестиций не доведены до логического завершения и не дают точных формул для оценки влияния увеличения масштабов привлечения иностранных инвестиций на темпы экономического роста в принимающей стране [1, с.52].

Одной из первых попыток оценить влияние прямых иностранных инвестиций на долгосрочное экономическое развитие национальных экономик явилась модель В. Леонтьева.

Данная модель воспроизводит функционирование двух групп стран - развитых и развивающихся. Связь между ними обеспечивается потоком производственных инвестиций, вывозящихся из развитых стран в развивающиеся, и который задается принципами мультипликатора и акселератора. В соответствии с данной моделью

экономический рост в развивающихся странах напрямую зависит от темпов роста в развитых странах и от начального значения вывозимого из развитых стран капитала [1, с.52].

Применительно к развитым странам модель В. Леонтьева сводится к двум простейшим соотношениям [5, с. 201]:

- принцип мультипликатора, задающийся уравнением:

$$I(t) = sY(t) \quad (1)$$

где Y – выпуск (валовой национальный продукт) в данной группе стран,

I – объем инвестиций в развитых странах,

s – норма инвестиций в ВНП (или мультипликатор инвестиций).

- принцип акселератора, задающийся уравнением:

$$Y(t) = I(t)/b \quad (2)$$

где b – коэффициент приростной капиталоемкости или акселератор инвестиций, то есть объем капиталовложений, необходимых для выпуска дополнительной единицы годового ВНП.

Комбинирование принципов мультипликатора и акселератора позволяет получить итоговое дифференциальное уравнение, описывающее динамику выпуска в группе развитых стран:

$$Y(t) - (s/b)Y(t) = 0 \quad (3)$$

Решением данного уравнения является экспоненциальная функция роста:

$$Y(t) = Y(0)e^{(s/b)t} \quad (4)$$

Далее предполагается, что объем капитала, переводимого в развивающиеся страны из развитых, составляет постоянную долю h от ВНП стран, экспортирующих капитал. Тогда величина переводимого капитала $H(t)$ задается соотношением:

$$H(t) = hY(0)e^{(s/b)t} \quad (5)$$

Для развивающихся государств соотношения аналогичны:

- модифицированный принцип мультипликатора задается уравнением:

$$I^*(t) = s^*Y^*(t) + hY(0)e^{(s/b)t} \quad (6)$$

где звездочкой обозначены аналогичные параметры и переменные для развивающихся стран; в данном случае инвестиции развивающихся стран складываются из внутренних инвестиций и внешних, переводимых из развитых стран.

- принцип акселератора задается уравнением:

$$Y^*(t) = I^*(t)/b^* \quad (7)$$

Итоговое дифференциальное уравнение, описывающее динамику выпуска в группе развивающихся стран:

$$Y^*(t) - (s^*/b)Y^*(t) - (h/b^*)Y(0)e^{(s/b)t} = 0 \quad (8)$$

В общем случае, когда $s^*/b^* \neq s/b$ уравнение (8) имеет следующее решение:

$$Y^*(t) = \left[Y^*(0) - \frac{H(0)}{b^*(s/b - s^*/b^*)} \right] e^{(s^*/b^*)t} + \frac{H(0)}{b^*(s/b - s^*/b^*)} e^{(s/b)t} \quad (9)$$

Таким образом, экономический рост в развивающихся странах напрямую зависит от темпов роста в развитых странах и от начального значения вывозимого из стран капитала [1, с.53].

Е. Балацкий, Р. Павличенко, оценивая целесообразность применения модели В. Леонтьева, считают, что она может быть использована для уяснения качественной картины в развитии мирохозяйственных процесса, в то время как для детальных количественных расчетов по отдельной стране требуется несколько иная схема. И даже модификация этой модели не позволяет выяснить, как влияют масштабы прямого иностранного инвестирования на темпы экономического роста в конкретной стране [1, с.54].

Однако, это возможно, если использовать известную в экономической теории модель экономического роста на базе производственных функций (модель Вельфенса-Джесински и ее модификации). Общий вид производственной функции Вельфенса-Джесински, которая описывает экономический рост в принимающей стране, имеет следующий вид [1, с.54]:

$$Y(t) = [K(t) + H(t)]^\beta \cdot [L(t)]^{1-\beta} \cdot e^{zt} \quad (10)$$

где Y – выпуск (ВВП или ВНП);

K – основной капитал местного происхождения (внутренние основные фонды);

H – основной капитал иностранного происхождения (иностраные основные фонды);

L – численность занятых в национальной экономике;

z – темп научно-технического прогресса;

β – статистически оцениваемый параметр.

П. Вельфенс и П. Джесински отождествляют иностранный основной капитал с накопленными прямыми иностранными инвестициями. При этом темп технического прогресса зависит от четырех параметров: объема накопленных знаний, отношения стоимости импортируемых промежуточных товаров к совокупному выпуску, степени развитости рыночных институтов, величины экспорта. С помощью производственной функции (10) можно оценить возможный рост производства при увеличении объема иностранного капитала на заданную величину. [1, с.54]

Модель взаимодействия местных и иностранных инвестиций (модель типа «хищник-жертва») отражает построение

эконометрических зависимостей между показателями инвестиционной активности местных и иностранных фирм. [1, с.54] Основная идея данной модели состоит в том, что иностранные и местные предприятия взаимодействуют друг с другом. Причем предприятия одного сектора могут расширять свое производство за счет предприятий другого. Иногда взаимодействие может приводить к обоюдному ускорению экономической деятельности секторов. Но трудность установления характера такого взаимодействия делает весь метод технически весьма трудоемким.

Динамика развития этих секторов описывается следующей моделью:

$$dY/dt = aY + bYY^* \quad (11)$$

$$dY^*/dt = cY^* + hYY^* \quad (12)$$

где a , b , c , h – параметры модели, получаемые на основе эконометрических расчетов. Стандартный подход предполагает, что переменные Y и Y^* описывают динамику числа предприятия соответствующих секторов экономики.

Однако такая модель отражает роль прямых иностранных инвестиций косвенно. Фактически в ней моделируется чисто производственные межсекторные связи, а инвестиционные процессы не исследуются. Таким образом, модели типа «хищник-жертва» позволяют учесть прямые и обратные связи в развитии двух секторов экономики, но при этом сопряжены с довольно тонким эмпирическим анализом по установлению характера этих связей, что делает этот метод технически трудоемким.

При анализе роли прямых иностранных инвестиций используют еще две модели, которые связаны между собой: это модифицированная модель экономического роста, основанная, как и модель В. Леонтьева, на использовании принципов мультипликатора и акселератора с учетом фактора прямых иностранных инвестиций, а также мультипликативная схема оценки роли прямых иностранных инвестиций. [1, с.57]

В основе модифицированной модели лежат принципы мультипликатора $I=sY$ и акселератора $\Delta Y = kI$, где I – суммарные инвестиции в основной капитал (капиталовложения) в году t ; Y – произведенный продукт (ВВП) в году t ; s – средняя склонность к инвестированию (мультипликатор); k – приростная капиталоемкость производства (акселератор).

Комбинация принципов мультипликатора и акселератора дает следующее разностное уравнение [1, с.57]:

$$Y_{t+1} = Y_0(1+sk)^t \quad (13)$$

Если λ – темп прироста ВВП, то из (13) вытекает очевидное равенство $\lambda = sk$, которое может быть записано следующим образом:

$$\lambda = s[(1-m)b + mb^*] \quad (14)$$

$$m = \frac{I^*}{I} \quad (15)$$

где m – доля прямых иностранных инвестиций (I^*), осуществляемых предприятиями с участием иностранного капитала, в общей массе капиталовложений;

– акселератор инвестиций местного сектора:

$$b = \frac{\Delta X}{(I - I^*)} \quad (16)$$

– акселератор инвестиций иностранного сектора или акселератор прямых иностранных инвестиций:

$$b^* = \frac{\Delta X^*}{I^*} \quad (17)$$

X – продукция, произведенная местным сектором;

X^* – продукция произведенная иностранным сектором;

$$Y = X + X^* \quad (18)$$

Формула (14) в явном виде фиксирует зависимость темпов экономического роста (λ) от инвестиционной активности в стране (s), доли инвестиций иностранного сектора (m) и отдачи от инвестиций в двух секторах (b и b^*).

Из нее выведено окончательное уравнение, показывающее влияние доли прямых иностранных инвестиций на темпы экономического роста в принимающей стране [1, с. 57]:

$$\lambda_F - \lambda_S = s(b^* - b)(m_F - m_S) \quad (19)$$

где параметры λ_S и λ_F – начальное (стартовое) и конечное (финишное) значения темпа экономического роста; m_S и m_F – начальное (стартовое) и конечное (финишное) значения доли прямых иностранных инвестиций в совокупном объеме инвестиций.

При применении этого метода могут возникнуть определенные сложности. Например, при исчислении акселераторов необходимо иметь данные не только об объеме прямых иностранных инвестиций, сопоставимые с совокупным объемом инвестиций в национальной экономике, объемы произведенной продукции местным и иностранным секторами. Приросты этих объемов должны измеряться в сопоставимых ценах, чтобы исключить инфляцию. Кроме того, на практике редко наблюдается высокая устойчивость значений акселераторов. Если величина акселератора сильно колеблется, то делать какие-либо практические прогнозы и рекомендации на основе этой формулы невозможно.

Второй подход основан на чистом принципе мультипликатора. Он считается общеизвестным, но до сих пор точный вывод соответствующих формул отсутствует [1, с.58]. Исходным принципом в данной схеме является учет динамического мультипликатора инвестиций или, предельной производительности инвестиций.

Таковы основные теоретические подходы к исследованию влияния прямых иностранных инвестиций на экономический рост страны. При этом следует отметить, что модифицированная модель мультипликатора-акселератора наиболее удобна, так как данный подход в инструментальном плане является наиболее удобным, а информационное наполнение является минимальным, что не создает проблем.

На наш взгляд, процессы прямого иностранного инвестирования необходимо рассматривать во взаимосвязи с процессами изменения структуры и динамики выпуска. И, прежде всего, в виду того, что совокупный уровень выпуска является важным детерминантом инвестиций.

Глубокий анализ теоретических аспектов взаимосвязи между инвестициями и структурными изменениями был проведен в исследовании Ж.А. Мингалева.[6] По ее мнению, наличие такой взаимосвязи и взаимозависимости находит свое подтверждение и в практике функционирования российской экономики.

Попытки изучения динамических структурных процессов предпринимались в рамках теорий расширенного воспроизводства К. Маркса, экономического равновесия Л. Вальраса, динамического равновесия В. Парето, экономического роста Э.Домара и Р. Харрода. Среди основных разработчиков методов структурно-динамического подхода отмечают Р. Акоффа, В. Леонтьева, Л.В. Канторовича и их современных последователей, например Л.А. Дедова [4].

Современные исследования структурных сдвигов основаны на том, что для оценки экономического роста применяются агрегированные индексы роста и структурные оценки для анализа долевого состава выпуска[4,7]. В качестве показателя роста применяется следующее выражение:

$$\lambda = \frac{\sum_{i=1}^n y_i \cdot q_i}{\sum_{i=1}^n A_i \cdot q_i} \quad (20)$$

где λ – индекс изменения физического объема продаж;
 y_i – количество продукции вида i в текущем периоде;
 A_i – базовое количество продукции сектора i .

В качестве q_i могут выступать цены базового периода, цены отчетного периода, цены некоторого другого периода.

Структурные изменения оцениваются с помощью коэффициента общего структурного сдвига [7, с.42-43]:

$$m = \sum_{i \in G} (P_i - d_i) \quad (21)$$

Где G - множество индексов i таких, что $P_i > d_i$

При этом,
$$P_i = \frac{y_i q_i}{\sum_{i=1}^n y_i \cdot q_i} \quad (22)$$

Где P_i - это доля i -го продукта в составе исследуемого агрегата, в

текущем периоде,
$$d_i = \frac{A_i q_i}{\sum_{i=1}^n A_i \cdot q_i} \quad (23)$$

d_i - это его доля в базовом периоде.

Для сравнения структур применяются несколько оценок. Наиболее распространенная оценка общего структурного сдвига: величина m , которая может быть записана в виде [3, с.194; 7, с.43]:

$$m = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |P_i - d_i| \quad (24)$$

В экономической статистике применяется мера, по свойствам противоположная оценке структурного сдвига и называемая коэффициентом сходства, m^* :

$$m^* = 1 - m \quad (25)$$

Коэффициент сходства m^* показывает, насколько совпадают по своему строению начальная и фактическая долевые структуры. Мера сходства может быть истолкована как количественная оценка инерционности (мера инерционности). [3, с. 194]

В исследовании Плехановой Е.Ю. отмечается, что в составе любого экономического агрегата с течением времени происходят изменения долей составляющих его отраслевых или номенклатурных групп. Одни долевые характеристики увеличиваются, другие уменьшаются, третьи - не изменяются. В то же самое время экономический агрегат (выпуск) подвержен либо росту, либо спаду. Часть индекса роста или спада рассматриваемого агрегата связана с уменьшением или увеличением составляющих его долей. Эта часть называется структурным запаздыванием (N1). Другая часть индекса роста или спада отвечает за прирост увеличивающихся долей и называется структурным опережением (N2). Сумма структурного запаздывания и структурного опережения в точности равна темпу изменения рассматриваемого

агрегата. Коэффициент структурной эластичности выпуска (E) показывает, сколько процентов роста или спада, связанного со структурным запаздыванием приходится на один процент роста, связанного со структурным опережением [7, с.45].

Имеют место следующие соотношения:

$$\begin{cases} N_1 = \lambda(1-m)N \\ N_2 = \lambda m N \end{cases} \quad (26)$$

$$N = N_1 + N_2 \quad (27)$$

$$E = \frac{N_1}{N_2} \quad (28)$$

При этом λ представляет собой индекс роста (спада) выпуска, m – представляет собой индекс общего структурного сдвига. [7, с.45]

Показатель структурной эластичности выпуска позволяет идентифицировать структурно-динамические процессы. пороговые значения этого показателя отделяют друг от друга характерные режимы структурной динамики, а в рамках такого режима существует определенное соотношение между показателем роста λ и показателем структурных изменений m . [7, с.48].

Сравнивая уравнение, выраженное формулой (19), и соотношения, выраженные формулами (26), (27) и (28), можно обнаружить их взаимосвязь через показатель экономического роста, обозначенного λ . Несомненно, данное предположение требует дальнейшего исследования и доказательства.

Итак, в данной статье была предпринята попытка проанализировать взаимосвязь между темпами экономического роста, масштабами привлечения прямых иностранных инвестиций и структурными изменениями в экономике принимающей страны. Имеется предположение о наличии взаимосвязи между индексами структурных сдвигов, индексами роста экономики и доли прямых иностранных инвестиций, осуществляемых предприятиями с участием иностранного капитала в общей массе капиталовложений. Данное предположение основано на результатах современных исследований в области анализа динамики и структуры экономики и оценки влияния прямых иностранных инвестиций на экономическое развитие принимающих стран.

Литература:

1. Балацкий Е., Павличенко Р. Иностранные инвестиции и экономический рост: теория и практика исследования // МЭ и МО, 2002.- №1.- с.52-64.
2. Борисов Е.Ф. Экономическая теория: учебник. - М.: Юристъ, 1997.-568с.

3. Государственное регулирование национальной экономикой: учебное пособие/Е.В. Самофалова, Э.Н. Кузьбожев, Ю.Н. Вертаков. Под ред. д-ра экон. наук, проф. Э.Н. Кузьбожева.- М.: КОНРУС, 2005.- 272с.
4. Дедов Л.А. Развитие хозяйственных систем: методы оценки и анализа. Екатеринбург: УрО РАН, 1998.-194с.
5. Леонтьев В. Темпы долговременного экономического роста и перевод капитала из развитых стран в развивающиеся страны// Леонтьев В. экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М, 1990.
6. Мингалева Ж.А. Теоретико-методологические основы приоритетного инвестирования прогрессивных структурных сдвигов в промышленности. - Дисс. на соиск. уч. степ. д.э.н., Пермь, 2006. - 440с.
7. Плеханова Е.Ю. Оптимизация структурно-динамических процессов в промышленном секторе региона.- Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н., Ижевск, 2008.- 160 с.

Большакова Л.Г.

кандидат педагогических наук,
заведующая кафедрой бухгалтерского учёта, анализа и аудита
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОСТЕЙШИХ ФОРМ УЧЕТА И РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ МИНИ-СИСТЕМ В РОССИИ

Программы комплексного бухгалтерского учета можно разделить на три группы:

- мини-бухгалтерия;
- интегрированная бухгалтерия;
- комплексная сетевая бухгалтерия.

К группе «Мини-бухгалтерия» относится большинство программ, представленных на рынке компьютерного обеспечения. Сущность этих программ заключается в составлении на основе проводок бухгалтерских записей хозяйственных операций, оборотного баланса, сальдового баланса и ведении Главной книги. Так как правила формирования баланса едины для предприятий всех размеров и форм собственности, то и сами программы достаточно универсальны. По набору пользовательских функций программы делятся на четыре подгруппы:

- программы, реализующие функции синтетического учета (ведение журнала операций на уровне бухгалтерских записей, формирование журналов-ордеров, оборотно-сальдового баланса, Главной книги и форм финансовой отчетности), предназначены для главного бухгалтера и его заместителя почти любого предприятия;

- программы, которые в дополнение к функциям первой подгруппы позволяют вести одно- или двухуровневый бухгалтерский учет. Они созданы для малых предприятий с упрощенной системой ведения учета;
- программы ведения сводного учета для крупных предприятий. Характерная черта – развернутый многоуровневый аналитический учет. Такие программы могут быть полезны и для небольших предприятий, имеющих собственное производство;
- головные модули функциональных комплексов. Их отличительной особенностью и главной задачей является прием бухгалтерских записей от программ, специализированных для ведения различных разделов учета с целью осуществления сводного учета. Аналитические функции не являются обязательными, так как могут быть вынесены в специализированные программы комплекса. Такие программы могут работать автономно только с учетом дополнения соответствующими специализированными комплексами.

В основе программ группы «Интегрированная бухгалтерия» лежит та же база оборотного баланса, дополняемая надстройкой в виде модулей, реализующих в привычном виде учет заработной платы, материалов и т.д. Как правило, освоив программу оборотного баланса, бухгалтер начинает замечать несоответствие между богатыми возможностями по синтетическому учету, легкостью получения баланса и примитивному отражению, например, зарплаты лишь в виде бухгалтерских записей. Неразумно, имея компьютер, считать налоги на бумаге или посредством других программ, например, табличных процессоров. Все вполне можно уместить в одной программной среде, разработав соответствующий сервис. Интегрированная бухгалтерия включает:

- количественный и суммовой учет;
- дополнительные модули: учет материальных ценностей, основных средств, заработной платы, банк-касса, договоры с юридическими и физическими лицами;
- единую базу данных;
- одно автоматизированное рабочее место.

Любая интегрированная система ограничена по численности личного состава предприятия, по размерам справочника материалов объемам оперативной памяти. В программах комплексной сетевой бухгалтерии одно рабочее место дробится на несколько мест и машин. Комплекс включает:

- отдельные функционально законченные АРМ;
- наличие интерфейса передачи информации (в том числе через дискеты) для сведения баланса;
- развернутый аналитический учет.

Комплексные сетевые системы можно разделить на следующие подгруппы:

- базовый комплекс, состоящий из традиционного набора АРМ – учет материальных ценностей, учет основных средств, учет заработной платы, головной модуль «Оборотный баланс» и иногда «Склад»;
- расширенный комплекс, который дополняется АРМ «Банк», «Касса», «Подотчетные лица», «Дебиторы-кредиторы», «Учет затрат на производство», «Сбыт» и т.п.;
- специализированный комплекс, который может включать нетрадиционный набор АРМ, как правило, это специализированные отраслевые комплексы.

Особенностью сетевых версий бухгалтерского учета является возможность сетевого обмена данными внутри каждого АРМ и между различными АРМ. Дело в том, что на средних и крупных предприятиях, даже в условиях установки отдельной машины под каждое АРМ, начинают сказываться ограничения, связанные с медленным вводом информации по сети. Поэтому в сетевой версии появляется возможность как бы расщепления каждого функционального АРМ на произвольное множество себе подобных, что дает возможность организации всего обмена данными по сети и одновременной работы различных АРМ с доступом к любой разрешенной информации.

Рассмотренная выше классификация бухгалтерского программного обеспечения ориентируется на возможности персональных компьютеров. Поэтому следует отметить, что там, где с задачей автоматизации бухгалтерского учета не справляется сетевая версия, лежит предел использования персональных компьютеров. Для решения более сложных задач используются рабочие станции, мини- и макси ЭВМ.

Российский рынок бухгалтерского и финансового программного обеспечения достаточно стремительно развивается вслед за мировым. Определить количество фирм, занимающихся этим бизнесом, достаточно сложно: лишь в конкурсах, проводимых консалтинговой фирмой «Бизнес-Программы-Сервис», «Финансовой газетой» и журналом «Бухгалтерский учет», участвуют сотни фирм.

В России интерес к указанному рынку претерпел несколько стадий. Первая из них относится к первым шагам перестройки. Поток

персональных компьютеров из-за рубежа сопровождался переносом ряда программ с больших машин и созданием «на коленке» программ-самоделок для комплектации ими продаваемых «программно-аппаратных комплексов», основная ценовая нагрузка в которых падала на программное обеспечение.

Вторая стадия связана с рождением в России большого числа коммерческих структур, которые требовали ведения быстрой и простой бухгалтерии. Спрос рынка был удовлетворен рядом фирм, сумевших быстро и достаточно успешно откликнуться на потребности рынка. Среди этих фирм выделяются по степени распространенности их продукции: «1С» («1С: Бухгалтерия»), «Хакер Дизайн» («Финансы без проблем»), ДИЦ («Турбо-бухгалтер»). Многие фирмы и группы программистов разрабатывают в это время такого рода программы под заказ. В дальнейшем наиболее успешные из этих разработок появились на рынке, в том числе разработки фирм «Инфо-Софт», «Паритет Софт», «Инфин», «Парус», «Атлант-Информ» и др., регулярно представляемые на выставках «SofTool» отечественные разработки ПО. Эти программы позволяли работать бухгалтерам разной квалификации, включая и тех, кто недавно переквалифицировался из многочисленной армии инженеров.

Третья стадия развития рынка ПО для бухгалтерского учета связана с переходом от упрощенного учета к профессиональному. В современных разработках серьезное внимание уделяется возможности работы в компьютерных сетях, накоплению статистики, работе с несколькими планами счетов, анализу финансовой деятельности. Рынок отреагировал на эти потребности и, анализируя его современное состояние, можно отметить наличие большинства из указанных возможностей в современных системах.

Можно утверждать, что на подходе четвертая стадия развития ПО для бухгалтерии, связанная с переходом от чисто бухгалтерского к управленческому учету. Эта тенденция наиболее зримо прослеживается на зарубежном рынке ПО для крупных предприятий, но начинает проявляться и в России.

Итак, состояние современного рынка ПО для бухгалтерии и аудита можно охарактеризовать как интенсивно развивающееся. Наметилась специализация ПО по группам потребителей в зависимости от их потребностей.

Выбор того или иного класса систем определяется позиционированием конкретного предприятия на рынке, опытом бухгалтерского и управленческого учета, квалификацией сотрудников.

Это особенно существенно для малых предприятий, где наблюдается совмещение функциональных обязанностей сотрудников.

Автоматизация простейших форм учета и распространенность мини-систем во многом определены бухгалтерской и компьютерной безграмотностью в России на ранних этапах перехода к рыночной экономике в отличие от Запада, где указанные дисциплины начинают постигать со школьной скамьи. Рост требований к системам возрастает по мере того, как осознается польза от их использования не только для фискальных органов, но и для самого предприятия. Но это не дается бесплатно. От бухгалтера требуется совершенно другая квалификация: умение разбираться в тонкостях и планировать налоги, учитывать потоки платежей, определять окупаемость инвестиционных проектов и многое другое.

Важенина И.В.

Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний
г. Елабуга

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ АУТСОРСИНГА В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Развитие технологий и рост конкуренции в конце XX в. потребовали пересмотра принципов управления деятельностью организаций. Одним из механизмов управления, позволяющим добиться реальных конкурентных преимуществ, стал аутсорсинг (долговременный подряд) – делегирование на исполнение сторонней организации отдельных бизнес-процессов.

Первые проявления аутсорсинга можно отнести еще к периоду ремесленного производства. Ремесленник был включен в систему интеграционных связей с поставщиками сырья и заказчиками.

Дальнейшая история аутсорсинга в мире связана с экономическим развитием США в начале XX в. На данном этапе сложившаяся прецедентная форма права способствовала появлению независимых юридических компаний, обслуживающих клиентов на постоянной основе. Развитию подобных контор способствовали популярность судебного способа разрешения деловых споров, необходимость высокой квалификации и специализации, желательность привлечения специалистов, ранее выигравших похожее дело. Расширяя спектр услуг, они стали консалтинговыми, а затем аутсорсинговыми.

Следующим этапом развития методов передачи части деятельности во внешнее управление становится совершенствование

процесса производства в автомобильной промышленности. В 30-е годы XX в. во время противостояния в автомобилестроении двух великих менеджеров – Генри Форда и Альфреда Слоуна в конкурентной борьбе победила компания «General Motors». Корпорация Форда действовала как единое предприятие на всех стадиях производства автомобилей, что и способствовало поражению. Компания «General Motors» была разделена на специализированные предприятия.

В 1921 г., когда компания «General Motors», возглавляемая Альфредом Слоуном, находилась на пороге краха, он внедрил новый проект, положивший в основу организации производства метод кооперации узкоспециализированных производств, тем самым обеспечив за несколько лет к 1935 г. завоевание американского рынка автомобилей.

Данный исторический факт способствовал пониманию того, что ни одна фирма не может быть самодостаточной, поэтому ряд функций целесообразно передавать специализированным компаниям. Метод в основном касался вспомогательного производства: обслуживания и ремонта оборудования, изготовления инструмента и т.д. «General Motors» до сих пор остается одной из самых могущественных компаний, объем производства которой превышает 100 млрд. долл. в год. Новшеством в проекте Слоуна стала методология аутсорсинга, примененная в организации систем управления компаниями и в организации производства. Однако сам термин «аутсорсинг» появился в научной литературе лишь в 1990 г. На сегодняшний день Альфред Слоун считается основоположником теории аутсорсинга.

В ходе своей дальнейшей практической деятельности Генри Форд высказал мнение о том что, если в компании не получается что-то делать лучше и дешевле чем у конкурентов, то нет никакого смысла это делать. Эту работу целесообразно передать тому, кто ее выполнит с заведомо лучшими результатами.

Во второй половине XX в. очередным стимулом для развития аутсорсинга становится стремительное развитие информационных технологий и процесса компьютеризации. Формируется ИТ-аутсорсинг. Данная отрасль оказывает услуги, предоставляет ресурсы, создает и сопровождает программное обеспечение и системы, создает центры обработки данных. Родоначальником современного аутсорсинга определена фирма «Electronic Data System» («EDS»), которая в 1963 г. предложила концерну «FRITO LAU» платные услуги по реализации ее информационных функций. С данного момента и до настоящего времени аутсорсинг связывают, прежде всего, с обеспечением информационных функций. Основателем фирмы «EDS» в 1962 г.

является бывший кандидат в президенты США Росс Перро. На первом этапе своей бизнес-деятельности он централизованно подводил балансы для нескольких банков, арендуя ночное время на мэйнфреймах (больших ЭВМ). Вскоре «EDS», осуществляя сопровождение информационных потоков, обеспечила годовую экономию «General Motors» в 44% (более 4 млрд. долл.). Таким образом, была создана концепция аутсорсинга как принцип новой стратегии управления.

Объектом научных исследований аутсорсинг становится в 80-90 гг. прошлого века. В данное время появляются научные публикации. Ученые и практики-менеджеры пытаются найти оптимальную стратегию внедрения аутсорсинга и рассматривают различные аспекты использования аутсорсинга в деятельности компаний. Одновременно в практической деятельности наблюдается широкое развитие рынка аутсорсинговых услуг, что было связано с активным ростом индивидуального предпринимательства.

Отсутствие навыков и специальных знаний в различных отраслях бизнеса у мелких компаний при ограниченном финансовом бюджете и постоянном стремлении к экономии средств, способствовало появлению большого числа узкоспециализированных компаний. Данные организации стали оказывать различного рода финансовые услуги. В результате предприниматели получили сокращение издержек, а также смогли сконцентрироваться на профильном виде деятельности и творческой работе. Важным моментом, способствовавшим развитию аутсорсинга, можно определить распространение Интернета.

В 80-е годы XX в. теоретики менеджмента доказали, что одними из главных факторов сохранения конкурентоспособности компании являются деление ее функций на основные и второстепенные и последующая передача всех второстепенных функций внешним специалистам. В 90-е годы данная теория расширилась до передачи аутсорсинговым фирмам всех, в том числе основных функций организации.

В настоящее время процесс аутсорсинга приобрел еще более значительный размах. По оценке компании «EDS» к 2000 г. 75% компаний в мире уже должны были применять аутсорсинг в той или иной степени. В ходе дальнейших исследований установлено, что лидерами по использованию услуг аутсорсинговых фирм среди мировых регионов стали США с долей рынка в 46%. Для сравнения Западная Европа – 29%, Япония – 13%.

В первой пятилетке XXI в. активизировалась отраслевая специализация. Возникла аутсорсинговая схема B-to-B (business to business – бизнес для бизнеса). Согласно обозначенной схеме бизнес

взаимодействует с бизнесом напрямую без посредников и крупных управленческих структур. В отличие от холдингов и концернов предполагается создание операционно-производственной цепочки при условии независимости партнеров.

В 2004 г. появилась теория модульного глобального сорсинга (MGS). MGS представляет следующую эволюционную ступень развития стратегии аутсорсинга. Использование процесса модульных глобальных решений позволяет получать большую добавленную стоимость из глобальных источников финансирования за счет использования процедуры структурирования бизнес-процессов и ИТ-систем в индивидуальные модули.

С конца XX в. зарубежный опыт аутсорсинга стал проникать и в Россию. Постепенно аутсорсинг начал применяться в менеджменте сначала крупных российских банков и иностранных представительств, работающих на территории России, а в последующем и среднего бизнеса. За короткий срок схема аутсорсинга успешно обосновалась в практике российского предпринимательства.

В условиях плановой экономики Советского Союза аутсорсинга в его прямом значении фактически не существовало, что объясняется отсутствием или второстепенностью рассмотрения основных предпосылок для его развития, в частности улучшения финансовых показателей и конкурентной среды. Тем не менее, отмечалось наличие разделения выполняемых задач по направлениям специализированных подрядных организаций, позволявшее сконцентрировать ресурсы на определенных направлениях, что уже является одной из основных целей аутсорсинга.

В ситуации нестабильной российской экономики второй половины 90-х годов XX в., при слабом законодательстве и «хаотичном» способе ведения бизнеса появляются руководители и экономисты нового поколения, получившие образование на начальном этапе рыночной экономики. Происходит постепенный переход к планомерному продуманному менеджменту на основе стратегического планирования деятельности. Первоначальной формой развития стал ИТ-аутсорсинг, впоследствии присоединились и стали активно развиваться в последние годы аутсорсинг консалтинговых услуг, аудита и аутсорсинг производства.

В России распространяется метод передачи контрактов на разработку программного обеспечения. Российские программисты пользуются все большей популярностью как ресурс географического (оффшорного) аутсорсинга. К их услугам систематически прибегают IBM, Intel, SAP и др. По оценкам экспертов, в 2005 г. годовой объем

оффшорных контрактов, выполняемых в России, составлял 300 млн. долл.

К различным консалтинговым и аутсорсинговым услугам в области ИТ привлечены 70-80% российских предприятий. Основная доля приходится на бухгалтерское программное обеспечение. Затем следует техническое обслуживание компьютерного, телефонного и копировального оборудования.

В последнее время на российский рынок аутсорсинга вышли компании, которые обеспечивают вспомогательные услуги хозяйственно-технологического назначения.

Перспективным становится профессиональный аутсорсинг для органов власти РФ всех ветвей и уровней.

По данным исследований в России шире, чем в США распространены аутсорсинг дизайна, ведение публичных Web-серверов на условиях аутсорсинга. Спрос на сопровождение корпоративных Web-сайтов можно объяснить отсутствием на подобных серверах конфиденциальной внутрифирменной информации.

Бурно развиваются на российской почве и формы кадрового аутсорсинга. Однако по оценкам экспертов, подобные услуги чаще заказывают западные компании. Доля заказов от российских организаций составляет примерно 10%. Вместе с тем число российских компаний, решившихся передать на аутсорсинг кадровые функции, постоянно растет.

В РФ в связи со специфическим этапом ее экономического развития, историческими основами становления бизнеса наблюдаются отдельные негативные высказывания заказчиков по отношению к аутсорсингу. Подобный факт можно объяснить особенностями российского менталитета, так как в течение длительного периода времени преобладающей философией в бизнесе было строгое подчинение приказу. Тем не менее, преобразования в экономической сфере постепенно сказываются и на изменении философии бизнеса.

Усложнение коммуникационной среды и бизнес-процессов, создающее значительную для компаний нагрузку, стремление получить максимальное качество с учетом сокращения собственных издержек, а также возможность освобождения ресурсов и сосредоточения на основной деятельности компании становятся причинами использования аутсорсинга во всех отраслях и секторах экономики.

Развитию методологии аутсорсинга способствовал пересмотр сложившихся веками принципов ведения экономической деятельности. За сравнительно короткий исторический промежуток времени в мире

сложился достаточно мощный механизм эффективного управления деятельностью предприятия.

Таким образом, применение аутсорсинга в зарубежном и российском менеджменте в условиях современной глобальной экономики является крайне востребованным.

Григорьев П.Н.

кандидат экономических наук, доцент
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Карсаков А.Ф.

доцент
Канашский филиал Института социальных и гуманитарных знаний
г. Канаш

РАЗВИТИЕ МАШИННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Главным фактором роста эффективности производства является постоянное повышение и совершенствование материально-технической базы на уровне современного научно-технического прогресса. В свою очередь, от развития материально-технической базы зависит качество производимой продукции или оказание услуг.

Развитие сельскохозяйственного товаропроизводителя может осуществляться двумя путями: экстенсивным, когда увеличение выхода сельскохозяйственной продукции достигается на основе расширения посевных площадей при неизменном уровне техники и агротехники; интенсивным, когда рост производства происходит на базе дополнительных вложений на единицу используемой земельной площади, повышения культуры земледелия, применения новой техники и передового опыта.

Особенное направление интенсификации сельского хозяйства – комплексная механизация сельскохозяйственного товаропроизводства на основе ускорения научно-технического прогресса и массового использования новейших достижений.

Исследования показывают, что в данное время большинство хозяйств на селе убыточны. Так, на примере ЗАО «Прогресс» Яльчикского района можно проследить эффективность производственно хозяйственной деятельности хозяйства.

Хотя ЗАО «Прогресс» в Яльчикском районе считается в передовиках, но как показывают данные таблицы 1 за исследуемый период идет снижение уровня рентабельности. Это связано с увеличением себестоимости проданных товаров и услуг. А рост производственных затрат зависит от ряда факторов. Одной из причин считается износ сельскохозяйственных машин и тракторов, т.е. большая доля техники выработала эксплуатационный срок службы и пора обновлять новым набором современной техники и оборудованием материально-технической базы данного хозяйства.

Таблица 1

№ п/п	Показатели	2005 Сумма т.руб.	2006 Сумма т.руб.	2007 Сумма т.руб.
1	Выручка от реализации продукции - всего	39644	48142	57187
2	Себестоимость проданных товаров и услуг	31567	39323	51023
3	Прибыль от продаж	8077	8819	6164
4	Уровень рентабельности в %	25,6	22,4	12,08

Исследования также показывают, что в период плановой экономики в Чувашской Республике функционировали и производили ремонт техники и техническое обслуживание, а также частично выполняли снабженческие функции государственные ремонтно-технические предприятия, которые имелись в каждом районе. Расходы на техническое обслуживание и ремонт техники составляли в пределах 5% стоимости валовой продукции сельского хозяйства в среднем по РФ. В мастерских хозяйств, в районных ремонтно-обслуживающих предприятиях, в специализированных мастерских на ремонтных и ремонтно-механизированных заводах работали около 1,2 млн. человек, в том числе почти 800 тыс. человек – непосредственно в колхозах и совхозах. А ценообразование на техническое обслуживание и ремонт сельскохозяйственной техники не имели связи с ценообразованием на сельскохозяйственную продукцию, которые должны бы быть в зависимости от конечного результата сельскохозяйственного производства или в другом варианте иметь государственную дотацию на погашение разницы в формировании цен между партнерами.

Следовательно, при определении объемов работ сервисного обслуживания необходимо учитывать следующие факторы:

- наличие сельских товаропроизводителей, а также состав и структуру машинно-тракторного парка;

- финансовые возможности и платежеспособность сельскохозяйственных товаропроизводителей – потребителей услуг по техническому сервису;
- обоснование наиболее рациональной формы организации ремонта и обслуживания тракторов и сельскохозяйственных машин хозяйств в современных условиях;
- определение и формирование величины оптимальных затрат на ремонт и техническое обслуживание в общей структуре затрат сельскохозяйственного товаропроизводителя;
- изучение складывающейся системы технического сервиса машинно-тракторного парка хозяйств.

Одним из направлений развития специализации сервисного обслуживания может быть установление прямых связей отдельных агросервисных предприятий с предприятиями-изготовителями средств производства с целью дальнейшего снижения себестоимости сервисных услуг, минуя поставщиков-посредников, и функционирования в качестве дилерских пунктов с последующим формированием и развитием их в лизинговую форму кредитования сельскохозяйственных предприятий. Так в последние годы стали возрождаться новые сельскохозяйственные предприятия с различными организационно-правовыми формами, выпускающие продукцию растениеводства и животноводства, а также перерабатывающие предприятия. В ходе аграрной реформы, которая была необходима для замены административно-распорядительных, командных методов хозяйствования, реорганизации колхозов и совхозов, перераспределения земель, их приватизация, социальные и структурные преобразования. В результате многие колхозы и совхозы превращены в подсобные хозяйства предприятий и организаций из-за того, что большинство хозяйств на селе стали убыточными или даже банкротами. У этих предприятий нет средств на техническое и технологическое обновление, а для эффективной работы хозяйствам необходимо применение высокопроизводительной и ресурсосберегающей техники на основе эффективных технологий.

Таблица 2 (см. ниже) показывает, что в составе и структуре машинно-тракторных устройств в сельскохозяйственных предприятиях по Канашскому району ЧР за последний период с 1999 по 2007 годы произошли значительные изменения в сторону снижения количества сельскохозяйственной техники. Такое резкое сокращение материально-технической базы хозяйств отражены в ходе реформы, т.е. из-за резкого сокращения государственной поддержки сельскому хозяйству. Доля сельского хозяйства в расходной части бюджета по сравнению с долей

сельского хозяйства ВВП уменьшилась (по данным статистики с 1991 по 1997 она упала с 12% до 2,4%). За 2005-2006 гг. более чем в 17 раз сократились инвестиции в АПК. Из-за недостатка техники, горюче-смазочных материалов хозяйства вынуждены проводить полевые работы по упрощенным технологиям. А чтобы улучшить положение в сельскохозяйственных предприятиях машинотракторного парка в отдельных регионах Чувашской Республики нужны крупные капиталовложения.

Таблица 2

НАЛИЧИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ
ЗА ИССЛЕДУЕМЫЙ ПЕРИОД 1999-2007 ГГ.
ПО КАНАШСКОМУ РАЙОНУ

№ п/п	Наименование средств	Ед. изм.	на 01.01.1999	на 01.01.2007	Изменения наличия техники в отложении 2007г. к 1999 г.
1	Тракторы - всего	Шт.	703	225	- 478
2	Тракторные прицепы	Шт.	64	109	+45
3	Плуги	Шт.	241	60	- 181
4	Культиваторы	Шт.	278	97	- 181
5	Сеялки	Шт.	303	99	- 204
6	Косилки	Шт.	98	38	- 60
7	Пресс-подборщики	Шт.	52	20	- 32
8	Комбайны зерноуборочные	Шт.	177	70	- 107
	- кормоуборочные	Шт.	86	18	-68
	- картофелеуборочные	Шт.	40	3	- 37
9	Доильные установки	Шт.	30	27	- 3

В то же время для того, чтобы крестьянскому (фермерскому) хозяйству заниматься одновременно производством продукции и в растениеводстве и животноводстве необходимо иметь в наличии в достаточном наборе (составе и структуре) сельскохозяйственную технику и оборудование.

Во-вторых, многие сельскохозяйственные машины и оборудование в течение года используются сезонно, особенно в растениеводстве.

В-третьих, небольшие фермерские хозяйства не в состоянии так часто обновлять набор техники и оборудования в русле развития научно-технического развития на современном уровне.

Встает вопрос о создании структур производственного сервиса, который позволил бы решать задачи внедрения вышеуказанных современных технологий и техники в развитие сельскохозяйственного товаропроизводства.

На данный период многие бывшие ремонтно-технические предприятия во многих регионах Чувашской Республики стали банкротами, т.е. они бездействуют или выполняют другие функции - несельскохозяйственного назначения. Есть реальные возможности организовывать машинно-технические станции по оказанию помощи вновь создаваемым и действующим сельскохозяйственным товаропроизводителям по оказанию следующих сервисных услуг:

- технический ремонт и техническое обслуживание средств производства;
- обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей производственными ресурсами;
- производственное и агротехническое обслуживание;
- мелиоративное и дорожное строительство;
- переработка и реализация сельскохозяйственной продукции, а также другие виды работ.

Таким образом, машинно-технологическая станция на современном этапе – это предприятие по комплексному обслуживанию сельскохозяйственных товаропроизводителей. При этом приобретение техники можно предусматривать на условиях лизинга или выделением финансовых средств целевым направлением в виде оказания государственной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Форма собственности современной машино-технологической станции может быть любой (государственной, частной, кооперативной). При государственной собственности можно проводить политику субсидирования при оказании технологического и технического сервисного обслуживания погашения разницы цен между сельскохозяйственными товаропроизводителями и машино-технологическими станциями. Некоммерческая основа функционирования кооператива позволяет решать следующие проблемы:

- контролировать установление цен на услуги сервиса, когда в состав кооператива войдут сельскохозяйственные товаропроизводители как участники в долях;
- снизить проблемы у сельскохозяйственных товаропроизводителей по закупке необходимой сельскохозяйственной техники для качественного и современного производства сельскохозяйственной продукции.

Следовательно, проводя в жизнь решения по развитию машинно-технологических станций в регионах ЧР, сельскохозяйственные товаропроизводители станут платежеспособными, финансово-

устойчивыми, а также улучшат качество производимой продукции, что в конечном итоге будет формировать конкурентоспособность в условиях рынка.

Макаров П.И.

доктор технических наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Шакиров Р.В.

доктор педагогических наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ СКОЛЬЖЕНИЯ РОТАЦИОННЫХ ПОЧВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРГАНОВ

Процесс взаимодействия крайних нижних точек ротационного органа с почвой можно характеризовать коэффициентами скольжения и буксования [1, 2, 3]. От величины этих показателей будет зависеть и характер взаимодействия с почвой рабочей поверхности всего ротационного органа.

По В.П. Горячкину коэффициент скольжения есть отношение избытка пути, проходимого центром ротационного органа вследствие чистого скольжения, к величине фактически пройденного им пути. Аналогично, коэффициент буксования – это отношение потерянного пути к величине фактически пройденного центром рабочего органа пути [4].

Большой интерес представляет оценка степени скольжения (буксования) ротационных органов в общем случае движения, когда плоскость вращения их составляет угол α с направлением переносного движения (дисковые плуги, бороны, луцильники, свеклоподъемники, сошники сеялок и т.д.).

Некоторые исследователи для оценки степени скольжения названных органов используют выражение, предложенное В.П. Горячкиным для оценки степени скольжения колеса, который имеет вид:

$$\delta = \frac{S - \pi \cdot Dn}{S} = 1 - \frac{V_0}{V_e}. \quad (1)$$

Как видно, данное выражение не учитывает влияние угла α на степень скольжения ротационного органа, поэтому оно может быть использовано только для определения степени скольжения рабочих

органов, у которых плоскость вращения параллельна направлению переносной скорости. Для определения степени скольжения Е. Буцолитч предложил выражение [3]:

$$\delta' = \frac{S \cdot \cos \alpha - \pi \cdot D \cdot n}{S \cdot \cos \alpha} = 1 - \frac{V_o}{V_e \cdot \cos \alpha}. \quad (2)$$

Согласно данной зависимости ротационные органы при углах атаки близких к 90° бесконечно буксуют, чего в действительности не бывает.

Степень скольжения рабочих органов дисковых луцильников А.И. Аржаных определяет по зависимости [1]:

$$\delta' = \frac{S \cdot \cos \alpha}{\pi \cdot D \cdot n} = \frac{V_e \cdot \cos \alpha}{V_o}. \quad (3)$$

Для дискового плуга П.С. Нартовым было предложено несколько иное выражение [6]:

$$\delta' = \frac{S \cdot \cos \alpha - \pi \cdot D \cdot n}{\pi \cdot D \cdot n} = \frac{V_e \cdot \cos \alpha}{V_o} - 1. \quad (4)$$

Зависимости (3) и (4) для определения степени скольжения ротационных почвообрабатывающих органов обладают следующим недостатком: при заторможенном режиме ($V_o = 0$) согласно данной формуле $\delta' = \infty$. Однако известно, что при вращении ротационных органов в направлении снизу вверх их скольжение бывает в несколько раз больше, чем в заторможенном режиме. Следовательно, этими выражениями нельзя оценивать степень скольжения ротационных органов при их обратном вращении.

Таким образом, в настоящее время в научной литературе не имеется приемлемого выражения для определения степени скольжения или буксования названных органов, пригодного для оценки всех возможных видов их движения и режимов работы.

В общем случае движение ротационных органов дискового типа можно разложить на два элементарных перемещения: качение в плоскости вращения и перемещение без вращения [5]. Известные методы определения коэффициентов скольжения и буксования, когда рассматривается движение почвообрабатывающего органа только в плоскости его качения [1, 3], противоречит самой сущности этих показателей и при больших значениях угла атаки α препятствует раскрытию истинной картины процесса взаимодействия его с почвой. По нашему мнению, их следует определять рассматривая фактическое движение рабочего органа, состоящее из качения в плоскости его вращения и перемещения без вращения, которому также присуще

скольжение. При этом под скольжением нужно понимать касательное перемещение крайних нижних точек рабочего органа в направлении поступательного движения агрегата, а под буксованием – касательное перемещение их в сторону, противоположную направлению переносной скорости. Такое определение скольжения и буксования общепризнано и в теории колесных машин.

Следовательно, явления скольжения и буксования ротационных органов можно оценивать одним показателем (δ), отражающим важнейшее свойство процесса его перемещения и поэтому названным нами показателем характера движения. При этом его положительное значение будет соответствовать скольжению (реактивному режиму), а отрицательное – буксованию (активному режиму), а нулевое значение – чистому качению рабочего органа.

Движение произвольной точки режущей кромки дискового почвообрабатывающего органа в направлении переносной скорости описывается уравнением (2):

$$x = V_e t - R \{ \cos \alpha \sin(y_i \pm \omega t) + \sin \alpha \sin \beta [1 - \cos(y_i \pm \omega t)] \} \quad (5)$$

Дифференцируя уравнение (5) по времени и подставляя в полученное выражение значение $y_i \pm \omega t = 0$, находим составляющую абсолютной скорости крайней нижней точки лезвия диска: $V_x = V_e \mp V_o \cdot \cos \alpha$ (6)

За время t за счет чистого скольжения (буксования) рассматриваемая точка проходит путь:

$$S = (V_e \pm V_o \cdot \cos \alpha) \cdot t \quad (7)$$

За это же время центр диска перемещается на расстояние $V_e t$. Тогда, согласно приведенного определения, показатель характера движения равен:

$$\delta = \frac{(V_e \mp V_o \cdot \cos \alpha) \cdot t}{V_e t} = 1 \mp \frac{V_o \cdot \cos \alpha}{V_e} \quad (8)$$

Здесь верхний знак соответствует вращению рабочего органа в направлении сверху вниз, а нижний – наоборот. Исследуем полученное выражение (8).

1. Рассмотрим случай, когда $\alpha = 0$, $|\bar{V}_o| = |\bar{V}_e|$, то есть имеет место качение ротационного органа без скольжения и буксования. Тогда получим $\delta = 0$, что вполне логично.

2. Пусть $V_o = 0$, $V_e \neq 0$. Тогда при любых значениях угла α получим $\delta = 1$.

3. Случай, когда $\alpha = 90^\circ$, то есть ротационный орган работает как двухгранный клин. Независимо от величины модулей \bar{V}_o и \bar{V}_e и

направления вращения рабочего органа получаем $\delta = 1$, то есть степень скольжения такая же, как и в заторможенном режиме.

4. В случае, когда $V_e = 0$, $\alpha \neq 0$, $V_o \neq 0$ может $\delta = +\infty$ и $\delta = -\infty$ в зависимости от того, в каком направлении вращается рабочий орган. Это соответствует действительности.

5. В частном случае, когда рабочий орган вращается в направлении сверху вниз и $\alpha = 0$ получаем общеизвестную зависимость (1), предложенную В.П. Горячкиным для колес.

Если учесть, что $V_o = \frac{2\pi Rn}{t}$ и $V_e = \frac{S}{t}$, то выражение (8)

приводится к виду:

$$\delta = 1 \mp \frac{2\pi Rn \cdot \cos\alpha}{S}, \quad (9)$$

где R – расстояние от рассматриваемой точки ротора до его оси вращения; n – количество оборотов рабочего органа за рассматриваемый отрезок времени t ; S – путь, пройденный агрегатом за то же время.

Это выражение удобно использовать при нахождении показателя характера движения по результатам проведенных опытов.

На рис. 1а (см. ниже) представлена зависимость показателя характера движения от угла атаки α . При обратном вращении ротационного органа графики зависимостей представляют собой косинусоиды, сдвинутые по оси δ на единицу. Величина δ при каждом данном значении угла α зависит от величины отношения V_o/V_e , а также от направления вращения ротора.

При прямом вращении рабочего органа полученные графические зависимости располагается симметрично относительно прямой, проведенной параллельно оси абсцисс при $\delta = 1$, к косинусоидам обратного вращения с равными отношениями скоростей, то есть V_o/V_e .

Точка, соответствующая значению $\alpha = 90^\circ$ является критической, характеризующей изменение направления вращения рабочего органа при переходе этого угла. Данному углу атаки ротационного органа, независимо от режима его работы, направления вращения и величины отношения V_o/V_e , соответствует только одно значение показателя характера движения, равное единице.

Из рассматриваемого графика также следует, что при всех значениях V_o/V_e с изменением α характер взаимодействия крайней нижней точки лезвия с почвой меняется. В качестве примера рассмотрим кривую, соответствующую $V_o/V_e=1,5$. При $0 \leq \alpha < 48^\circ$ рабочий орган буксует, угол атаки $\alpha = 48^\circ$ соответствует режиму чистого качения, а при $\alpha > 48^\circ$ ротационный орган скользит. Из рис. 1а также

видно, что ротационные органы, у которых $V_o/V_e < 1,5$ при любых углах установки работают со скольжением.

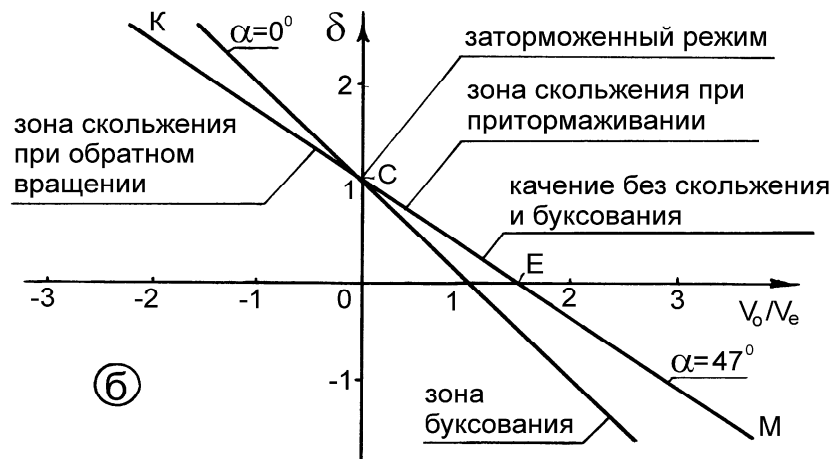

Рис. 1. Изменение показателя характера движения ротационных органов в зависимости от угла атаки (а) и отношения численных величин окружной и поступательной скоростей (б)

В заторможенном режиме показатель скольжения рабочего органа равен единице и от угла α не зависит.

На рис. 1б (см. выше) дана зависимость показателя характера движения от отношения численных величин скоростей V_o и V_e при разных углах атаки. Из графика следует, что при всех углах атаки α каждому значению показателя δ соответствует определенный характер движения ротационного органа. Так линия от точки К до Е соответствует скольжению рабочего органа, а линия ЕМ – его буксованию. Линия СЕ характеризует зону активного торможения. Точка С соответствует движению рабочего органа без вращения (заторможенное состояние), а точка Е – качению его без скольжения и буксования.

Здесь наблюдается действие закона перехода количественных изменений в коренные качественные.

Приведенный график наглядно показывает, что виды движений рабочих органов отличаются друг от друга только величиной и знаком показателя характера движения. Следовательно, величина характера движения δ является показателем для их количественной оценки.

На основании вышеизложенного можно заключить, что полученные выражения (8) и (9) для определения показателя характера движения пригодны для оценки степени скольжения и буксования ротационных органов, имеющих произвольные углы установки, во всех возможных видах их движения и режимах работы.

Литература:

1. Аржаных А.И. Исследование и обоснование параметров рабочих органов дисковых луцильников для работы на повышенных скоростях: Автореф. дис... канд. тех. наук. – Челябинск, 1968. – 24 с.
2. Бок Н.Б. Основы исследования и проектирования активных рабочих органов сельскохозяйственных машин: Доклад – обобщение опубликованных работ. – М., 1970. – 109 с.
3. Буцолитч Е. Исследование работы дискового плуга: Автореф. дис... канд. техн. наук. – М., 1965. – 21 с.
4. Горячкин В.П. Собрание сочинений. Т.1,2,3. – М.: Колос, 1968.
5. Макаров П.И. Технологии и техника для гладкой вспашки почв. Монография. – Казань: Издательство КГУ, 2000.– 288с.
6. Нартов П.С. Дисковые почвообрабатывающие орудия. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1972. – 184 с.
7. Синеоков Г.Н., Панов И.М. Теория и расчет почвообрабатывающих машин. – М.: Машиностроение, 1977. – 328 с.

Мусташкина Д.А.

кандидат экономических наук, доцент
Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний
г. Елабуга

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современных рыночных условиях любое предприятие не застраховано от возможности оказаться банкротом или жертвой «чужого» банкротства. И только умелая стратегия экономического управления позволяет предприятию избежать и сохранять в течение многих лет деловую активность, прибыльность и высокую репутацию надежного партнера и производителя качественной продукции, работ, услуг. Чтобы достичь этого, предприятие должно постоянно следить за

хозяйственной ситуацией на рынке и обеспечивать себе высокую конкурентоспособность.

Управленческому персоналу для обеспечения выживаемости предприятия в современных условиях, необходимо, прежде всего, уметь реально оценивать финансовые состояния, как своего предприятия, так и существующих потенциальных конкурентов. Финансовое состояние – важнейшая характеристика экономической деятельности предприятия. Она определяет конкурентоспособность, потенциал в деловом сотрудничестве, оценивает, в какой степени гарантированы экономические интересы самого предприятия и его партнёров в финансовом и производственном отношении [1].

Грамотно управлять сегодня невозможно без умения анализировать. Вот почему в настоящее время развитие и углубление экономического анализа и, в первую очередь, финансового составляет саму сущность перестройки хозяйствования в условиях рынка, нового хозяйственного мышления, основным содержанием которого является комплексное системное изучение финансового состояния предприятия и факторов, на него влияющих, и прогнозирование уровня доходности капитала предприятия. Финансовое состояние предприятия характеризуется совокупностью показателей, отражающих состояние капитала в процессе его кругооборота и способность предприятия финансировать свою деятельность на определенный момент времени.

Указанные цели индивидуальны для каждого хозяйствующего субъекта. Предприятия в условиях высокой инфляции и существующей налоговой политики государства могут иметь различные интересы в вопросах формирования и использования прибыли, выплаты дивидендов, регулирования издержек производства, увеличения имущества и объемов продаж (выручки от реализации).

Однако все эти аспекты деятельности предприятия, отраженные в финансовом, налоговом и управленческом типах учета, поддаются управлению с помощью методов, наработанных мировой практикой, совокупность которых и составляет систему управления финансами.

Известно, что в сегодняшних условиях для большинства предприятий характерна форма принятия управленческих решений как реакции на текущие проблемы, т.е. «латание дыр». Такая форма управления порождает ряд противоречий между:

- интересами предприятия и фискальными интересами государства;
- ценой денег и рентабельностью производства;
- рентабельностью собственного производства и рентабельностью финансовых рынков;

- интересами производства и финансовой службы и т.д.

Предприятие, на котором серьезно поставлена аналитическая работа, способно раньше распознать надвигающийся кризис, оперативно отреагировать на него и с большей вероятностью избежать «неприятностей» или уменьшить степень риска [2].

Основным инструментом для этого служит финансовый анализ, при помощи которого можно объективно оценить внутренние и внешние отношения анализируемого объекта: охарактеризовать его платежеспособность, эффективность и доходность деятельности, перспективы развития, а затем по его результатам принять обоснованные решения.

Финансовый анализ дает возможность оценить:

- имущественное состояние предприятия;
- степень предпринимательского риска, в частности возможность погашения обязательств перед третьими лицами;
- достаточность капитала для текущей деятельности и долгосрочных инвестиций;
- потребность в дополнительных источниках финансирования;
- способность к наращиванию капитала;
- рациональность привлечения заемных средств;
- обоснованность политики распределения прибыли и др.

Современный финансовый анализ имеет определенные отличия от традиционного анализа финансово-хозяйственной деятельности. Прежде всего, это связано с растущим влиянием внешней среды на работу предприятий. В частности, усилилась зависимость финансового состояния хозяйствующих субъектов от инфляционных процессов, надежности контрагентов (поставщиков и покупателей), усложняющихся организационно-правовых форм функционирования.

Финансовое состояние хозяйствующего субъекта – это характеристика его финансовой конкурентоспособности (т.е. платежеспособности, кредитоспособности), использование финансовых ресурсов и капитала, выполнения обязательств перед государством и другими хозяйствующими субъектами.

В результате инструментарий современного финансового анализа расширяется за счет новых приемов и способов, позволяющих учитывать эти явления.

Проведение глубокого финансового анализа предприятия сегодня невозможно без использования специализированных программных средств.

В связи с этим бухгалтерская отчетность становится информационной основой последующих аналитических расчетов,

необходимых для принятия управленческих решений [3]. По исходным данным (в основном по данным бухгалтерской отчетности), используя заложенные в них алгоритмы расчета тех или иных финансовых показателей, предоставляется пользователю готовый результат в удобных для восприятия формах.

Литература:

1. Макарьева В.И., Андреева Л.В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности организации. - М.: Финансы и статистика, 2004. - 264 с.
2. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: Учебник. - М.: ИНФРА-М, 2002. - 336с.
3. Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С., Негашев Е.В. Методика финансового анализа. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2001. - 208с.

Пачков Е.К.

ассистент
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ПОЛИТИКА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Одним из процессов, определяющих облик современной России, выступает качественная и количественная фрагментация пространства: при наличии единого экономического центра страны, куда перекачивается большая часть финансов, во взаимоотношениях «центр-периферия» нарушаются внутренние связующие функции.

На территориальную поляризацию накладывается цивилизационная: российская деревня в массе своей живет едва ли не на уровне условий средневековья, провинциальный город зачастую воспроизводит нравы XIX в., а «продвинутые» жители столиц и индустриальных центров, ощущая себя современниками эпохи постмодерна, предпринимают попытки вывести в «виртуальное пространство» пока малосостоятельную экономику.

Теряется связность потоков информации, капитала, товаров между центром и периферией на любом территориальном уровне. Регионализация в этих условиях приобретает особые размеры и значение в общественной, экономической и политической жизни.

На фоне общемировых тенденций эта российская особенность может показаться не столько угрожающей, сколько подтверждающей становление новой фазы цивилизации. Согласно сложившимся представлениям, регионализация – процесс универсальный. Автономизация территорий в той или иной степени проявляется в

большинстве развитых стран: для них характерны дифференциация государства на отдельные части, претендующие на более самостоятельное функционирование, а также возрастание роли регионов в развитии социума (например, Кантоны в Швейцарии).

Можно выделить несколько подходов к интерпретации содержания данного процесса. Так, на глобальном уровне интеграция и регионализация предстают как естественные для современности векторы развития, составляющие единое целое («глокализацию», или «фрагментацию»), они взаимодополняют и уравнивают друг друга.

Существует и иная точка зрения, которую разделяют некоторые исследователи (И. Валлерстайн, Ч. Фербенкс, Д. Лестер, В. Шляпентох и др.) [1]. Регионализация интерпретируется в контексте системных изменений: автономизация территорий – это лишь одна из сторон гораздо более масштабного процесса феодализации, ренессанса элементов архаики, раздробления, когда социум превращается в конгломерат замкнутых враждующих сообществ.

Особо нужно выделить информационный ракурс рассмотрения данной проблемы.

Сторонники так называемого сетевого подхода видят процессы регионализации как неизбежный результат институционализации нового, информационного общества, означающий, что суверенное национальное государство вступает в фазу непреодолимого кризиса. Полномочия государства в силу применения новых информационных технологий (прежде всего, Интернета) резко сокращаются, и чтобы легитимировать этот процесс, оно проводит политику децентрализации власти, передавая свои функции и ресурсы региональным и местным правительствам. Таким образом, государство информационной эпохи выступает новым типом государственного образования, «основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [5].

Регионализация в условиях развития информационных технологий приводит к тому, что изменяются принципы организации социального пространства – на смену иерархии территорий приходит так называемая «сетевая организация».

Напомним некоторые характеристики соответствующих проектов, привлекающих своим инновационным видением. Так, в версии М. Кастельса основным противоречием (движущей силой развития) формирующегося общества, основанного на сетевых структурах, является противоречие между глобализацией мира и самобытностью

(идентичностью) конкретного сообщества. Опираясь на концепцию А. Турена, он вводит понятия «идентичность сопротивления» и «идентичность, устремленная в будущее» (project identity). В обществе сетевых структур наряду с государством, глобальными сетями и индивидуумами существуют сообщества, которые объединились вокруг идентичности сопротивления, направленного против глобализации. По его мнению, имеются такие категории сообществ, которые могут через идентичность сопротивления перейти к идентичности, устремленной в будущее, и тем самым способствовать преобразованию общества в целом. Рождается нечто подобное «новому гражданскому обществу» с одновременным сохранением ценностей сопротивления интересам глобальных потоков капитала и информации. Это, прежде всего, религиозные, национальные и территориальные сообщества.

Территориальная идентичность и рост ее общемировой активности ведут к возвращению на историческую сцену «города-государства», но уже как характерной черты века глобализации. Женские сообщества и движения экологов также, по его мнению, имеют потенциал для формирования идентичности, устремленной в будущее [3].

Важным признаком соответствия этих образований новой архитектуре общества являются их сетевая, децентрализованная форма организации и самоорганизующиеся системы циркулирования информации внутри сообщества.

Глобализация, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти, возможно, рождая новую форму государства – сетевое государство. Эта форма, становясь все более «прозрачной» для граждан, одновременно теряет свои политические качества.

Во-первых, интернет-технологии способствуют качественному преобразованию гражданского общества. Если с помощью Сети люди общаются достаточно долго, возникают устойчивые взаимоотношения, при которых стираются географические, расовые, возрастные и иные дистанции. В итоге возникает возможность разрастания локальных общин до национального и интернационального масштаба [5].

Во-вторых, изменяется характер самих взаимоотношений «власть-общество». Ожидается, что контроль граждан за деятельностью властвующей элиты станет более реальным и всеобъемлющим, в том числе за счет интерактивного характера коммуникации. Само усиление региональной власти по отношению к центральной представляет собой феномен, в значительной степени обусловленный революцией в информационных технологиях, структуре капитализма и методах

ведения бизнеса [6]. С этой точки зрения абсурдными представляются попытки центральной власти действовать сообразно иерархической модели пространственной организации. Новые информационные и коммуникационные технологии объективно расширяют почву для дезинтеграции государства [2].

Вероятно такая картина, мягко говоря, далека от российской действительности.

В то же время, как показывают исследования, темпы освоения Россией информационных технологий во второй половине 90-х годов резко ускорились. Это приводит к существенным переоценкам многих прежних процессов, в том числе и в политико-правовой сфере. На наш взгляд, развернувшаяся в последние годы дискуссия о формах и способах федерализма по большей части сосредоточена на адаптационных возможностях американской или европейской моделей применительно к российским реалиям.

Вместе с тем, не менее важен вопрос: как «сетевое общество» способно модернизировать сам принцип федерализма, повлиять на регионализм.

Есть еще одно обстоятельство, побуждающее исследователей обратить большее внимание на развитие информационных технологий. А именно – конфликтогенный характер регионализации, порождающей по принципу мультипликатора значительное количество коллизий и противоречий разного уровня и масштаба. Уникальную возможность для политического маневра и поисков компромиссов, новых форм взаимодействия с элитами и между ними создает в последние годы Интернет. Называя Сеть «великим уравнивателем», способным «выровнять баланс власти между гражданами и политическими баронами», сторонники, например, реализации плебисцитарной роли Интернета, ожидают снижения значимости политических элит и институциональных посредников в жизни современного общества [10]. При всей привлекательности подобные идеи для нас преждевременны. Более осторожен в своих прогнозах Н. Луман, который не исключает, что общество предстоящего столетия примет «метакод включения/исключения», когда некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, одна часть населения будет включена в функциональные системы общества, а другая – исключена [9].

Очевидно, что суждения Н. Лумана в полной мере относятся и к развитию технологий информационного общества: неравномерность внедрения современных информационно-телекоммуникационных систем является основой для появления нового вида социального неравенства – информационного. В этой связи важным вопросом

является определением социальных показателей развития информационных технологий, особенно, развития Интернета в России.

Опираясь на данные социологических исследований интернет-аудитории, можно сделать вывод о том, что в конце 2002-начале 2003 г. Россия перешагнула десятипроцентный рубеж по количеству пользователей Интернета. Информация, опубликованная Фондом «Общественное мнение» [7], свидетельствует, что этот рубеж преодолен весной 2003 г. (10,5 млн. чел. составляет трехмесячная аудитория и 11,5 млн. – шестимесячная). Следует отметить, что именно эта величина (10% от взрослого населения), по мнению многих аналитиков, является той точкой, в которой начинается переход от экстенсивного развития интернет-технологий к периоду внедрения Интернета в различные сферы человеческой жизнедеятельности и он становится одним из существенных факторов социально-экономического развития страны. При этом необходимо делать существенные поправки на специфику российской социально-экономической ситуации, которая зачастую делает нереальным распространение на Россию методик и критериев, выработанных на основе опыта и практики развитых западных стран.

Естественно, интенсификация освоения этих технологий в значительной степени зависит от возможностей роста уровня жизни населения, тарифной политики провайдеров и, в немалой степени, от активности государства в вопросах стимулирования развития информационных технологий. В то же время в российских условиях проявляется следующая особенность: высокие темпы развития телекоммуникаций и информационных технологий, обусловленные в том числе и фактором географической протяженности, сопровождаются нереальностью быстрого включения российской глубинки в этот процесс.

Рассматривая степень использования населением различных регионов России интернет-технологий, необходимо четко осознавать, что это только один из показателей, свидетельствующий о динамике развития технологий информационного общества в нашей стране. Первая попытка построить комплексную систему объективных показателей развития технологий информационного общества в России (включая и Интернет) связана с проектом «Российский портал развития», поддержанного программой InfoDev Всемирного Банка [см. 10]. Это исследование опиралось на методику, предложенную Центром международного развития Гарвардского университета «Готовность к сетевому миру. Путеводитель для развивающихся стран» («Readiness for the Networked World», Center for International Development at Harvard University). Согласно этой методике выделяются 19 параметров

готовности (категорий индикаторов), которые сгруппированы в пять блоков, подлежащих оценке: информационная инфраструктура, обучение с использованием ИКТ, сетевая экономика, сетевое общество, государственная политика информатизации. По каждой из 19 категорий индикаторов сформулированы критерии для определения 4 степеней готовности.

Исходя из результатов этого исследования, Россия имеет достаточно высокие темпы развития в сфере информатизации. Однако оно отличается существенной неравномерностью в различных областях, а достигнутые успехи являются лишь первыми шагами в направлении к информационному обществу. Как показал проведенный анализ, по десяти параметрам Гарвардской методики страна находится на третьей стадии развития, по девяти – только на второй. Авторы отчета подчеркивают, что существенные трудности при построении системы объективных показателей связаны с тем, что официальная статистика развития и использования ИКТ в России остается фрагментарной. Только в 2001 г. были впервые опубликованы статистические данные о состоянии сектора ИКТ и их использования в различных отраслях экономики, полученные в результате единовременного обследования Госкомстата, проведенного в 1999 г.

Социологические исследования позволяют обобщить субъективные оценки пользователей Интернета и зафиксировать то ощущение темпов развития, которое имеют люди, пользующиеся его услугами и технологиями. С этой целью сравним результаты, полученные ФОМ в ходе опроса пользователей Интернета (конец 2000 г., 93 населенных пунктов в 57 субъектах федерации) [6], и данные нашего экспертного опроса в рамках проекта «Политика и Интернет как объект социологического исследования» (март 2001 г. - январь 2002 г., N = 140). В число экспертов входили участники круглых столов и совещаний по вопросам развития информационного общества в России (Москва, март-май 2001 г.), Всероссийской объединенной конференции «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество» (Санкт-Петербург, ноябрь 2001 г.), Оргконференции «Партнерство для развития информационного общества на Северо-Западе России» (Санкт-Петербург, январь 2002 г.).

Подобное сравнение при всей условности допустимо по трем совпадающим по формулировке вопросам анкет.

По данным Фонда «Общественное мнение», распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете сегодняшние темпы развития Интернета в России – как высокие, средние или низкие?» показало, что тех, кто говорит о низких темпах развития Интернета в России, всего

13%. Большинство респондентов удовлетворены в целом тем, как обстоят дела. Причем пользователи, которых устраивают нынешние темпы развития Интернета в России (они даже склоняются к утверждению, что эти темпы высокие), составляют треть от всех опрошенных. Что это: отражение реальной ситуации или иллюзия собственной значимости? Если учесть, что считающих темпы развития Интернета высокими заметно больше среди москвичей и петербуржцев (41% и 42%, соответственно), в возрастной группе 17-19 лет (43%) и среди имеющих неполное высшее образование (43%), то, по мнению исследователей, следует признать, что сегодняшней вектор настроения «интернетчиков» – это скорее проявление внешнего благополучия столиц и результат энтузиазма неофитов, чем реальная оценка.

При сравнении мнения пользователей Интернета с оценками темпов развития Интернета в России, вынесенными экспертами, четко прослеживается более осторожная и скептическая позиция последних. Как «высокие» темпы развития оценивает всего 18% экспертов по сравнению с 33% респондентов-пользователей Интернета.

Соответственно «низкую» оценку ставят 23% экспертов в сравнении с 13% по интернет-выборке; среднюю – 55 и 50%, соответственно.

Ответы на вопрос «Входит ли развитие Интернета в число самых приоритетных задач для России?» дали следующий результат: большинство – 59% опрошенных пользователей – полагает, что развитие Интернета является приоритетным для России. Но кто эти респонденты? По данным ФОМ, больше всего респондентов, придерживающихся такого мнения, относится к возрастным группам 13-17 лет и 18-19 лет (соответственно 60% и 58%), то есть среди тех, кто только учится и на пороге взрослой жизни и для кого представляется самым важным то, что им интересно. Впрочем, вместе с ними и большинство в группе 20-24 года (54%), но уже среди респондентов в возрасте от 25 лет и старше в среднем только 43% разделяют такую же позицию.

Сравнение результатов опроса пользователей Интернета с данными экспертного опроса показывает незначительные отклонения – эксперты занимают даже более оптимистическую позицию (на 8% больше, чем у пользователей) и соответственно наблюдается уменьшение среди них доли скептиков.

Вопрос о характере влияния российского государства на Интернет показал, что 42% опрошенных пользователей Интернета пока вообще не ощущают никакого влияния, а 19% затруднились сказать по этому поводу что-либо определенное. Интересно, что 29% чувствуют влияние

государства и расценивают это обстоятельство как положительное. Надо заметить, что подобные ответы чаще дают женщины (35% против 25% мужчин), заметна также разница между взрослыми «интернетчиками» (25%) и юными – до 18-ти лет (37%). Только 10% пользователей Интернета полагают, что государство отрицательно влияет на Интернет.

Число положительных оценок влияния государства на Интернет у экспертов (14%) в два раза меньше, чем у пользователей Интернета. Причем мнения экспертов о характере этого влияния (положительный-отрицательный) разделились по равным долям, а большинство (61%) считает, что государство никак не влияет на развитие Интернета в России.

Если суммировать позицию экспертов – специалистов в области информатизации относительно общих перспектив развития технологий информационного общества в России, то доминируют скепсис и опасения, а также неопределенность оценок. Только 37% из них с уверенностью смотрят в будущее, рассматривая процесс становления новой социально-информационной реальности в России как необратимое и устойчивое развитие. Остальные либо достаточно настороженно оценивают этот процесс (неравномерное и неустойчивое развитие – 35%), либо отмечают возникновение препятствий на его пути (снижение темпов динамики – 4%), либо вообще затрудняются его характеризовать – 24%.

Такой диапазон мнений позволяет выдвинуть гипотезу о специфике массового сознания россиян, в том числе и имеющих непосредственное отношение к высоким технологиям. В менталитете российских граждан по-прежнему актуален стереотип доминирования роли государства в социальных процессах – государство определяет все и вся. Существуют вполне реальные основания укорененности этого стереотипа: векторы именно государственной политики определяют условия, в которых приходится существовать российскому обществу. Эти условия могут способствовать активному развитию технологий информационного общества, а могут существенно его затормозить. И если в развитых странах государство благодаря внедрению информационных технологий начинает терять часть своих политических функций, то в России государство продолжает оставаться определяющей структурой.

В этой связи нельзя, конечно, переоценивать возможности влияния Интернета на политическую жизнь. Вместе с тем проекты «Электронного правительства», практикуемые в целом ряде стран, доказывают реальную возможность этого влияния.

«E-government» трактуется и воспринимается массовым сознанием как аккумулятор деятельности всех ветвей власти, как некий симбиоз властных функций, среди которых важнейшей является функция обеспечения граждан страны всей необходимой официальной информацией. Правительственные сайты наполняются самым разнообразным содержанием: здесь вывешивается общая, справочная и контактная информация госучреждений, статистические отчеты, информация о национальных событиях, законы и нормативные акты и т.д. Государственные органы стараются упростить процедуры взаимодействия с обществом. Среди таких сервисов можно назвать составление налоговых деклараций для граждан и коммерческих фирм, оплату счетов, подачу заявлений и жалоб, интерактивные площадки для проведения государственных закупок. Общее (не секретное) делопроизводство ведется через внутренние (интранет) и глобальные (интернет) сети. В Эстонии, например, нельзя пользоваться бумагой даже на заседаниях кабинета министров. В плане обратной связи с населением уже сегодня во многих странах работают электронные почтовые ящики для обращения граждан, открытые и закрытые интерактивные форумы, системы голосования и опросов. Правда, исследователи отмечают, что вопросы обратной коммуникации – самое слабое звено в «электронных правительствах» практически всех стран [8].

Хотя в России проект «Электронного правительства» находится пока в стадии разработки и встречает на своем пути массу препятствий (в частности, отсутствие нормативных документов, регулирующих отношения в Сети и пр.), информационные технологии как инструмент взаимоотношений элит начинают постепенно институционализироваться, что заметно на примере ряда регионов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. Вместе с тем, есть все основания считать, что дальнейшие исследования политико-правовых и социокультурных вопросов, связанных с развитием данных технологий в России, приобретут со временем стратегическое значение.

Литература:

1. Вартенберг, фон. Л.-Г. Торговая политика под знаком глобализации. Международная политика, № 7, июль, 2005. С. 45-68.
2. Готовность России к информационному обществу. Оценка возможностей и потребностей широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий / Под ред. Т.В. Ершовой. М.: Изд-во ИРИО, 2006. – 468 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М, 2005. С. 300-307.

4. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество / Мир России. 2005. Т. IX. № 1. С. 25.
5. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество / Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 2006. – 450 с.
6. Опросы «Интернет в России»: Выпуск 3. Весна 2003 / Фонд "Общественное мнение". М., 2005. С. 3.
7. Перегудов С. Антиглобалистские движения – начало великой смуты. Мировая экономика и международные отношения, № 2, с.22-28, 2006.
8. Смирнова Е.В. Экономика США в 21 веке. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), № 58, 2005. С. 68-79.
9. Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В.И. Дрожжина. М.: Эко-Трендз, 2005. – 480 с.
10. Фундаментальное интернет-исследование. Ч.4: Формирование постоянной интернет-выборки / НИС СТраНа.RU; Фонд «Общественное мнение». М., 2006. – 422 с.

Сергеев М.П.

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

Гафуров Ш.И.

ассистент
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

О ВЛИЯНИИ КОРРУПЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современных условиях резко возрос процент коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, и в связи с этим приобрело особую актуальность система мер направленная на его искоренение. Негативное влияние коррупции очень велико – она является тормозом для социально-экономического развития, порождает терроризм, организованную преступность, мошенничество, способствует потери доверия со стороны иностранных инвесторов.

Еще в Древнем Риме среди специальных комиссий магистров была комиссия по взяткам и вымогательствам должностных лиц, учрежденная законом Calpurnia в 149 г. до н.э., которая разрабатывала конкретные меры борьбы с коррупцией и давала собственное определение незаконному вознаграждению должностных лиц [18]

В проекте федерального закона «О борьбе с коррупцией», подготовленном Комитетом по безопасности и внесенном на рассмотрение Государственной Думы, под коррупцией понимается «не предусмотренное законом принятие имущественных и неимущественных благ и имуществ лицами, уполномоченными для выполнения государственных функций, или лицами, приравненными к ним с использованием своего статуса и связанных с ним возможностей (продажность), а также подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ [19].

На первой сессии Группы Совета Европы по проблемам коррупции (Страсбург, 22-24 февраля 1995 года) коррупция была определена как «подкуп (взятка), а равно любое иное поведение в отношении лиц, наделенных полномочиями в государственном или частном секторе, которое нарушает обязанности, вытекающие из этого статуса должностного лица, лица работающего в частном секторе, независимого агента, либо других отношений такого рода, и имеющего целью получение каких бы то ни было ненадлежащих преимуществ для себя или иных лиц» [16].

С.П. Глинкина считает, что коррупция является современным методом несоблюдения принципа независимости сторон с целью получения за счет такого поведения каких-либо преимуществ для себя или для других лиц, с которыми установлены личные отношения [5].

В.Ф. Кузнецова понимает под коррупцией подкуп должностных лиц государства [9]

Б.В. Волженкин приводит многочисленные определения понятия коррупции как отечественных, так и зарубежных авторов, не давая им подробного анализа. Он определяет коррупцию как «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [3].

Анализ международных и отечественных источников, а также действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на обилие определений понятия «коррупция» и признаков, характерных для этого понятия, в нем выделяются следующие составляющие:

- круг субъектов коррупции – принадлежность лиц, совершивших коррупционные действия, к государственной власти, государственному аппарату;

- совершение действий, непосредственно связанных с наличием у лица правового статуса государственного чиновника или государственного служащего, уполномоченного принимать юридически значимые решения и совершать действия, изменяющие правовой статус третьих лиц;
- корыстная или иная личная заинтересованность должностного лица, совершающего указанные действия;
- особо опасные социальные последствия совершения этих действий – подрыв доверия государства к указанным лицам и подрыв авторитета государства, власти, как таковых, глубокое отчуждение тем самым государства и общества, государства и его граждан.

В вышеуказанных определениях имеются и существенные общие упущения или недоговоренности. Наиболее значимыми из них представляются:

- фактическое отождествление коррупции как самостоятельного уголовного преступления с другими должностными, корыстными преступлениями – вымогательством, взяточничеством, мошенничеством, злоупотреблением должностными полномочиями, превышением должностных полномочий, нецелевым использованием государственных средств и т.п.;
- расширение круга субъектов коррупции, в том числе включающих должностных лиц коммерческих организаций;
- непонимание или отрицание естественноисторического характера, связи коррупции, коррупционных действий и их причин с определенными историческими социальными условиями, сущностью конкретно-исторического способа производства, историческим типом и формами производственных отношений;
- смягчение или даже отрицание особого социально значимого вреда этого преступления;
- определенная абсолютизация национально-государственных особенностей коррупции в различных странах и социальных системах;
- явно недостаточная четкость, определенность и аморфность ряда определений, не позволяющих уяснить сущность коррупции [1].

В зависимости от инициатора коррупционных отношений отечественные специалисты выделяют «коррупцию снизу» - коррупцию, иницируемую подчиненным в отношении своих

руководителей, и «коррупцию сверху» – коррупцию, инициируемую руководителем в отношении своих подчиненных [4, 24].

Отечественные и зарубежные исследователи в зависимости от основных функций, реализуемых государственными и муниципальными органами, в которых коррупция активно существует (развивается, трансформируется) и проявляется, выделяют:

- коррупцию в исполнительных (правительственных и муниципальных) органах власти (административную коррупцию);
- коррупцию в законодательных (представительных) органах государственной власти (парламентскую коррупцию) [6, 11];
- коррупцию в судебных органах [7,13] (судебную [2] и/или судебскую коррупцию [21]).

По результатам исследований многих российских ученых коррупция в экономике достигла таких масштабов, что представляет угрозу экономической безопасности Российской Федерации и негативно влияет на репутацию страны в международном сообществе [17].

Анализ законодательства о борьбе с коррупцией, проведенный сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН свидетельствует о том, что многие наши законы коррупциогенны и криминогенны [10].

Самый опасный вид коррупции, выявить который достаточно сложно: случаи, когда чиновники создают преимущества отдельным компаниям, тем более что многие госчиновники имеют отношение к коммерческим структурам. В некоторых регионах бюрократы практически открыто совмещают государственные и муниципальные должности с коммерческой деятельностью [12].

Для того чтобы более или менее определенно знать об уровне действительной коррупции в экономике, необходимы эффективные методики экономической оценки, среди которых могут быть использованы технологии корпоративного аудита, разработанные рядом российских экспертов под руководством заведующего кафедрой антикризисного и стратегического менеджмента Российского государственного торгово-экономического университета, доктора экономических наук, профессора Марата Мусина [14].

Проводя анализ деятельности отечественных коммерческих и государственных организаций, группа экспертов выявила закономерность, согласно которой «с ростом капитализации бизнеса резко возрастает степень его криминализации». Эту закономерность исследователи назвали законом криминализации бизнеса [23].

Как отмечает А. Балгимбаев, «особая опасность коррупции в том, что она подтачивает основы государственности, достигая определенного уровня, коррупция становится угрозой национальной безопасности» [8].

Мы предлагаем следующие мероприятия по искоренению этого «злокачественного образования», прямым или косвенным образом сдерживающего процветание экономики нашей страны.

В первую очередь представляется целесообразным организовать национальный комитет по борьбе с коррупцией, который будет непосредственно подконтролен Президенту РФ. Почему именно президенту? Потому что его выбрал народ с надеждой, что он будет предпринимать меры способствующие улучшению ситуации в стране. А так как это на сегодняшний день актуально и в связи с тем, что эксперты международной неправительственной организации по противодействию коррупции Transparency International зафиксировали резкое ухудшение положения дел в России с коррупцией, то победить коррупцию можно только при помощи власти. Наша страна показала самый худший за последние восемь лет по этому показателю результат, опустившись на 147-е из 180 мест в мире. Теперь Россия по уровню коррупции занимает одну строчку с Кенией, Сирией и Бангладеш.

Ежегодно обновляемый «Индекс восприятия коррупции» (ИВК) в государственном секторе разных стран мира Transparency Int. составляется по результатам опросов экспертов и представителей деловых кругов. В зависимости от полученных оценок страны ранжируются по шкале от 0 до 10 баллов. Причем ноль – это самый высокий уровень восприятия коррупции, а 10 – наименьший.

Россия в 2008 году набрала чуть больше баллов, чем страны-изгои, – 2,1 балла, и теперь делит 147-е место с Сирией, Кенией и Бангладеш. Это самый низкий результат за последние восемь лет. В 1996 году этот показатель был равен 2,58 балла, в 2000 году – 2,8 балла. А в 2005 году Россия получила – 2,4 балла, заняв 126-е место из 158, в 2006-м – 2,5 балла и 121-е место из 163, в 2007 году – 2,3 балла, разделив в рейтинге вместе с Гамбией, Индонезией и Того 143-е место из 180.

По консервативным оценкам, объем рынка коррупции превышает 240 млрд. долл., а по расчетам фонда ИНДЕМ, только в деловой сфере России среднегодовой объем коррупции вырос между 2001 и 2005 годом с 33 до 316 млрд. долл. Средний размер взятки, которую российские бизнесмены дают российским чиновникам, увеличился за несколько лет с 10 тыс. до 136 тыс. долл.[15].

Во-вторых, должен быть непосредственный контроль данного комитета на положение коррупции в субъектах РФ. Мы предлагаем ввести обязательную сменяемость выборных административных

должностей (4-5 лет). Так как чем больше человек находится на руководящей должности, а это, как правило, порождает новые амбиции и желание заработать больше «легких» денег. И в результате за выполнение какой-либо просьбы или оказания услуги они вынуждают население на дачу взятки. Почему таких чиновников не сажают, и даже если сажают, то, как правило, такие случаи единичные? Потому что чем больше времени человек занимает административную должность, тем больше он прирастает новыми «полезными и нужными связями», которые будут всячески помогать ему для совершения преступных деяний. За 4-5 лет человек только начинает адаптироваться к своей должности, выполнению своих обязанностей.

В-третьих, если же в случае, когда такого «добросовестного чиновника» поймали, что относится к категории из ряда фантастики, то считается целесообразным полная конфискация имущества. Данные злодеяния должны происходить с принародным обсуждением, активным включением средств массовой информации.

В-четвертых, очень часто законы приняты «под себя», чтобы их не уничтожали, с минимальными сроками уголовного наказания, а в случае отсутствия такового, то ограничиваются административными мерами. Необходимо ужесточить законодательную ответственность.

Таким образом, мы считаем, что с реализацией данных мероприятий существенно улучшится ситуация с коррупцией в нашей стране.

Литература:

1. Александров С.Г. Юридическая дефиниция «коррупция»: понятие, особенности методологического познания. // История государства и права. № 11/ 2007. С.2-5.
2. Антикоррупционный набор инструментов. Глобальная программа против коррупции, принятая комитетом ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности в июне 2001 года // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сборник документов / Состав. В.С. Овчинский. – М. – с.224, 226
3. Волженкин Б.В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». Спб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 8.
4. Волуев В.Н., Макарычев А.С. Коррупция в России: политологические подходы // Коррупция в России: муниципальные, региональные, федеральные и международные аспекты: Аналитический доклад. – Н.Новгород, 2000. с 39-40.
5. Глинкина С.П. Коррупция в России: причины, масштабы, качественные изменения. М., С. 16
6. Данилов С.Ю. Законодательные меры против парламентской коррупции в Канаде // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1992. №5.

7. Енютина Г.Е. Коррупция в судебных органах // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 1. – М.: Юристъ, 2003. – С. 18-29.
8. Институты гражданского общества и правового государства как механизмы борьбы с коррупцией. САЯСАТ, Алматы, 1999, апрель, с.23.
9. Кузнецова В.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. №1. С. 21.
10. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. №11. с. 20-27.
11. Масловский В. Правовые меры борьбы с коррупцией: зарубежный опыт // Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: Учебное пособие. Владивосток, 1998. – с.67 – 72.
12. Метелев С.Е. Коррупция в российской экономике. Некоторые оценки состояния методами корпоративного аудита. // Закон и право. №12. 2008. С. 3-6.
13. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. – М., 1991. – С.19.
14. Мусин М.М. Управление экономическими интересами. М.: Гардарики, 2006.
15. Независимая газета. Рейтинги России опять испортила коррупция. 2008. 24 окт.
16. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств – членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // Журнал российского права. 2000. №7.
17. Новикова О.С. Основные направления формирования антикоррупционной политики в условиях Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2007. №6 (25). С.5-9.
18. Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Пг.: Издание юрид. кн. Склада «Право», 1918. С.126.
19. Проект федерального закона «О борьбе с коррупцией» ГД ФС РФ. Ст.2. Ноябрь 1997 г.
20. Российская газета. 1995. 14 апр.
21. Руднев В.Н. Национальная идея: суды без коррупции // Чистые руки. – 2002. №5. – С.3-4.
22. Селихов Н.В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): Автореф. дис. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2001. – С.8-9.
23. Финансовый контроль. 2008. №4 (77). Апр. С.138-139.
24. Эксанова А.А. Подкуп как криминогенное преступление: правовая природа, квалификация и ответственность: Монография / Под ред. П.Н. Панченко. – Н.Новгород, 2001. с.67

ОПЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Опцион от *лат.* optio – выбор, желание, усмотрение. Понятие впервые появилось в Америке в 70-х годах XX века. Участие работников в собственности компании использовалось для повышения эффективности бизнеса. Опцион – признанный в международной практике метод объединения интересов владельцев и наемных менеджеров. Опционные программы были поддержаны государством, которое предоставляло налоговые льготы предприятиям, внедрявшим подобные программы.

Опцион в системе корпоративного управления является срочным необращаемым инструментом, решающим задачи повышения капитализации бизнеса и роста операционной эффективности и адаптированным только к внутрикорпоративному применению с базисным активом в виде акций отдельной компании и различными неценовыми условиями исполнения.

Ориентация опционов на финансовые показатели – капитализация – главный показатель и цель финансового менеджмента.

Усиление финансовой составляющей в новой модели накопления связывается с таким процессом как система участия наемных работников в акциях компаний. Система получила развитие еще в середине XX века, но резкое увеличение доходов по акциям в располагаемых доходах домашних хозяйств придало ей к концу века качественно новое содержание. Попытка соединить финансовую логику с интересами наемных работников формирует модель финансового участия. Мы являемся свидетелями биржевой социализации вознаграждения за труд. Вместо прибавочной стоимости, источником которой всегда было предприятие, и, соответственно, традиционным вознаграждением – бонусом, ориентированным на рентабельность и прибыль, инстанцией, определяющей размер вознаграждения и целесообразность роста фирмы в условиях действия опционных программ, становится финансовый рынок. Подобная практика получает развитие в условиях длительного периода повышательной конъюнктуры биржевого цикла. Таким образом, внутренняя нестабильность, присущая финансовой сфере, переносится в сферу реальной экономики.

Вместе с тем, опционы считаются одним из самых действенных инструментов долгосрочной мотивации. Их суть в том, что за

определенные заслуги менеджер получает право через несколько лет приобрести акции своей компании по фиксированной цене либо получить деньгами возникшую за эти годы курсовую разницу. Таким образом, размер вознаграждения связывается с ростом капитализации компании. Мотивационный механизм опциона основан на длительном ожидании менеджером награды. Каждый опцион имеет *vesting period* – время от его получения до момента реализации. Таким образом, менеджер, получивший опцион, материально не заинтересован менять место работы.

В России опционы практикуются немногим более 10 лет. Как правило, их внедряют крупные организации наиболее динамично развивающихся отраслей – сырьевой и энергетический сектор экономики (РАО «ЕЭС России», ЛУКОЙЛ, Татнефть, Газпром), высокие технологии (Вымпелком, Мобильные телесистемы, РБК), торговые сети (Столичные гастрономы, Gloria Jeans), банковский сектор (Альфа-групп) и др.

Компания резервирует определенную часть акций, определяет круг ключевых менеджеров, которые через несколько лет (2-7) смогут получить ценные бумаги в свое распоряжение по цене, зафиксированной на основе трехстороннего договора между работником, работодателем и биржевым брокером, в котором описаны условия получения опциона и ограничения права собственности. Если сотрудник увольняется до срока истечения срока соглашения, то, как правило, он теряет право на опцион. Многочисленные вариации подобных программ связаны с дополнительными условиями, которые могут повлиять на надбавку или скидку относительно опционного курса, чтобы мотивировать менеджеров на рост стоимости компании выше отраслевого или рыночного индексов.

Причины появления опционных программ в России можно определить как следующие: во-первых, рост IPO-компаний, которые становясь публичными нуждаются в том, чтобы менеджмент работал на повышение их капитализации; во-вторых, обострение конкуренции на рынке труда топ-менеджмента в период экономического роста; в-третьих, опционы по большому счету не являются ценными бумагами, их не нужно выпускать на имя сотрудника. Часто вместо этого используются «теневые акции» (*shadow stock*), т.е. обязательства существующих акционеров выплатить сотруднику разницу между ценой акций на момент его начала работы и на момент реализации опциона. При этом сами акции в этот момент могут не менять владельца и находиться в собственности компании или ее ключевых акционеров.

Опционные программы в какой-то мере решают проблему конфликтов интересов в компании.

Внутренние корпоративные интересы можно представить в виде следующей системы:

Интересы акционеров. Независимо от размера принадлежащего пакета интересы акционеров заключаются в повышении капитализации инвестиций, что реализуется в росте рыночной стоимости акций и получении текущих доходов – дивидендных выплат.

Интересы членов высших органов управления (директоров и менеджеров). В данном случае основным мотивом является получение вознаграждения в размере, адекватном затраченному труду. Если они не являются акционерами общества, то стимул к увеличению капитализации компании отсутствует. Традиционная система денежного вознаграждения не гарантирует возмещения затраченных ресурсов и создает предпосылки к максимизации личных выгод за счет действий, наносящих ущерб акционерному обществу и акционерам.

Интересы руководителей подразделений. Интересом данной группы субъектов корпоративного управления является получение вознаграждения, зафиксированного в трудовом договоре в условиях наличия информации, ограниченной рамками отдельного подразделения. Не являясь акционерами, руководители сосредоточены на выполнении конкретных бизнес-задач и не испытывают интереса к росту капитализации. Неудовлетворенность существующими условиями труда, сопровождающаяся несовершенством внутрикорпоративных процедур, создает предпосылки к реализации конфликтов интересов.

Интересы прочего персонала реализуются через получение вознаграждения, зафиксированного в трудовом договоре при отсутствии корпоративной информации. Действия сотрудников, не являющихся ключевыми для компании и не удовлетворенных действующими условиями, являются источниками для возникновения конфликтов интересов даже при получении дополнительных выгод.

Интересы рассматриваемых групп вступают в конфликт в случае значительного расхождения между фактическим и ожидаемым уровнем вознаграждения, либо невыполнения задач, поставленных собственниками, в результате этого наносится ущерб акционерам. Например, менеджеры компании в целях максимизации личных выгод способны занижать финансовые результаты бизнеса, отражая в финансовой отчетности убытки, либо искусственно разделяя или скрывая денежные потоки.

Опционные программы как любой сложный механизм стимулирования работников имеет свои плюсы и минусы, которые в целом можно свести к следующим аргументам.

В качестве аргументов «за» можно отметить:

- ориентация на долгосрочные эффекты (баланс интересов со стратегическими инвесторами);
- возможность сократить текущие денежные выплаты (экономичность);
- сокращение налоговых платежей;
- создание эффекта удержания топ менеджеров.

Аргументами «против» можно считать:

- риск неполучения выгоды участниками при высокой колеблемости рынка акций или низкой ликвидности;
- нарушение принципа стимулирования при рыночной неэффективности;
- возможность размывания структуры капитала и потери контроля;
- возможность снижения доли свободно обращаемых акций (free float);
- затратность как по введению программ, так и по мониторингу и реализации (при выкупе акций на рынке);
- мотив для манипуляции с отчетностью;
- слабое законодательное регулирование и незащищенность участников.

До конца 2002 года законодательство определения опционов эмитента еще не содержало, хотя это не помешало первым российским компаниям, таким как ОАО «ЮКОС» и ОАО «Вымпелком» начать реализовывать опционные программы еще в 1998 году. 28 декабря 2002 года в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми статья 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг» стала содержать определение опционов эмитента.

В мае 2003 года в статью 214.1 Налогового кодекса были внесены изменения, в которых сказано, что «если налогоплательщиком были приобретены в собственность (в том числе получены на безвозмездной основе или с частичной оплатой) ценные бумаги, при налогообложении доходов по операциям купли-продажи ценных бумаг в качестве документально подтвержденных расходов на приобретение (получение) этих ценных бумаг учитываются также суммы, с которых был исчислен и уплачен налог при приобретении (получении) данных ценных бумаг». Таким образом, внесение данных изменений в Налоговый кодекс позволяет избежать двойного налогообложения при реализации

опционных программ, что способствует их широкому применению Российскими компаниями.

Опционные программы реализуются в двух вариантах – реальном и фантомном. В первом случае сотрудник получает возможность продать предоставленные ему реальные акции через определенное время по рыночной цене (ликвидность). В фантомном варианте компания берет на себя обязательство выплатить сотруднику через несколько лет определенное вознаграждение, привязанное к курсовой стоимости бумаг, т.е. фактически разницу между ценой на момент предоставления опциона и ценой на момент его реализации. Преимущество такой системы заключается в отсутствии прохождения процедур дополнительного выпуска акций или их скупки на рынке.

Опционы бывают нескольких видов:

- фондовые опционы дают право купить акции компании по определенной цене (цене исполнения) в течение фиксированного периода;
- дисконтные опционы предполагают установление цены исполнения ниже текущей рыночной, но имеют ряд ограничений на операции с акциями для менеджеров;
- премиальные опционы имеют цену исполнения выше текущей рыночной;
- индексные программы привязывают цену опциона к отраслевому или рыночному индексу.

В России реализовывались различные схемы опционных программ, которые рассмотрим на примере нефтедобывающих и ряда других компаний.

В апреле 2003 года ОАО «ЛУКОЙЛ» одобрил программу акционирования сотрудников. На рынке было выкуплено 10,9 млн. акций (1,3% уставного капитала). Предполагалось, что в конце 2006 года менеджеры смогут выкупить акции по средневзвешенной цене за 1 квартал 2003 года в РТС. Второй этап данной программы, рассчитанный на 3 года, начался после того, как стратегический партнер ЛУКОЙЛа ConocoPhillips довел свою долю в уставном капитале российской компании до 20%. ЛУКОЙЛ в 2006-2008 гг. направил на выкуп своих акций, свободно обращающихся на рынке, 3 млрд. долл. При капитализации в \$66.8 млрд. на начало 2007 года компания смогла выкупить около 4.5%.

Совет директоров «ЛУКОЙЛ» утвердил положение о долгосрочном стимулировании работников компании и ее дочерних обществ. Положение распространяется на руководящих сотрудников компании, руководителей дочерних обществ и ряд отдельных

специалистов по решению совета директоров нефтяной компании. Количество участников программы стимулирования увеличилось со 100 до более 500 человек. В соответствии с положением сотрудникам распределяются условно закрепляемые акции «ЛУКОЙЛа». Датой условного закрепления акций является 9 января 2007 года. Общее количество условных акций составляет 14 млн. 105 тыс. Долгосрочные премиальные выплаты сотрудникам складываются, в частности, из премии (в виде ежегодно выплачиваемых условных дивидендов) на закрепляемые акции (условно штук). Размер премии определяется произведением количества условно закрепляемых акций на размер дивиденда на одну акцию, объявленного на годовом общем собрании акционеров. Эта часть премии выплачивается по результатам работы за 2007, 2008 и 2009 годы.

Другая часть премии начисляется по истечении трех лет с даты условного закрепления акций и определяется по формуле:

$$S = K (C2 - C1),$$

где К – количество условно закрепленных акций за работниками;

C1 – средневзвешенная цена акций ОАО «ЛУКОЙЛ» на РТС за декабрь 2006 года;

C2 – средневзвешенная цена акций ОАО «ЛУКОЙЛ» на РТС за декабрь 2009 года.

В 2006 году «Сургутнефтегаз» скупил на рынке более 0,5% своих акций, потратив более \$250 млн. Программа рассчитана на два года и всего планируется выкупить порядка 5% акций. Капитализация «Сургутнефтегаз» в 2006 году составила \$53,6 млрд. Исходя из этой цены, компания потратила на скупку своих акций \$268-375 млн.

Для реализации опционной программы «Сургутнефтегаз» создал управляющую компанию, на баланс которой и заводятся акции. Преимущество такой схемы в том, что предназначенные для сотрудников акции отражаются в балансе компании-работодателя как средства, переданные в доверительное управление. При этом у нее не возникает обязательств продать бумаги в течение года. Казначейские же акции по закону об акционерных обществах не имеют голоса, не учитываются при подсчете голосов, по ним не начисляются дивиденды, и они могут находиться на балансе компании не больше года, а затем должны быть погашены или проданы.

Если бы «Сургутнефтегаз» скупил акции на свой баланс, у него был бы только год, чтобы реализовать опционы, а это слишком короткий срок для опционной программы. Участие в опционной программе внешнего игрока, а не собственного казначейства выгодно и

сотрудникам, поскольку это дает им определенную защиту от того, что работодатель “передумает”.

Иногда эмитент проводит дополнительную эмиссию акций составляющих основу опционной программы. Такая схема была реализована нефтяной компанией «Татнефть». Опцион на покупку акций ОАО «Татнефть» был обнародован 6 ноября 2002 г. Все опционы могли быть реализованы через 270 дней с даты предоставления и срок их реализации истек через 365 дней с даты предоставления. Опционная программа подразумевала выпуск ADR на 9,3 млн. акций компании (0,5% Уставного капитала) по цене \$0,302, в два раза ниже текущей рыночной стоимости (\$0,65). Эмиссия осуществлялась для менеджмента компании и фактически уже содержала в себе премиальное вознаграждение. Доход менеджеров компании от опционной программы составил \$4,6 млн. Однако этот способ пользуется меньшей популярностью, так как при нем размывается доля акционеров, что вызывает их естественное недовольство. После реализации этой операции убытки для «Татнефти» составили 155 млн. рублей. Тогда акционеры заявили, что эта операция противоречит самой идее системы поощрения: менеджеры должны быть заинтересованы в росте стоимости акций, а не получать их практически бесплатно.

Интересная опционная программа получилась у ОАО «Объединенные машиностроительные заводы» (ОМЗ). В 2004 году была внедрена опционная программа для менеджеров высшего звена, одним из условий реализации которой стал рост цены акций компании до \$11. Это условие выполнить не удалось, но компания все же поощрила менеджеров перед слиянием с холдингом «Силловые машины». Менеджеры выкупили 1,5 млн. обыкновенных акций (4,2%) по цене \$0,5 за бумагу, при том что рыночная цена составляла около \$9,17.

ОАО «Мобильные ТелеСистемы (МТС), крупнейший оператор сотовой связи в России и в странах СНГ, объявил о расширении поощрительной программы для сотрудников компании. Совет директоров МТС одобрил изменения в мотивационной программе для менеджеров компании, принятой летом 2007 года и рассчитанной на период до 2011 года. Совокупный фонд обновленной опционной программы составит 10207751 фантомных и реальных АDR. Все выплаты по фантомным АDR будут осуществляться денежными средствами. Использование реальных АDR в опционной программе будет осуществляться из АDR, приобретаемых в рамках программы обратного выкупа, которая предусматривает возможность создания фонда АDR для решения различных задач бизнеса, в том числе для опционной

программы. Обновленная программа усиливает зависимость вознаграждения каждого сотрудника от уровня инвестиционной привлекательности компании, предусматривая, с одной стороны, зависимость размера доходов от прироста рыночной цены АДР с учетом дивидендной доходности (показатель TSR – Total Shareholder Return), с другой стороны – зависимость от выполнения ключевых стратегических целей МТС. Право на получение вознаграждения наступает при годовом показателе TSR не менее 15%. Ранее программа предусматривала опционную программу в виде фантомных АДР в количестве 3,6 млн. штук, а также независимое от роста котировок АДР денежное поощрение менеджеров по результатам деятельности.

Количество участников и сроки скорректированной мотивационной программы не изменилось – предполагается участие в программе до 420 нынешних и будущих менеджеров высшего и среднего звена МТС. Максимальный срок реализации права на получение вознаграждения составляет два года с момента подписания соглашения об участии в программе. Программа рассчитана на период до 2011 года с правом получения дохода по последнему двухлетнему траншу в 2013 году.

Анализ применения опционных программ в России позволил выделить следующие группы новаторов и дать структурную характеристику разработанных ими программ:

1. Инициаторы финансовых инноваций (ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» – по данным за 1998-2002 гг., ОАО «ВымпелКом» и ОАО «Мобильные ТелеСистемы») используют невысокую долю акций (не более 1,3%, за исключением плана НК «ЮКОС» – 4%) на реализацию разных видов программ мотивации (бонус акциями, премирование фантомными акциями, опционные планы) с дифференцированными условиями для различных категорий участников. Опционные программы разработаны с фиксацией цены исполнения на уровне рыночной со сроком не более 3 лет, за исключением плана НК «ЮКОС» (10 лет).

2. Активные участники инновационных процессов (ОАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «Объединенные машиностроительные заводы», ОАО «ЭКЗ «Лебедянский» и РАО «ЕЭС России») ориентированы на применение исключительно опционных программ с сохранением невысокой доли выделяемых акций (не более 1,3%, за исключением плана ОАО «ОМЗ» – 6%), повышением срока действия до 4 лет и с фиксацией цены исполнения на уровне рыночной цены (ОАО «ЛУКОЙЛ», РАО «ЕЭС России»), выше (ОАО «ОМЗ») или ниже (ЭКЗ «Лебедянский») нее.

3. Последователи международной практики (Группа «Амтел-Фредештайн» и Группа Х5) выделяют значительную долю акционерного капитала (более 4%) на реализацию программ премирования правами на прирост стоимости акций и опционных планов. Программа прав на прирост стоимости акций имеет срок действия до 5 лет и привязана к бизнес-показателям («Амтел-Фредештайн»). Опционные планы реализованы со сроками 3-5 лет с фиксацией цены исполнения при размещении дополнительного выпуска акций либо на уровне номинальной стоимости. В опционной программе Группы Х5 выделение опционов привязано к достижению целевых показателей деятельности бизнеса.

4. Современные новаторы (АБ Газпромбанк) используют инструменты, адаптированные к конкретным условиям бизнеса – из-за отсутствия рыночных котировок в основе программ – опцион пут. На опционную программу выделено 5% процентов акций, срок действия – 3 года, цена исполнения зафиксирована ниже стоимости, определенной независимым оценщиком.

Привязка вознаграждения к котировкам акций является одним из слабых мест опционных программ. Ведь на момент реализации опциона рынок может показывать общее снижение, что сведет все усилия менеджмента к нулю, а то и вовсе к отрицательному результату. Вместе со слабой развитостью корпоративного управления и корпоративной культуры это препятствует массовому распространению опционных схем поощрения в России.

Идея использования опционов на акции собственной компании для материального стимулирования менеджеров была очень популярна в 90-х годах в США. Многим опционы помогли разбогатеть, так, например, в декабре 1997 года Майкл Айзнер из Disney закрыл опционы на сумму, превышающую совокупную зарплату 500 ведущих исполнительных директоров в Великобритании. Неудивительно, что те, кто работает в менее щедрых компаниях, находят опционы очень привлекательными. Проблема заключается в том, является ли использование опционов хорошо продуманным механизмом поощрения или формой перераспределения акционерной собственности, идеально подходящей для «бычьего» рынка 90х.

Согласно исследованию Брайана Холла из Harvard Business School и Кевина Мерфи из университета Южной Калифорнии, в 1998 финансовом году 97% компаний, входящих в индекс Standard&Poor's 500, использовали опционы в качестве материального стимула для своих топ-менеджеров. В 1992 году опционы использовали лишь 82% компаний. Опционы на акции составили 40% совокупной заработной

платы высших должностных лиц упомянутых компаний – по сравнению с 25% в 1992-м.

В настоящее время использование таких схем характерно в основном только для США. В 1997 году опционами выплачивались 10% зарплаты топ-менеджеров Великобритании, в то время как за океаном – 42%. Более того, количество английских компаний, предлагающих сотрудникам опционные схемы, постепенно снижается.

Вместе с тем ряд корпоративных скандалов в США, связанных с опционными программами, крайне негативно сказался на имидже опционных схем. Пик конфликтов пришелся на 2001-2002 годы. Интересы акционеров компаний высокотехнологичного сектора и их высшего менеджмента, получавшего прибыль от исполнения опционов, перестали совпадать. Стали распространяться злоупотребления, связанные с искажением отчетности, исполнением опционов с получением излишне крупных вознаграждений, которые не отвечали результатам деятельности компаний. Яркий пример махинаций с опционами – история с крупнейшей энергетической компанией США Enron.

В результате последние три года в мире заметно меньше компаний, использующих опционные программы для поощрения менеджмента. В настоящее время в США и Западной Европе наблюдается отчетливая тенденция ухода от программ премирования сотрудников, основанных на опционах, в сторону программ, основанных на бесплатном предоставлении сотрудникам компаний акций, права распоряжаться которыми временно ограничены. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, это общий скепсис работников в отношении опционов на акции, появившийся еще во времена, когда лопнул высокотехнологичный пузырь. Во-вторых, это негативное отношение акционеров к программам вознаграждения менеджмента на основе акций, связанное с размыванием их долей: в случае предоставления акций степень размывания существенно ниже. В-третьих, это утрата опционными программами их преимуществ по отношению к программам предоставления акций: с 2004 года компании в США и других странах должны относить на расходы оценочную стоимость опционов в момент их предоставления, таким образом, ухудшая свои финансовые показатели.

Тем не менее, в США соотношение стоимости предоставленных опционов и годовой зарплаты остается на уровне 1:1, в Европе примерно 1:2.

Переменная часть доходов европейских директоров составляет лишь 150% от заработной платы, по сравнению с 400% в Америке.

Причем, большая часть выплачивается бонусами и акциями, то есть привязана к результатам деятельности компаний относительно их отраслей или индексов, а не опционами, зависящими исключительно от изменения стоимости акций на фондовом рынке

При разработке любых программ долгосрочного вознаграждения могут использоваться показатели результативности. Наиболее типичными показателями, применяемыми в подобных программах большинством международных компаний, являются:

- общий доход акционеров (TSR) в сравнении с референтной группой компаний;
- доход на средний задействованный капитал (ROACE);
- рост доходности (Net Income Growth);
- стоимость акции (капитализация).

Например, в нефтяной компании Chevron существует программа, основанная на акциях с ограниченным обращением. В течение 3-летнего периода результативность компании оценивается с помощью показателя «Общий доход акционеров» (TSR) по сравнению с референтной группой нефтяных компаний. Для целей сходной программы ConocoPhillips измеряет результативность высшего руководства с помощью показателей «Общий доход акционеров» (TSR) и «Прибыль на задействованный капитал» (ROACE), также в сравнении с референтной группой компаний своего сектора.

На основе оценки масштабов применения программ мотивации зарубежными компаниями (на примере США и Великобритании) можно сформулировать вывод об устойчивом росте количества программ и числа участвующего в них персонала с незначительным замедлением темпов прироста по отдельным видам (прежде всего, краткосрочным). Так, в США по состоянию на июль 2006 г. общее количество опционных программ и долгосрочных программ стимулирования персонала на основе акций составляет около 20 тысяч. В наиболее популярном плане – по наделению сотрудников собственностью на акции ESOP – участвуют около 10 млн. человек, а совокупная стоимость акций, используемых для реализации программ мотивации, регулируемых законодательством, приближается к 900 млрд. долл. США (по данным Национального центра по владению акций сотрудниками компаний США).

Результаты проведенного анализа позволили адаптировать финансовые инновации, распространенные в зарубежной практике мотивации сотрудников, к российским условиям.

Классические опционные планы могут быть оформлены соглашениями о предоставлении права на покупку (продажу) акций в

будущем; в случае использования сберегательных механизмов к серии сделок добавляется договор вклада с кредитной организацией.

Программы премирования акциями могут применяться через заключение договоров дарения акций с ограничениями и иными условиями либо без них. Планы премирования денежным эквивалентом прироста стоимости акций (в том числе фантомные акции) реализуются посредством включения в трудовые соглашения дополнительных пунктов, касающихся порядка определения вознаграждения в денежной форме, привязанного к стоимости акций и иным доходам.

Долгосрочные программы наделения персонала собственностью на акции могут применяться через механизмы доверительного управления (паевой инвестиционный фонд, управляющая организация и др.), однако из-за отсутствия налоговых стимулов потенциал их распространения в ближайшей перспективе крайне ограничен.

Методика разработки параметров опционной программы, учитывающая взаимную зависимость значений отдельных параметров финансовых инноваций может быть представлена в следующем виде.

При определении объема программы предпочтительно анализировать рыночную стоимость акций, выделяемых для реализации опционных планов компаний-аналогов, целевой ориентир – 50-100 млн. долларов США с расчетной численностью участников 50 человек, что обусловлено большим разбросом капитализации российских компаний. Корректирующий индикатор – долю акционерного капитала, используемого в опционной программе – целесообразно зафиксировать на уровне 3-5%.

В процессе разработки структуры опционной программы по категориям участников следует рассматривать исключительно штатных сотрудников компании (для неисполнительных членов совета директоров целесообразно использовать денежные формы мотивации). Структура программы компании с разветвленной структурой управления, включающей менеджеров высшего, среднего и низового уровня с разбивкой по структурным и бизнес-подразделениям, формируется по принципу: наибольшее число акций концентрируется на высшем уровне и постепенно снижается по уровням в соответствии со статусом.

Структура опционной программы позволяет варьировать мотивацию менеджеров различных уровней в соответствии с бизнес-ситуацией и целями собственников. Так, можно исключить из состава участников членов правления, не являющихся акционерами, и увеличить долю участия менеджеров низового уровня, если акционеры ориентированы на диверсификацию собственности, или ее снизить,

если опционная программа рассматривается как пробный инструмент мотивации. Доли совокупного объема программы в расчете на одного участника могут существенно различаться, при этом важно, чтобы разрыв между наиболее и наименее оплачиваемыми сотрудниками не превышал 10 раз.

При установлении ценовых условий может быть предложена фиксация цены исполнения опциона единой для всех уровней участия, не ниже рыночной стоимости акции на дату утверждения программы. В условиях высокой волатильности фондового рынка инструментом устранения ценовых «шумов» является усредненная величина, рассчитанная за трехмесячный период, предшествующий дате утверждения программы. Для наиболее опытных компаний в сфере финансовых инноваций возможно установление цены исполнения опциона с надбавкой, учитывающей естественный прирост стоимости акций, а также премии, по сути являющейся предоплатой (не более 5% от стоимости акций по опциону), что обеспечит стимулирование менеджеров к достижению более высоких показателей.

При разработке временной структуры исходным параметром является общий срок действия; исходя из действующей практики целевой ориентир – 4 года, по мере улучшения рыночной конъюнктуры возможно удлинение срока до 10 лет.

При установлении неценовых условий рекомендуется исходить из того, что для присоединения к опционной программе сотрудник должен проработать в компании не менее одного года, при этом данное требование может не применяться к участникам самого высокого уровня. Кроме того, для стимулирования роста операционной эффективности персонала целесообразно использовать неформальные критерии – выполнение бизнес-плана и оценку начальником профессиональных качеств сотрудника.

Компаниям, обладающим значительным опытом по организации опционных программ, предлагается вводить дополнительное ограничение на исполнение опциона – качественный анализ вклада работника в корпоративный рост через оценку общих и индивидуальных производственных и финансовых показателей.

Опционная программа может создавать дополнительный эффект в виде защиты компании от недружественного поглощения. Поэтому при построении программы можно предусмотреть возможность досрочного исполнения опционов в случае существенных изменений в структуре собственности компании, например, при смене контролирующего акционера.

При разработке конфигурации опционных планов особое внимание следует уделить формату исполнения опционов при увольнении участников: отсутствие права исполнения в случае увольнения из-за несоответствия работника занимаемой должности и возможность исполнения пропорционально количеству дней, отработанных с даты заключения опционного соглашения, если трудовой договор расторгнут по собственному желанию сотрудника.

Выбор механизма реализации опционной программы наиболее прозрачным методом, в случае если компания не планирует совершать крупных корпоративных действий в структуре капитала, является накопление акций на балансе дочерней структуры компании, находящейся в российской юрисдикции, путем покупки акций на вторичном рынке ценных бумаг. В случае если компания планирует размещение дополнительного выпуска акций, то целесообразно зарезервировать определенное количество акций при размещении. При наличии в структуре акционеров крупных собственников, намеревающихся покинуть бизнес, следует рассмотреть возможность использовать продаваемые ими акции.

Обязательным элементом организационного обеспечения реализации опционных программ является разработка и принятие внутрикорпоративного регламента, регулирующего порядок премирования менеджмента и персонала на основе акций. Принятие указанного документа во избежание конфликта интересов целесообразно отнести к исключительной компетенции совета директоров.

Анализ современных подходов к формированию и реализации опционных программ в организациях позволил выявить ряд характерных черт, определяющих их эффективность:

1) опционная программа эффективна, если реализуется в условиях привлечения работников к процессу принятия решений, влияющих на показатели деятельности компании;

2) определение размера вознаграждения должно базироваться на показателях, выполнение которых зависит от работников;

3) сотрудники обязательно должны непосредственно участвовать в разработке опционной программы, поскольку система должна быть максимально прозрачна для конкретного ее участника с точки зрения определения размеров вознаграждения и критериев оценки трудовой деятельности.

СТРАХОВАНИЕ ОТ ОГНЯ И ДРУГИХ ОПАСНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

Огонь является одной из самых страшных и опасных угроз для имущества, жизни и здоровья населения. В настоящее время распространенные лесные пожары, ко всему прочему, несут экологические бедствия. Но удивительно, многочисленные жертвы и гибель имущества людей ничему не учат. С ростом цивилизации огневые риски только усиливаются. С одной стороны, строительство из деревянного превратилось в каменное. Однако риски возгорания не уменьшились. Это происходит вследствие следующих факторов: во-первых, отделка помещений из дерева и других легкоплавких материалов, способствующих быстрому распространению огня; во-вторых, насыщенность помещений электрооборудованием; в-третьих, постоянное отключение электроэнергии и короткие замыкания. Чем выше здание, тем с большими проблемами приходится сталкиваться по обеспечению пожарной безопасности. Например, специалисты отмечают, что в Казани нет техники способной эффективно бороться с огнем выше 20-го этажа [4]. Строительная же индустрия в ближайшее время будет заниматься именно высотным строительством. Кроме этого, по сравнению с советскими временами требования к строительству в соответствии с санитарными нормами и правилами снизились, существенно увеличив факторы риска.

Статистика пожаров в стране катастрофическая. Так, например в 2007 году в России ежедневно происходило 579 пожаров, на которых погибало 44 человека и 37 получали травмы. Каждый день огнем уничтожалось 160 строений, 24 единицы автотракторной техники и 8 голов скота. Ежедневный прямой материальный ущерб составлял 23,4 млн. рублей. В Приволжском федеральном округе рост травмированных и погибших на пожарах составил 4,5 %. Больше всего пожаров происходит в жилом секторе – 71%. При этом, в России совершенно отсутствует статистика по упущенной выгоде в результате остановки производства, в том числе и пожаров.

Эффективным экономичным способом защиты имущественных интересов от огня является огневое страхование, которое также служит

основой развития экономики, устраняя существенный риск уничтожения материальных ценностей.

Теоретические основы страхования рыночной экономики и основные понятийные определения заложены были Карлом Марксом и не устарели до сих пор. В работе «Критика Готской программы» он рассматривал создание резервного или страхового фонда для страхования от пожаров как одно из первоочередных направлений распределения совокупного общественного продукта [1, 17]. А характеризуя сущность страховых отношений в самом своем известном труде «Капитал», он писал: «Как от возмещения износа, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично страхование от возможных разрушений, производимых чрезвычайными явлениями природы: пожарами, наводнениями и т.д.» [1, 199].

Исторически в массовом порядке огневое страхование зародилось в Европе в средние века, когда в жилых и рабочих помещениях было достаточно большое количество открытого огня. В РФ страхование имущества от огня стало проводиться с 1786, при учреждении в Санкт-Петербурге «Особой страховой экспедиции» при Государственном заемном банке (1786-1822). Данному виду страхования был придан статус государственной монополии. В 1827 г. страхование от огня передано в ведение Первого российского (от огня) страхового общества.

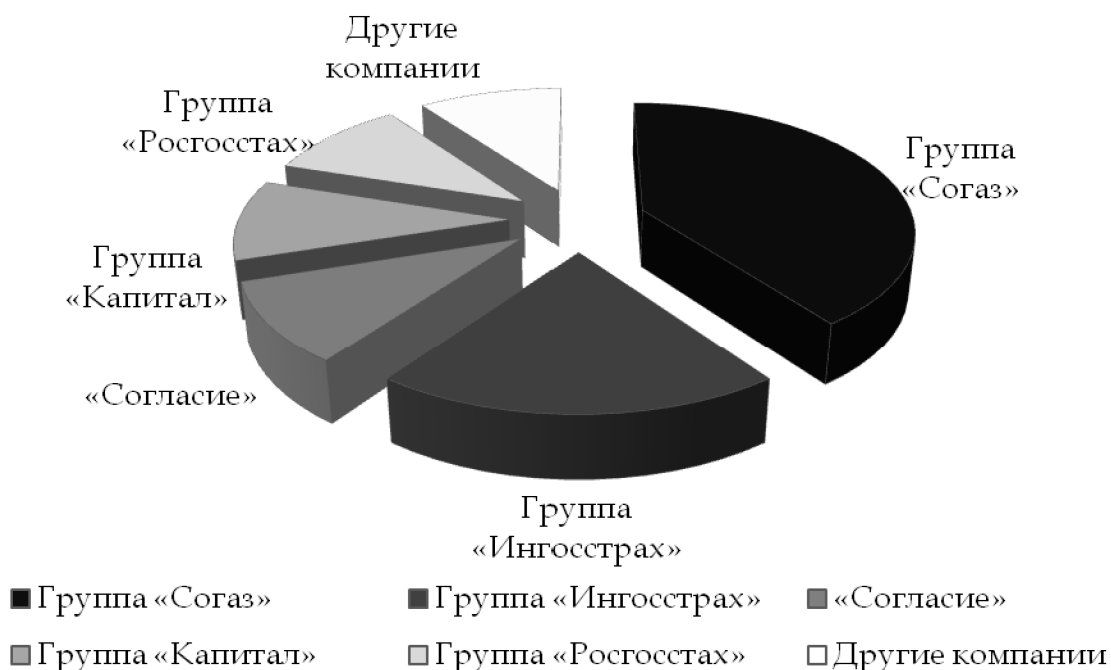
В настоящее время в процентном отношении огневые риски занимают скромное место в общем портфеле компаний – не более 15% (только Росгосстрах, традиционно специализирующийся на физических лицах, имеет по огневому страхованию портфель до 20%).

Явными лидерами по всему российскому рынку являются компании «Согаз» и «Ингосстрах», в совокупности имеющим долю более 60%.

Таблица 1.

Компании-лидеры в огневом и сопутствующим ему рисках страхования за 2005-2008г.	
Компании	Участие, %
1. Группа «Согаз»	40%
2. Группа «Ингосстрах»	20%
3. «Согласие»	10%
4. Группа «Капитал»	10%
5. Группа «Росгосстрах»	10%
6. Другие компании	10%

Компании-лидеры в огневом и сопутствующим ему рисках страхования за 2005-2008г.

Убыточность по застрахованным огневым рискам для страховых компаний невысокая. Именно это используют страховщики для балансирования страхового портфеля, выравнивания убыточности и улучшения финансовых показателей. По оценкам некоторых экспертов на реальные выплаты уходит не более 25-30%. Однако, МВУ (максимально-возможный убыток) по одному страховому случаю может быть очень большим. Это объясняется непредсказуемой природой распространения огня, скоротечностью протекания пожара и многочисленными жертвами при тушении. Так, например, при пожарах в 2007 г. в Татарстане погибло 16 человек.

Возмещение (в течение тарифного периода – 5-10 лет) получает не более 6-7% застрахованных клиентов. За что же платят остальные 93%? Именно в этом страховании вторая полезность страховой услуги – моральная уверенность и способность страхователя, имеющего соответствующий полис, проявляется наиболее действенно.

Число граждан и юридических лиц, застрахованных от огня, не превышает 10% в России? Неинформированность населения и неразвитая страховая культура в стране, при опросе общественного мнения, показывают, что большинство людей не имеют, например, представления о ценах на огневое страхование. Они достаточно приемлемые – 0,12 до 0,7% для юридических лиц и 0,3-1,5% для граждан. Предусмотрена широкая система скидок (например, 10-20% в год за отсутствие страховых случаев на застрахованных объектах). Кроме того, применение франшиз (собственное участие страхователя в покрытии

первоначального убытка, например до 3%) позволяет еще существенно снизить тариф. И, наконец, широко распространенная практика страхования в пропорциональной ответственности (например, 70%-80%), делает страхование доступным для всех. Сегодня, страхование 2-3-комнатной квартиры обойдется от 3-4 тысячи рублей. Очевидно, для большинства населения России цена вполне доступная. Но на сегодняшний день в стране, даже в крупных городах (за исключением Москвы) доля застрахованных граждан от огня не превышает 3-4% [3].

Существует 2 основных типа договоров страхования имущества:

1) англо-американский договор, т.е. на условиях «от всех рисков» (All Risks), когда страхование распространяется на случай гибели (утраты) или повреждения имущества вследствие любых событий, кроме перечисленных в исключениях;

2) немецкий, т.е. на условиях от поименных опасностей (Named Perils), когда в договоре страхования перечисляются страховые события, от которых предусматривается защита, например:

- пожар + расходы по спасению застрахованного имущества и тушению пожара;
- удар молнии;
- взрыв паровых котлов, газопроводов, газовых аппаратов и т.п.;
- стихийные бедствия (наводнения, буря, град, оползень, землетрясения и т.п.);
- кража со взломом, грабеж и разбой;
- умышленные действия третьих лиц, направленные на повреждение или уничтожение застрахованного имущества;

Таким образом, англо-американский вариант представляет более широкую защиту и более прост для понимания и толкования сторонами договора, в то время как немецкий бывает перегружен избыточной информацией и определениями, что затрудняет его понимание и толкование. Практика бизнеса в России показывает, что первый вариант больше применим для страхования юридических лиц, а второй – для работы с физическими лицами.

Как правило, не возмещаются убытки, возникшие в результате обработки застрахованного имущества огнем (иного термического воздействия) в соответствии с технологическим процессом, подпаливания (например, при складировании сырья, материалов, продукции вблизи источников поддержания огня). Вместе с тем в целях стимулирования противопожарной безопасности и активных действий страхователей по защите своего имущества от огня возмещаются убытки, возникшие вследствие принятых страхователем разумных мер по спасению имущества, слому и расчистке руин, а также другие

расходы, которые произвели страхователи при наступлении страхового случая для предотвращения и уменьшения ущерба. Из объема ответственности страховщика исключается военный риск (война, интервенция), политический риск (революция, гражданские волнения) и т.п.

Корпорации и промышленные предприятия, как и физические лица, охвачены огневым страхованием в недостаточных объемах. Здесь на лицо преступная халатность, иначе не назовешь. Так, например, в Татарстане ОПО (опасные производственные объекты) не застрахованы по огневым рискам, так как у всех предприятий есть полис гражданской ответственности (согласно ФЗ №116). Руководители предприятий в силу своей некомпетентности считают этого достаточным. Надеются на пожарную сигнализацию, которая, в первую очередь, предназначена для спасения людей. Однако такой полис не спасает государственное имущество или имущество акционеров.

Для юридических лиц страхование от огня эффективно может применяться при страховании запасов товаров, страхование перерывов в производстве в результате пожара (в промышленно-развитых странах по этому виду 95% охват), страхование потери прибыли (как дополнительный вид к страхованию перерывов в производстве).

Наиболее опасными отраслями для проведения огневого страхования, являются деревообрабатывающая, мебельная промышленности, мукомольные заводы, лакокрасочные фабрики. С социальной точки зрения от огневых рисков должно быть застрахованы все предприятия, связанные с детьми (школы, детские сады, детские спортивные школы), медицинские заведения и ВУЗы. Но на сегодняшний день реальность далека от желаемого.

Страхование от огня тесно связано с системой противопожарной безопасности, взаимодополняя друг друга. Поэтому страховые компании должны эффективно сотрудничать с фирмами, устанавливающими противопожарную сигнализацию. Тем более, что при установке противопожарной сигнализации при страховании от огня идет тарифная скидка.

Несмотря на то, что огневой риск является наиболее распространенным и риски возгорания отмечаются в качестве лавной угрозы до 60% руководителей бизнеса, огневое страхование требует своего развития.

Защитить свой бизнес способны немногие предприниматели. Например, известно, что только 50% вновь образованных фирм продолжают свое существование через 3 года после регистрации. На это существует ряд как объективных, так и субъективных причин. Однако,

справиться хотя бы с одной опасностью каждый разумный предприниматель способен, он должен стать владельцем полиса имущественного страхования «От огня и других опасностей».

И последнее, известный исследователь теории управления рисками Найт высказал мнение, что вероятность наступления страхового события, например пожара, не зависит от того принят риск на страхование Страховщиком или нет [2]. Позднее эту идею использовали в своих исследованиях многие авторы, как отечественные, так и зарубежные. Однако такой взгляд несколько абстрагируется от бизнес-процессов страхового дела. Практика показывает, что именно застрахованный риск имеет тенденцию к снижению реализации в 2-3 раза. Опытный страховщик, не желая осуществлять выплату, предпримет необходимые превентивные действия по нейтрализации обстоятельств риска. Для этого и предусмотрен резерв предупредительных мероприятий.

Литература:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 19. С. 17.
2. Найт Ф. «Риск, неопределенность и прибыль» М.: Дело. 2003. - с. 248
3. <http://www.allinsurance.ru>
4. <http://www.fatio.ru>

Глава III. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамов Д.Н.

аспирант

Институт социальных и гуманитарных знаний

г. Казань

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Существенно возросшая в начале нынешнего столетия актуальность исследования проблемы возможных ограничений отдельных прав и свобод граждан, обусловленная причинами объективного характера (среди которых выделяется необходимость принятия законодательных мер по противодействию международному терроризму и другим новым угрозам), вызывает необходимость разработки концептуальных подходов к формированию теории соразмерности ограничения прав и свобод граждан. В рамках таких научных исследований важное значение имеет определение основных принципов, которыми должно руководствоваться государство при применении подобной меры реагирования, имеющей не только вынужденный, но и исключительный по своему содержанию характер.

По определению Д.Н. Ушакова соразмерность – это соответствие какому-нибудь мерилу [7, 389]. Следует отметить, что на актуальность исследования принципа соразмерности (или запрета введения чрезмерных ограничений) стало обращать внимание в научной литературе с начала 90-х годов. Так, согласно высказанному, в тот период, по мнению И.А. Ледях, смысл принципа соразмерности заключался в том, «чтобы выяснить, действительно ли опасность для конституционного строя и правопорядка настолько велика и реальна, что законодатель обязан предпринять меры и ограничения прав и свобод человека, соразмерные возникшей угрозе» [2, 158]. И сейчас, в своих работах последнего времени, И.А. Ледях указывает на то, что в отношении прав и свобод, регулируемых в режиме ограничений, действует принцип соразмерности, определяющий пределы таких ограничений. Его реализация означает, что считаются недопустимыми чрезмерные ограничения, которые могут привести к выхолащиванию содержательной сущности ограничиваемого права [3, 91-110]. В целом такой же точки зрения придерживается Г.А. Гаджиев, указывающий на важность определения точки равновесия между воплощенной в основных правах свободой человека и необходимостью подвергать их

ограничению со стороны государства, которая должна фиксироваться в понятии пределов основных прав и свобод. При этом он обоснованно указывает на фактическую идентичность понятий «принцип соразмерности», «принцип пропорциональности» или «принцип сбалансированности» [1, 5], свидетельствующую о разнообразии применяемого в этих целях понятийного аппарата.

Высказывая близкие по смыслу соображения, Д.И. Дедов указывает на то, что принцип пропорциональности требует максимальной степени ясности смысла нормы права, основанной на понимании целей и средств ограничений. На этой основе им обосновывается точка зрения, согласно которой содержание принципа пропорциональности включает четыре требования к сбалансированному ограничению прав человека, связанных, главным образом, также с целями таких ограничений: а) обоснованность ограничения (наличие прав и интересов, требующих защиты, ясное указание связи целей и средств ограничения); б) важность целей ограничения; в) соответствие степени ограничения прав общественной значимости, целей ограничения или значимости защищаемых прав; г) необходимость применения принципа пропорциональности одновременно с принципами недискриминации, равенства, законности, справедливости [1, 31; 148; 183].

Конституционный принцип социального государства (статья 7) и развивающие его положения Конституции РФ о социальных правах человека и гражданина имеют, как это следует из статьи 18 Конституции РФ, характер непосредственно действующих. Отсюда возникает обязанность законодателя предпринять соответствующее регулирование, на основе которого осуществляется правоприменительная деятельность, в том числе судами, разрешающими конкретные дела.

Выдвинутый еще древними мыслителями принцип справедливости и равенства составляет ядро всего современного права, в том числе социальных прав человека. Идею социальной справедливости поддерживают все мировые религии. Христианство призывает «возлюбить ближнего, как самого себя». В иудаизме понятия «милосердие» и «справедливость» обозначаются одним и тем же словом. Один из пяти столпов исламской веры – закят – представляет собой милостыню бедным и нуждающимся. Буддисты считают своим долгом заботиться о бедных.

Если баланс власти неверен, значит, существует неравенство богатства и экономических возможностей. Ловушки неравенства образуют порочный круг, экономическое и политическое неравенство усиливают друг друга. Традиционные – либеральные права и свободы

человека и гражданина недостаточны для эффективной защиты интересов людей в современных условиях.

Без торжества либеральных идей не было бы государства и социального, и правового одновременно, т.е. государства, где социальные права граждан принадлежат им от рождения, а не даруются им сверху, и их перечень не зависит от монаршей воли; эти права закрепляются в конституциях и законах и гарантируются государством в силу притязаний (потребностей) гражданского общества и требований норм международного права на основе принципа справедливости и общепринятых стандартов, но без учета принципа соразмерности.

Конституция России закрепляет правовые основы социальной защиты, в том числе создание условий достойной жизни и свободного развития человека, охрану труда и здоровья, государственную поддержку семьи, материнства и детства, приоритет международных социальных стандартов и т.д. Определились основные тенденции в социальной сфере, среди которых отказ от чрезмерной государственной поддержки, обеспечение минимальных социальных потребностей граждан, исходя из имеющихся в распоряжении граждан финансовых средств, ориентация на адресное оказание социальной помощи и другие. Однако понятно, что провозгласить такие условия для достойной жизни и свободного развития гораздо легче, чем осуществить. В настоящее время почти четверть граждан России живут за чертой бедности, причем большая часть из них имеют постоянную работу. Борьба с бедностью, преодоление социальной несправедливости – одна из важнейших задач как государства, так и общества.

Хотя формально Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности, однако ни для кого не секрет, что такое состояние дел в нашей стране – пока всего лишь конституционный идеал. Исследователи оценивают сегодняшнее состояние России как формального социального государства на уровне первой половины 20-х гг. XX века. Среди причин такой «недоразвитости» социальных механизмов – пережитки советской политической и социальной системы, несоответствие экономических, социальных и иных целей политики государства друг другу, а также то, что сейчас Россия по важнейшим макроэкономическим показателям находится в группе развивающихся стран. Кроме того, на сегодняшний день нет окончательной определенности с моделью обеспечения социальных функций государства.

Правосудие призвано играть существенную роль в создании равных условий в политической, экономической и социально-культурной областях. Правовые позиции, которые Конституционный Суд сформулировал в решениях последних лет, в большей степени связаны с преодолением пробелов в использовании принципа соразмерности в реформировании социального законодательства. Около трети рассматриваемых в Конституционном Суде России жалоб относятся, по существу, к вопросам преодоления принципа соразмерности в обеспечении социальной справедливости. В решениях по этим жалобам Конституционный Суд РФ исходит из принципа, что государство, вводя разные механизмы решения проблем, не может понижать существовавший ранее уровень обеспечения, если обязательства государства перед гражданами вытекают прямо из закона.

Примером может служить Постановление Конституционного Суда от 22 марта 2007 г. № 4-П по жалобе гражданки Т.А. Баныкиной [6, ст. 1742]. В этом деле Конституционным Судом рассматривался важнейший вопрос, самым тесным образом связанный с демографической политикой государства и соразмерностью применения норм права, с реализацией приоритетных государственных задач по защите материнства и детства. Заявительницей оспаривались положения Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год», устанавливающие предельный размер пособия по беременности и родам, вне зависимости от среднего заработка женщины. В указанном Постановлении Конституционный Суд подчеркнул социальную значимость рассматриваемого вопроса, указав, что в современной социально-демографической ситуации в Российской Федерации институт материнства и детства приобретает повышенную публичную значимость, что обуславливает необходимость создания федеральным законодателем адекватной системы социальной защиты, включая социальное обеспечение работающих женщин в связи с беременностью и родами, наиболее полным образом гарантирующей реализацию ими соответствующих конституционных прав.

Конституционный Суд пришел к выводу, что самим по себе установлением максимального размера пособия по беременности и родам в Федеральных законах о бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации конституционные права граждан не нарушаются, однако недопустимы существенные диспропорции между платежами, которые вносятся работодателями в Фонд социального страхования Российской Федерации и из которых формируются его средства, и страховым обеспечением, в том числе при установлении максимального размера пособий по беременности и

родам, выплачиваемых из этих средств. В итоге нормы федерального законодательства, устанавливающие указанные ограничения по предельным суммам выплаты пособия по беременности и родам, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, а на федерального законодателя была возложена обязанность в течение шести месяцев внести изменения в действующее законодательство с тем, чтобы обеспечить более справедливую пропорциональность между платежами в Фонд социального страхования Российской Федерации, осуществляемыми в пользу застрахованных женщин, в соответствии с их заработком и страховым обеспечением, что позволило бы в максимально возможной степени компенсировать им утраченный, в связи с использованием отпуска по беременности и родам, заработок, на основе которого исчислялись платежи в Фонд социального страхования Российской Федерации.

В юридической науке и судебной практике нарастает тенденция рассматривать закрепленные Конституцией социальные права не только как принципиальные ориентиры для законодателя, но именно как основные права, равные по значимости конституционным гражданским и политическим правам. Основанные на принципах справедливости и социальной солидарности, они закрепляются Конституцией в качестве непосредственно действующих и подлежат судебной защите.

Социальные права, в общем виде закрепленные Конституцией, в их конкретном содержании и механизмах реализации определяются федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Реализация же указанных прав обеспечивается предоставлением широкого круга возможностей, в том числе установлением для отдельных категорий граждан дополнительных социальных благ в виде мер социальной поддержки или льгот. Одной из основных проблем, которая все еще не разрешена в ходе проводимых пенсионных реформ, является установление размера пенсии, позволяющего удовлетворить хотя бы минимальные потребности человека. Для сравнения: коэффициент замещения, установленный 102-й Конвенцией МОТ и Европейским кодексом социального обеспечения, составляет 40% ранее получаемого заработка, а коэффициент замещения пенсией утраченного заработка в России в настоящее время составляет 25%, если же учитывать «теневую» заработную плату, то результат будет еще ниже.

Минимальная заработная плата не достигает величины прожиточного минимума, который в среднем по стране за второй квартал 2008 года составил 4646 рублей. Соотношение средней

заработной платы и прожиточного минимума за второй квартал 2008 года составило 2,9.

Льготы были введены в качестве паллиативного решения, основным их назначением являлась компенсация недостатка денежных средств, полученных в виде пенсии или заработка. Для того, чтобы обеспечить выживание инвалидов, семей, воспитывающих малолетних детей, пенсионеров, иных категорий граждан в условиях экономического спада и низкого уровня пенсионного обеспечения и заработной платы, законодатель предусмотрел ряд льгот, выполняющих главным образом компенсаторную функцию.

Вместе с тем, провозглашение права на социальное обеспечение не означает, что гражданин наделяется конкретным набором субъективных прав, например, на получение пенсии в определенном размере или с определенного возраста, права на исчисление стажа по определенным правилам и т.п. В связи с этим встает проблема определения пределов соразмерности при изменении правового регулирования в социальной сфере. Законодатель обязан следовать конституционным принципам правового регулирования и предписаниям общего характера (о социальном характере Российского государства, о равенстве и др.) с тем, чтобы обеспечить стабильность системы социальной защиты.

Конституционный Суд РФ сформулировал ряд вытекающих из Конституции принципов правового регулирования общественных отношений в сфере социальной защиты, важнейшим из которых является принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, но не определил пределы действия принципа соразмерности в решении этих вопросов. Изменения социального законодательства, форм и способов социальной защиты должны сопровождаться, во-первых, предоставлением гражданам возможности в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, во-вторых, созданием компенсаторного механизма, позволяющего устранить либо смягчить негативные последствия такого изменения.

Приняв на себя определенные публично-правовые обязательства, государство не может произвольно отказываться от их выполнения. Иное означало бы нарушение принципов справедливости и правового, и социального государства.

Понятно стремление законодателя в большей степени учесть финансово-экономические возможности государства и снизить нагрузку на федеральный бюджет, однако нельзя не принимать во внимание того, что отказ или существенное изменение принципа соразмерности

нарушает баланс между интересами граждан и публичными интересами, что чревато социальной и политической нестабильностью.

Отсутствие принципа соразмерности в социальной защите граждан необходимо отнести к концептуальным недостаткам законодательства в социальной сфере. В связи с этим, Конституционный Суд в ряде решений, касающихся оценки конституционности положений Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, вынужден был подчеркнуть, что при переходе к новому правовому регулированию мер социальной поддержки должны быть предусмотрены соответствующие правовые механизмы, позволяющие обеспечивать сохранение достигнутого уровня защиты прав и свобод граждан, гарантий их социальной защищенности, и созданы необходимые, в том числе финансовые, условия для надлежащего осуществления субъектами Российской Федерации мер социальной поддержки.

Исследователи констатируют также отсутствие четкой законодательной границы использования принципа соразмерности, направленного на создание адекватной современным экономическим и социальным реалиям пенсионной системы. Все это не способствует поддержанию доверия граждан к закону. Участники соответствующих правоотношений должны быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты, т.е. в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано (Постановление Конституционного Суда от 03.06.2004 г. № 11-П [5, ст. 2476]; Определения от 01.12.2005 г. №521-0 [4] и от 01.12.2005 г. №462-0).

Значительное число пробелов фактически приводит к невозможности адекватного выполнения законодательством о социальном обеспечении своих основных функций – как регулятивной, так и защитной.

При неиспользовании принципа соразмерности существует реальная опасность нарушения баланса конституционно защищаемых ценностей, разрыва между социальными и экономическими задачами, между правами граждан и публичными интересами.

До последнего времени Конституционный Суд проявлял сдержанность в этом вопросе. Неоднократно им высказывалась позиция о том, что Конституция, закрепляя право каждого на социальное обеспечение, относит к компетенции законодателя решение вопросов, касающихся правовых оснований назначения пенсий, порядка их исчисления, правил индексации, установления видов пенсий и др.

Проблема нарушения принципа соразмерности при разграничении полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти была затронута в запросе Псковского областного суда. Псковский областной суд полагал, что передача субъектам Российской Федерации полномочий по определению мер социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, и отнесение расходных обязательств по обеспечению такими мерами к расходным обязательствам субъекта Российской Федерации означает, что в результате осуществленного федеральным законодателем разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами по предмету совместного ведения предоставления мер социальной поддержки указанных лиц передано в исключительное ведение субъектов. При таких обстоятельствах, как считал заявитель, федеральный законодатель не вправе обязывать субъекты Российской Федерации гарантировать объем социальной поддержки жертв политических репрессий не ниже ранее установленного федерального уровня.

Конституционный Суд подчеркнул, что защита прав и свобод человека и гражданина, социальная защита, включая социальное обеспечение, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это означает, что ответственность за состояние дел в указанных сферах возлагается как на Российскую Федерацию, так и на каждый из ее субъектов. При этом федеральный законодатель, осуществляя регулирование вопросов, относящихся к тому или иному предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, вправе определять конкретные полномочия и компетенцию органов государственной власти Российской Федерации в соответствующей сфере, равно как и устанавливать принципы разграничения предметов ведения и полномочий.

Соответственно как Российская Федерация, так и субъекты Российской Федерации несут ответственность за состояние дел в сфере социальной защиты. Однако система социальной защиты остается в совместном ведении и субъект Российской Федерации не может игнорировать требования федерального законодательства, в частности, требования о сохранении общего объема финансирования достигнутого уровня защиты прав и свобод граждан. В данном случае необходимо определить соразмерность использования финансовых средств Российской Федерации и субъекта РФ, то есть, если вред нанесен органами государственной власти Российской Федерации, то финансирование осуществляется из Федерального бюджета, а если вред

нанесен органом власти субъекта Федерации – из бюджета данного субъекта Федерации. Таким образом, обеспечивается соразмерность ответственности деятельности органов государственной власти в Российской Федерации.

Проблема снижения уровня социальной защиты обостряется в связи с отсутствием адекватного механизма индексации ежемесячных денежных выплат. Установленный порядок индексации приведет к тому, что темпы роста инфляции будут, как и в случае с трудовыми пенсиями, превышать уровень индексации, предусмотренный Правительством.

Применение Федерального закона от 22 августа 2004 г. №122-ФЗ выявило также целый ряд нарушений положений принципа соразмерности, которые весьма негативно отражаются на положении обеспечиваемых социальной поддержкой. Например, не предусматривается возможность отказа от части мер социальной поддержки, входящих в дополнительную бесплатную медицинскую помощь (инвалид, имеющий противопоказания к санаторному лечению, не может отказаться только от путевки, не потеряв одновременно право на лекарственное обеспечение).

Таким образом, денежные выплаты оказались несоразмерны существовавшим льготам. Возник целый ряд проблем, связанных с ограничением льгот компенсационного характера от других льгот, а также с выделением длящихся правоотношений из общей системы правоотношений по оказанию социальной поддержки. Имели место нарушения принципа равенства при оказании социальной поддержки гражданам различных регионов, а также случаи неправомерного отказа субъектов Российской Федерации и муниципальных образований от предоставления мер социальной поддержки различным категориям граждан.

Федеральный законодатель, передав часть полномочий в сфере социальной защиты на уровень субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в то же время не установил с достаточной определенностью их компетенцию, не предусмотрел принцип соразмерности в правовом регулировании и минимальные стандарты, которые гарантируются гражданам, независимо от места проживания. Не установлен и эффективный финансовый механизм, обеспечивающий осуществление единой государственной социальной политики и перераспределение средств бюджетов всех уровней с целью сохранения достигнутого уровня социальной защиты.

Реальное обеспечение социальных прав человека и гражданина – это необходимое условие не только политической стабильности

общества, но и успешного его развития по пути гуманизма, демократии и прогресса. Соблюдение принципа соразмерности является основным условием разумности, достаточности и законности мер, принимаемых государством в качестве средств урегулирования в социальной сфере, минимизации ее негативных последствий и соблюдения баланса интересов личности, общества и государства.

Литература:

1. Дедов Д.И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. Предисловие. М., 2002. С. 5.
2. Защита прав человека в современном мире / Отв. ред. Ледах И.А. М., 1993. С. 4; Общая теория права человека / Отв. ред. Лукашева Е.А. М., 1996. С. 158.
3. Нравственные основы теории государства и права (Международная научная конференция) // Государство и право. 2005. N 8. С. 91-110.
4. Определение Конституционного Суда от 1.12.2005. № 521-О «По запросу Конституционного суда Республики Коми о проверке конституционности абзаца второго пункта 4 статьи 6, пунктов 17 и 18 статьи 44 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант» (документ опубликован не был).
5. Постановление Конституционного Суда от 3.06.2004 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ, 14.06.2004, N 24, ст.2476.
6. Собрание законодательства РФ, 02.04.2007, N 14, ст. 1742.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 /Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. С. 389.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГА

В настоящее время обозначились два основных подхода в определении налога. При этом первый исходит из определения налога как некоей процедуры (концепция – налог как процедура), а второй – материального объекта (концепция – налог как материальный объект) [2, 249-250]. Иными словами, определение налога сторонниками той или иной концепции ставится в зависимость от его процессуального либо материального начала.

Налог в подавляющем большинстве случаев определяется как некое действие, которое совершается в связи с исполнением налоговой обязанности. При этом в определении налога может присутствовать указание как на действия государства, осуществляющего его взимание, так и на действия самого налогоплательщика, его уплачивающего. Примером первого может служить определение налога как принудительного сбора, который взимает государство с граждан для употребления своих денежных потребностей [19, 23], либо как обязательного взноса, взимаемого государством с физических и юридических лиц в бюджет соответствующего уровня. [4, 74]. Примером второго – определение налога как обязательного безвозмездного платежа (взноса), установленного законодательством и осуществляемого плательщиком в определенном размере и в определенный срок. [15, 5]. В первом случае речь идет о налоге как о взимании, которое осуществляется государством, а во втором – о платеже, совершаемом налогоплательщиком.

Интересным представляется определение, данное Е.Ю. Грачевой и Э.Д. Соколовой: налогом признается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципального образования [12, 3]. Данное определение легло в основу легального определения налога в Налоговом кодексе РФ.

В п. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ [11] (далее – НК РФ) налог трактуется «как обязательный индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения

или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований». Данное определение достаточно полно характеризует понятие налога и позволяет выделить основные признаки, свойственные налогам: обязательность платежей, индивидуальная безвозмездность налогов, денежная форма их внесения. Тем не менее, данное определение не лишено некоторых замечаний. В частности, в указанной формулировке отсутствует признак того, что данный платеж должен быть законодательно установлен, т.е. взимание налога может осуществляться только на правовом основании, по юридически установленным правилам.

В определении говорится, что взимание налога производится в форме отчуждения собственности. Под отчуждением в данном случае понимается изъятие собственности. Однако согласно ст. 35, п. 3 Конституции РФ «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Исходя из этого, получается, что налог можно взыскать только в судебном порядке, что не соответствует ст. 45 Налогового кодекса РФ, в которой указано, что налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога и лишь в случае неуплаты налога в установленный срок обязанность по уплате налога исполняется принудительно.

Еще до принятия Налогового кодекса РФ в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 11.11.97 N 16-П налог было определено как основанная на законе денежная форма отчуждения собственности с целью обеспечения расходов публичной власти, осуществляемая на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности [16]. Действительно, в п. 1 ст. 8 НК РФ налог трактуется как «...платеж, взимаемый... в форме отчуждения... денежных средств». Несмотря на то, что данную дефиницию нельзя признать безупречной, из нее все-таки очевидным является то, что законодатель, определяя налог через слово «платеж», понимает под налогом определенное действие, точнее – образ действий, порядок действий. Неслучайно в определении налога включены слова «обязательный» и «индивидуально безвозмездный», характеризующие суть производимого действия. В таком значении понятие «налог» обозначает действие (или порядок действий) участников налогового правоотношения.

Определение налога, как основанную на законе денежную форму отчуждения собственности с целью обеспечения расходов публичной власти, впервые сформулировал Конституционный Суд РФ. Налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той

частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, и обязан регулярно перечислять эту сумму в пользу государства, так как иначе были бы нарушены права и охраняемые законом интересы других лиц, а также государства. При этом, по мнению Конституционного Суда РФ, взыскание налога не может расцениваться как произвольное лишение собственника его имущества – оно представляет собой законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности. [17].

Сущность налога состоит в отчуждении государством в свою пользу принадлежащих частным лицам денежных средств. Известно, что еще Фома Аквинский определял налог как дозволенную законом форму грабежа. Посредством налогообложения государство в одностороннем порядке изымает в централизованные фонды определенную часть валового внутреннего продукта (далее – ВВП) для реализации публичных задач и функций. При этом часть собственности налогоплательщиков – физических лиц и организаций – в денежной форме переходит в собственность государства [6].

С другой стороны, в гл. 8 НК РФ выражения «перечисление налога», «уплата налога» по существу используются для обозначения определенной суммы, подлежащей перечислению в рамках конкретного налогового правоотношения, т.е. налог трактуется как материальный объект налогового правоотношения. Данная концепция исходит из того, что налог есть часть имущества налогоплательщика, некая денежная сумма, которая и передается последним субъектам публичной власти в рамках исполнения налоговой обязанности. К числу сторонников этой концепции относится М.В. Карасева, которая рассматривает налог, прежде всего, как объект финансовых правоотношений. В связи с этим, по ее мнению, нельзя рассматривать налог как результат действий, который появляется в процессе их совершения, поскольку из этого следует, что вне таких действий он не существует. Одной из существенных черт налога является то, что он всегда представляет собой часть собственности налогоплательщика, которая как таковая (т.е. налог) должна передаваться на законном основании субъектам публичной власти (в бюджет или государственный внебюджетный фонд) при наступлении определенных сроков [8,146]. С подобных позиций предлагается рассматривать налог, в том числе как платеж, связанный с переходом права собственности от частного субъекта к публичному. При этом плательщик налога расстаётся со своим имуществом и лишается права собственности на него. [20]

В пользу этого подхода можно привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который еще до

принятия НК РФ отмечал, что одной из существенных черт налога является то, что он всегда представляет собой часть собственности налогоплательщика, которая как таковая должна передаваться на законном основании субъектам публичной власти при наступлении определенных сроков. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. указывалось, что «налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, и обязан регулярно перечислять эту сумму в пользу государства». Логично предположить, что, используя в гл. 8 НК РФ выражения «перечисление налога», «уплата налога», законодатель понимает под налогом не процедуру (порядок действий), не действие (платеж), а определенную сумму, т.е. налог как материальный объект налогового правоотношения.

Необходимо обозначить еще одну концепцию определения налога, отличную от рассмотренных выше. Это концепция налога как правовой формы возложения обязанности. В данном случае в основу ее положена идея о том, что налог есть некая юридическая конструкция, составленная из ряда элементов, в соответствии с которой на тех или иных лиц возлагаются обязанности по участию своим имуществом в финансировании субъектов публичной власти. Именно посредством установления налога и осуществляется формализация таких обязанностей.

На право существования подобного подхода указывает тот факт, что в ряде определений налога, выработанных известными правоведами, присутствуют ссылки на то, что он предполагает некий порядок взимания, установление размеров и сроков его уплаты. Например, Н.И. Химичева рассматривает налог как обязательный, индивидуально безвозмездный платеж физических и юридических лиц, установленный представительным (законодательным) органом государственной власти или местного самоуправления для зачисления в государственную или местную казну с определением его размера и сроков уплаты [23, 5]. Существует также определение налога как обязательного индивидуально-безвозмездного денежного платежа в бюджет и государственные внебюджетные фонды, взимаемого с плательщика в законно установленном порядке и размерах [22, 181]. В данном случае срок уплаты налога, его размер, ставка есть не что иное, как элементы налогообложения, или иначе – элементы юридической конструкции налога (элементы налога). Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что без прописания их в нормативном правовом акте налоговая обязанность не возникает вовсе. При этом в

законодательстве о налогах и сборах определены как основные элементы налога, так и требования по порядку его установления в целом. В данном случае имеет место специфическая правовая форма изложения норм налогового права. Несоблюдение этой формы в той или иной части означает юридическую несостоятельность налога.

Представляется, что налог должен рассматриваться именно как правовая форма, посредством которой определяется круг налогоплательщиков и устанавливаются их соответствующие обязанности. Понимание налога как правовой формы возложения обязанности по участию физических лиц и организаций в формировании бюджета, на наш взгляд, в наилучшей степени отражает его сущность. Ведь установление налога в любом случае первично по отношению к его взиманию или уплате. Именно из этого мы исходили ранее при определении налога, поскольку подобная трактовка в полной мере сочетается со всеми его юридическими признаками [10]. И.И. Кучеров рассматривает налог как правовую форму возложения на физических лиц или организации, основанную на законе и обеспеченной силой государственного принуждения обязанности по участию в формировании публичного фонда денежных средств (бюджета) для покрытия общественно значимых расходов на условиях индивидуальной безвозмездности и безвозвратности.

Изменения в правосознании людей связаны с изменениями в общественных отношениях, которые реально произошли и нашли отражение в законодательстве, но требуется время для изменения стереотипов мышления, представлений, зафиксированных в правосознании людей.

К одному из таких стереотипов следует отнести устойчивое представление о государстве как о субъекте, собирающем налоги и использующем для этого элементы насилия. Он проявляется, в частности, в том, что вместо словосочетания «уплата налога», подразумевающего активное действие налогоплательщика, используется другое – «сбор, взимание, изъятие налога», которое означает не что иное, как активное действие государства по отношению к плательщику налогов. Сошлемся, к примеру, на Постановление Конституционного Суда РФ, указавшего, что взыскание налога не может расцениваться как произвольное лишение собственника его имущества – оно представляет собой законное изъятие части имущества, следующее из конституционной публично-правовой обязанности [17].

По мнению Н.И. Химичевой, предметом налогового права являются властно-имущественные отношения, поскольку нормы налогового права обусловлены публичной деятельностью, а именно

деятельностью государства по взиманию налоговых платежей для общегосударственных нужд [23, 44]. В работе В.И. Гуреева указывается, что конкретные налоговые имущественные отношения строятся как властные отношения по изъятию части доходов (имущества) у юридических и физических лиц (налогоплательщиков) для обеспечения федерального, региональных и местных бюджетов [5, 57]. Как полагает М.В. Карасева, Российская Федерация должна признаваться субъектом финансового правоотношения и в случаях взимания федеральных налогов и сборов, так как взимая налоги, государство реализует свое суверенное право в области финансов [8, 19]. Можно привести целый ряд других работ, авторы которых придерживаются схожей позиции. [21, 16], [7, 96], [18, 62], [3, 21], [1, 49].

Упоминание о взимании налогов имеется в п. 2 ст. 1 и в п. 5 ст. 5 НК РФ. Важнейшим является использование понятия «взимание» в п. 1 ст. 8 НК РФ, где дается определение налога. Авторы многочисленных работ, исследующие это определение, взимание как активное действие публичного субъекта по отношению к имуществу частного субъекта практически не анализируют. А ведь присутствие данного понятия влияет и на определение налога – ключевого института всего налогового законодательства, и на его правовую природу.

В определении налога, зафиксированном в Налоговом кодексе, присутствует концептуальное противоречие. Указано, что это платеж, взимаемый с организаций и физических лиц. Но ведь платеж – это активное действие плательщика, проявляющего свою волю, а взимание – активное действие публичного субъекта, проявляющего свою волю по отношению к частному субъекту. Платеж и взимание одних и тех же средств не могут происходить одновременно. Если осуществлен платеж, то взимать нечего. Если произошло взимание, то нет необходимости платить [20].

Необходимо определить, что если уплата и взимание присутствуют в определении налога, следовательно, они должны обязательно присутствовать среди обязанностей налогоплательщиков и налогового органа. Действительно, в ст. 23 НК РФ первой среди обязанностей налогоплательщиков указана уплата налогов. Что касается налоговых органов, то ни среди прав (ст. 31 НК РФ), ни среди обязанностей (ст. 32 НК РФ) «взимания налогов» нет.

В пункте 1 ст. 34 НК РФ говорится, что таможенные органы несут обязанности налоговых органов по взиманию налогов и сборов. Поскольку среди обязанностей налогового органа взимания налогов нет, то в данном случае следует только указать на неточность нормы, сформулированной в п. 1 ст. 34 НК РФ.

Говорить о принудительном характере изъятия налога как существенном признаке налоговых платежей некорректно, поскольку согласно НК РФ налог должен быть уплачен самим налогоплательщиком. В законодательстве устанавливается презумпция добросовестного налогоплательщика, подразумевающая добровольный порядок уплаты налогов. Согласно п. 1 ст. 45 НК РФ налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога, если иное не предусмотрено налоговым законодательством. Речь идет не о том, что налогоплательщику предоставлено право самому решать – платить налоги или нет, любая правовая обязанность может быть исполнена как добровольно, так и принудительно. Лишь в случае неисполнения налоговой обязанности взыскание недоимки и пени осуществляется в принудительном порядке.

«Налоги не взимаются в форме отчуждения, – подчеркивает Н.И. Осетрова, – а осуществляются налогоплательщиками» [14, 150]. В.А. Соловьев утверждает, что взимание не является необходимым признаком налога. Более того, налоги не взимаются, а то, что взимается, – это не налоги. Налог – это платеж, активное действие и следствие волевого акта налогоплательщика [20]. Аналогичной позиции придерживаются и многие другие авторы [13, 39-40]. Эти позиции верны лишь отчасти. Налог может быть либо уплачен добровольно, либо взыскан принудительно. То есть налог либо уплачивается самим налогоплательщиком, либо принудительно взимается государством. При этом возможность добровольного исполнения всегда предшествует государственному принуждению. Таким образом, термин «отчуждение денежных средств», используемый в определении налога, является обобщающей категорией, охватывающей уплату налога налогоплательщиком и его принудительное взыскание государством.

Литература:

1. Анохин А.Е. Вина как элемент состава налогового правонарушения. Формы вины / Юридический мир. 2001. N 5. С. 49.
2. Винницкий Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб, 2003. С. 249-250.
3. Горош Ю.В. Принципы правового регулирования налоговых отношений. М.: Юрист, 1998. N 3. С. 21;
4. Гуреев В.И. Налоговое право. М., 1997. С. 74.
5. Гуреев В.И. Правовые проблемы совершенствования налоговой системы России: Дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1999. С. 57.
6. Демин А.В. Налоговое право России: учебное пособие – М.: РУМЦ ЮО, 2006.
7. Демин А. Общие принципы налогообложения (Анализ судебно-арбитражной практики) / Хозяйство и право. 1998. N 2. С. 96.

8. Карасева М.В. Финансовое правоотношение: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1998. С. 19.
9. Карасева М.В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997. С. 146.
10. Кучеров И.И. Новый концептуальный подход к определению налога / Финансовое право, 2008, № 1. С. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. N 20-П
11. Налоговый кодекс Российской Федерации. (Часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 30.06.2008) / Собрание законодательства РФ, N 31, 03.08.1998, ст. 3824.
12. Налоговое право: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист, 1998. С. 3.
13. Налоговое право России: Учебник / Отв. ред. Ю.А. Крохина. М., 2003. С. 39-40.
14. Осетрова Н.И. К вопросу о сущности и определении налогов / Налоговый вестник. 2000. N 6. С. 150.
15. Петрова Г.В. Налоговое право: Учебник для вузов. М., 1997. С. 5.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1997 г. N 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11(1) Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О Государственной границе Российской Федерации» в редакции от 19 июля 1997 года» / Собрание законодательства Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. N 46 ст. 5339.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. N 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» / Собрание законодательства Российской Федерации от 6 января 1997 г. N 1 ст. 197.
18. Пронин С.Б. Правовые основы взыскания задолженностей по налогам и другим обязательным платежам в бюджеты и государственные внебюджетные фонды / Юридический бюллетень предпринимателя. М., 1998. N 2. С. 62;
19. Слуцкий М.И. Популярны лекции по финансовому праву. СПб, 1902. С. 23.
20. Соловьев В.А. О правовой природе налога / Журнал российского права. 2002. N3.
21. Тернова Л.В. Юридическая ответственность за нарушение налогового законодательства: теоретико-правовой аспект: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1999. С. 16;
22. Финансовое право: Учебник / Под ред. О.Н. Горбуновой. М., 1996. С. 181.
23. Химичева Н.И. Налоговое право: Учебник. М., 1997. С. 5.

ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ

Деликтоспособность имеет свои признаки, в соответствии с которыми определяется, во-первых, её наличие и, во-вторых, её объём. Нельзя с уверенностью утверждать, что у всех субъектов права эти признаки одинаковы, поскольку отдельные участники правоотношений деликтоспособны в зависимости от совершенно разных факторов. Например, у физических лиц этими признаками выступают психическое состояние и возраст, а у юридических лиц – цель деятельности и законодательная конструкция ответственности в зависимости от их организационно-правовой формы. Именно с учётом этих особенностей и следует рассматривать признаки деликтоспособности.

Основным показателем деликтоспособности физических лиц выступает возраст. Юридическая ответственность во всех её проявлениях наступает только с того возраста, который определён законом для субъекта правонарушения [33, 550]. Это обусловлено различным объёмом возможностей самостоятельно реализовывать предусмотренные законом права и обязанности в силу психологической зрелости ребенка.

Статьёй 60 Конституции РФ установлено, что гражданин РФ в полном объёме может осуществлять свои права и обязанности с 18 лет. С наступлением этого же возраста возникает и полная гражданская дееспособность, предусмотренная ст. 21 ГК РФ, то есть способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Вместе с тем, некоторые права и обязанности по российскому законодательству возникают в более старшем возрасте. В юридической литературе отмечается, что "установленный Конституцией 18-летний возраст для самостоятельного осуществления гражданином РФ прав и обязанностей не исключает необходимости определения для некоторых прав и обязанностей иных возрастных границ" [1, 450].

В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 97 Конституции РФ депутатом Государственной Думы может стать лицо, достигшее 21 года, а для получения должности судьи ст. 119 Конституции РФ устанавливает возраст в 25 лет. Безусловно, это связано с тем, что до наступления указанного возраста индивид ещё не является зрелым, не имеет

определенного жизненного опыта и в полном объёме нести ответственность за свои действия не может. В 18 лет лицо достигает совершеннолетия, но взрослым ещё не становится. Поэтому лиц в возрасте от 18 лет и немного старше относить к такой категории населения как "взрослые" представляется спорным [25, 6].

Начальный возраст уголовной ответственности представляет собой яркий показатель законности, социальной справедливости и гуманизма [36, 62]. Общим возрастом уголовной ответственности является достижение 16 лет, но за некоторые преступления ответственность наступает с 14 лет. Такие преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких, причём их перечень исчерпывающим образом установлен ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Существует мнение, согласно которому возраст несовершеннолетнего определённым образом связан с его психическим состоянием [21, 38-39]. Однако данное представление является дискуссионным, поскольку связь вменяемости субъекта преступления с достижением им определённого возрастного порога далеко не всегда имеет место. Невменяемым может быть признано только лицо, у которого присутствуют дефекты психики. Поэтому, согласно смыслу закона, в каждом конкретном случае при определении невменяемости необходимо выяснить причины, которые повлекли недостатки интеллектуальной и волевой сфер деятельности личности. Возраст лица здесь является скорее второстепенной категорией, нежели главной. По тому же основанию нельзя согласиться с утверждением, согласно которому несовершеннолетние в силу психологических особенностей (уровень социализации, недостатки в психическом развитии и прочее) относятся к числу лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости.

Вместе с тем установление возраста уголовной ответственности вовсе не означает, что субъект преступления может быть привлечён к ответственности. Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста, с которого он может быть привлечён к уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Многими учёными поднимался вопрос о том, что же означает формулировка закона «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» [29, 22]. Стоит ли расценивать

это только как задержки развития или же речь идёт о других нарушениях в развитии?

По мнению психологов, нормы ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ вообще не согласованы [18, 168]. Подросток освобождается от уголовной ответственности, если он не страдает психическим расстройством, но у него обнаруживается отставание в психическом развитии вследствие педагогической и социальной запущенности. В то же время как несовершеннолетний, который страдает олигофренией, а также находится в стадии глубокой ремиссии шизофренического процесса и признан вменяемым по данному уголовному делу, но не способен в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность своих действий, подлежит уголовной ответственности [16, 29].

Возраст как научная категория состоит из нескольких сгруппированных временных отрезков. В этом плане следует обратиться к ранее применявшейся в СССР периодизации возраста, которая включала в себя ряд этапов. Например, юность являлась первым периодом (она также именовалась старшим школьным возрастом) – 15-17 лет, второй период действовал в 17-21 год. Понятие «зрелый возраст» охватывало первый период – 21-35 лет, второй период – 35-60 лет [14, 46]. Получается, лица до 21 года не считались взрослыми. Некоторые авторы предлагают использовать подобную градацию возраста и в настоящее время [25, 6].

Представители психологии отмечают, что «наряду с элементами взрослого статуса юноша еще сохраняет черты зависимости, сближающие его положение с положением ребенка» [12, 148]. Между тем, уголовное законодательство наделяет полной деликтоспособностью лиц, не достигших 18 лет (в частности, общий возраст субъекта преступления – 16 лет, а в отдельных случаях – 14). Это объясняется повышенной степенью общественной опасности преступлений, совершаемых в этом возрасте.

Вместе с тем гл. 14 УК РФ предусматривает особенности при назначении уголовных наказаний несовершеннолетним и применения к ним мер принудительного воздействия, что связано с их психофизиологическими данными, которые обусловлены возрастом. Также определённые гарантии несовершеннолетним, подлежащим привлечению к уголовной ответственности, установлены уголовно-процессуальным законодательством при проведении предварительного расследования и судебного разбирательства. Более того, в гл. 14 УК РФ появились нормы о возможности применения положений этой главы и к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет, согласно которым в исключительных случаях, с учётом характера совершенного

деяния и личности, суд может распространить на этих лиц нормы УК РФ, относящиеся к несовершеннолетним.

Однозначно относить лиц от 18 до 20 лет к взрослым нельзя. «Сегодня нет необходимости доказывать, что к 18 годам мировоззрение человека ещё не сформировано настолько, чтобы соответствовать в полной мере мировоззрению взрослого человека. Прочная возможность противостоять негативным влияниям окружения формируется у них уже за пределами 18-летия, как правило, к 20-21 году» [23, 26].

В законодательстве иностранных государств можно найти понятие «лицо молодёжного возраста», которое учитывается, в частности, при назначении уголовного наказания. Например, в ст. 115 Уголовного кодекса Польши под «лицом молодёжного возраста» понимается лицо, которому на момент совершения противоправного деяния не исполнилось 21 года и на момент вынесения приговора в первой инстанции – 24 года [32, 45]. При этом, согласно польскому законодательству, предусмотрена уголовная ответственность несовершеннолетних с 17 лет, а в отдельных случаях – с 15 лет.

В статье 69 Уголовного кодекса Испании говорится, что «к лицам в возрасте от 18 до 21 года, совершившим преступления, применяются положения закона об уголовной ответственности несовершеннолетних в специально предусмотренных случаях» [31, 30]. А в австрийском законодательстве содержится понятие «особые смягчающие обстоятельства». В § 34(1) Уголовного кодекса этой страны указано, что «особым смягчающим обстоятельством является, в особенности, если лицо совершает деяние в возрасте от 19 лет до 21 года» [30, 22]. В Законе о ювенальных судах ФРГ несовершеннолетние разделены по субъектному составу на три возрастные группы, и к последней группе относится молодежь в возрасте от 18 до 21 года (§2 Закона) [28, 66].

В отечественной юридической литературе говорится о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство в отношении лиц старше 18 лет. В частности, предлагается «верхнюю возрастную границу для преступников, к которым должно применяться наказание, предусмотренное уголовным законом для несовершеннолетних и имеющее особенности по сравнению с тем, которое применяется ко взрослым, более правильно определить лишь в 20 лет» [23, 27].

Таким образом, необходимо выделить понятие «молодёжный возраст», определить его границы и включить данное понятие в отраслевое законодательство, в частности, в уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное. Поскольку в данном возрасте человек хоть и считается дееспособным, но не может в полной

мере осознавать значение своих действий и, следовательно, нести юридическую ответственность за них. Некоторые авторы предлагают установить границы такого возраста с 18 до 27 лет [25, 8].

Также следует учитывать понятие «молодёжный возраст» в уголовно-исполнительном законодательстве. Например, в ст. 139 Уголовно-исполнительного кодекса РФ предусмотрена возможность оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших возраста 18 лет, но не более чем до достижения ими возраста 21 года. Это диктуется целями закрепления результатов исправления, завершения или получения ими образования и т.д. При достижении лицом 21 года оно переводится в исправительные учреждения для взрослых, что некоторыми авторами считается неправильным. В частности, В.В. Невский полагает, что «в случае перевода лица, достигшего 21 года, во взрослую колонию, оно будет двигаться по преступной стезе и теряется смысл нахождения его в воспитательной колонии. Необходимо оставлять несовершеннолетних в воспитательной колонии до окончания срока или до условно-досрочного освобождения» [22, 56]. Для решения этой проблемы предлагается также ввести воспитательные учреждения для лиц молодёжного возраста или отдельные участки в воспитательных колониях.

Другим признаком деликтоспособности физического лица является его психическое состояние. Причиной выделения этого элемента выступает категория вины как неотъемлемого условия любой юридической ответственности. [24, 32].

В различных отраслях права существует в достаточной степени универсальная формулировка принципа виновной ответственности. Вместе с тем, с учётом отраслевых особенностей имеют место различные понимания юридической категории вины. Принцип виновной ответственности формулируется, в целом, так: лицо подлежит юридической ответственности только за те противоправные общественно опасные (вредные) деяния (действия или бездействия), в отношении которых установлена его вина; объективное вменение не допускается, юридическая ответственность за невиновное нарушение закона (причинение вреда) не наступает; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу лица, привлекаемого к ответственности.

В уголовном и административном праве применительно к гражданам – субъектам уголовной (административной) ответственности – понимание вины раскрывается через ее форму: умысел или неосторожность. При таком понимании вины возможно выделение прямого и косвенного умысла, неосторожного легкомыслия и

небрежности, правонарушения с двумя формами вины. Другое понимание вины заимствовано из определения вины юридического лица по Кодексу РФ об административных правонарушениях, согласно которому лицо признается виновным в совершении правонарушения, если у него имелась возможность соблюдения правил и норм, за несоблюдение которых предусмотрена ответственность, но оно не предприняло все зависящие от него меры по их соблюдению. Такое определение вины больше направлено на объективную сторону (противоправное поведение и возможность соблюдения закона), а не на субъективную (психическое отношение), но все же ориентирует на учёт различных обстоятельств субъективного характера [26, 8].

Поскольку применительно к физическим лицам вина трактуется как психическое отношение правонарушителя к своим противоправным действиям (бездействиям) и их последствиям [11, 218], [15, 308], то отклонения в психическом состоянии человека накладывают отпечаток и на его способности самостоятельно отвечать за своё поведение.

По мнению Г.К. Матвеева, понятие вины нельзя рассматривать изолированно от законодательной оценки психического состояния лица, совершившего противоправное действие. Психическое отношение нарушителя к совершённому им действию (и последовавшим вредным последствиям) и отрицательную оценку поведения правонарушителя невозможно изолировать друг от друга. Деликвент, совершая противоправные действия, всегда предполагает, что эти действия находятся не только в объективной причинной связи с вредом, но и в определенной субъективной (психической) связи с его сознанием и волей. Отсюда следует, что действие (бездействие) признаётся виновным только в том случае, когда оно противоправно. Иными словами, виновность всегда предполагает противоправность, но не наоборот: действие может быть противоправным, но не виновным. Таким образом, в определение вины нужно внести указание на противоправность и этим подчеркнуть, что вина рассматривается всегда в единстве с противоправностью и другими признаками правонарушения [19]. В то же время неправильно было бы сводить вину только к противоправному поведению лица, поскольку это приводит к объективизации понятия вины [24, 31]. Вина и противоправность есть одинаково необходимые основания ответственности, однако вина означает субъективное (психическое) состояние правонарушителя, в то время как противоправное поведение – объективный факт.

Среди правонарушителей с хроническими психическими расстройствами чаще всего встречаются больные с диагнозом шизофрения и органическое поражение головного мозга с

выраженными изменениями психики. У некоторых лиц развиваются временные психические расстройства, в основном – психозы и реактивные состояния с депрессивно-параноидным синдромом. К этой же группе можно отнести и больных олигофренией с выраженной степенью дебильности. При всём разнообразии вариантов у подэкспертных правонарушителей отчётливо прослеживается патологическая мотивация общественно опасных действий, когда они совершают правонарушения преимущественно по болезненным мотивам или в состоянии нарушенного сознания [27, 42]. Юридическое значение квалификации неспособности лица, совершившего преступление, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства, заключается в возможности признания его судом невменяемым (ст. 21 УК РФ) и применения принудительных мер медицинского характера (ст.ст. 97-99 УК РФ).

Данная способность, прежде всего, зависит от категории вменяемости субъекта. Однако ни в одном нормативно-правовом акте вменяемость не получила должного определения. Так, Уголовный кодекс РФ в статье 21 называет лишь категорию «невменяемости», исходя из которой правовая доктрина, обычно, выводит понятие вменяемости. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое находилось во время совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости, т.е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Вместе с тем, среди лиц, совершивших преступления и признанных вменяемыми, распространены случаи так называемого «пограничного расстройства психики», что рассматривается как психические аномалии в рамках вменяемости [29, 19]. В ст. 22 УК РФ не содержит понятия так называемой ограниченной (уменьшенной) вменяемости, но даёт некоторые её признаки, когда лицо «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), либо руководить ими». В этой связи в теории уголовного права на протяжении длительного времени высказывается мнение, которое подтверждено результатами криминологических и медицинских исследований [17], о необходимости добавления в уголовный закон специальной нормы об ограниченной вменяемости [7, 50].

При анализе нормативных актов, многие учёные выделяют определённые противоречия в понятии неделиктоспособности [3, 551], а исходя из этого и понятия деликтоспособности. Так, согласно Гражданскому кодексу РФ категория деликтоспособности тесно связана с категорией дееспособности. Соответственно, лицо, не имеющее дееспособности, не имеет и деликтоспособности. Медицинским критерием для этого является наличие психического расстройства, не позволяющего гражданину понимать значение своих действий или руководить ими. В ст. 2.8. Кодекса об административных правонарушениях РФ таким критерием выступает хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие и иное болезненное состояние психики. Налоговый кодекс РФ в ст. 111 называет невменяемостью состояние, при котором лицо не могло отдавать себе отчёта в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния.

Исходя из изложенного, определение критериев неделиктоспособности должно иметь общий для всех нормативных правовых актов показатель. Как указывает С.Н. Шишков, достаточно использовать одно наименование – психическое расстройство [35, 36]. Однако с этим мнением трудно согласиться, поскольку наличие одного лишь психического расстройства недостаточно, чтобы признать человека неделиктоспособным. Психические расстройства бывают разными. Одни из них объективно лишают человека возможности контролировать свои действия и понимать их значение (например, олигофрения или слабоумие), другие же проявляются периодически, во время так называемых приступов (рекуррентная шизофрения). В связи с этим можно выделить ещё одну составляющую деликтоспособности – юридическую.

Юридический критерий невменяемости также вызывает некоторую неопределённость [33, 551]. В частности, НК РФ выделяет его в форме отсутствия способности отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими, хотя по общим принципам правоотношений субъект должен осознавать также общественную опасность своих действий, их противоправность и вредность [33, 551]. В этой связи УК РФ называет юридическим критерием неделиктоспособности отсутствие способности осознавать общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. ГК РФ называет лишь отсутствие способности понимать значение своих действий или руководить ими, а КоАП РФ считает таковым отсутствие у субъекта способности осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействий). Таким образом, можно прийти к выводу, что осознание

противоправности возможно только в том случае, когда имеется способность осознавать общественную опасность. Поэтому расплывчатая формулировка НК РФ в виде «неспособности отдавать отчёт» позволяет подвести к случаям правонарушения любые отклонения в состоянии здоровья, а не только психические расстройства.

Некоторые авторы приходят к выводу, что определение невменяемости должно происходить через призму категорий правосубъектности и деликтоспособности [35, 32-36], [33, 552]. Это позволит дать понятие невменяемости как разновидности неделиктоспособности.

Признаком деликтоспособности юридического лица является законодательная конструкция его ответственности. Как правило, на это оказывает влияние организационно-правовая форма. В частности, согласно гражданскому законодательству любое юридическое лицо отвечает по собственным долгам всем принадлежащим ему имуществом. Однако ряд юридических лиц разделяют имущественную ответственность со своими участниками (например, хозяйственные товарищества, производственные кооперативы, многие некоммерческие организации).

Вместе с тем, благодаря законодательно закреплённой дополнительной ответственности учредителей юридических лиц на практике возможна ситуация, когда организация де-факто может не обладать имущественной деликтоспособностью вообще. Для примера можно обратиться к конструкции хозяйственных товариществ. Законодательство не устанавливает специальных требований к складочному капиталу товариществ, кроме одного: 50% капитала оплачиваются к моменту государственной регистрации товарищества, а остальная часть – в срок, установленный учредительным договором. Иными словами, товарищи могут не отвлекать собственные средства или имущество на оплату складочного капитала, установив его, предположим, в размере 10 руб. с оплатой в течение 10 лет; даже это будет полностью отвечать требованиям законодательства [8, 21]. Отсюда вытекает, что любая имущественная ответственность в обозначенном примере будет полностью перекладываться на плечи учредителей товарищества.

Юридическое лицо приобретает свойство деликтоспособности с момента государственной регистрации, а, следовательно, с момента своего создания может привлекаться к юридической ответственности. Изменение правового статуса юридического лица, влекущее его переход

в иное организационное состояние следующим образом отражается на деликтоспособности этого юридического лица:

- при слиянии нескольких юридических лиц к ответственности за совершение правонарушения (например, административного) привлекается вновь возникшее юридическое лицо;
- при присоединении юридического лица к другому юридическому лицу – присоединившее юридическое лицо;
- при разделении юридического лица или при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц – то юридическое лицо, к которому согласно разделительному балансу перешли права и обязанности по заключенным сделкам или имуществу, в связи с которыми было совершено правонарушение;
- при преобразовании юридического лица одного вида в юридическое лицо другого вида – вновь возникшее юридическое лицо.

Привлечение к ответственности в случае реорганизации осуществляется независимо от того, было ли известно привлекаемому к ответственности юридическому лицу о факте правонарушения до завершения реорганизации либо нет.

Немаловажным признаком деликтоспособности юридического лица выступает также возможность особого влияния на его деятельность другой организации. В частности, речь идёт о дочерних и зависимых компаниях [10, 8-11], когда общество в силу преобладающего участия в уставном капитале другого либо в соответствии с заключённым между ними договором имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом. Несмотря на то, что дочернее общество зависит от основного, тем не менее, оно является самостоятельным субъектом права и по общему правилу обладает самостоятельной деликтоспособностью. Однако согласно закреплённому в абз. 2 п. 2 ст. 105 ГК и абз. 2 п. 3 ст. 6 Закона «Об акционерных обществах» [5] принципу, основное общество, которое имеет право давать дочернему обществу обязательные для последнего указания, отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключённым последним во исполнение таких указаний. Ю.А. Метелева отмечает, что в действующем законодательстве установлена слишком широкая ответственность основного общества по сделкам дочернего общества, заключённым во исполнение обязательного для него указания основного общества. Это приводит к тому, что основное общество несёт солидарную ответственность за исполнение таких сделок дочерним

обществом и в том случае, когда у последнего вполне достаточно собственных средств для исполнения сделки. То есть при наличии фактической деликтоспособности зависимой организации юридически она остаётся по некоторым сделкам неделиктоспособна. В связи с вышеизложенным, Ю.А. Метелева предлагает внести в законодательство уточняющую норму о том, что ответственность основного общества наступает только в том случае, если у дочернего не хватает средств для исполнения сделки, т.е. ввести субсидиарную, а не солидарную ответственность [20, 190].

В отличие от физических и юридических лиц признаки деликтоспособности публично-правовых образований (прежде всего, государства и муниципальных образований) упираются в специфику отдельных видов юридической ответственности. Так, если речь идёт об ответственности за имущественный вред, причинённый публично-правовым образованием другим субъектам права, то деликтоспособность публично-правового образования совпадает с признаками деликтоспособности юридического лица (когда ответственность налагается на публично-правовое образование в целом, а не на фактически виновных в имущественном правонарушении лиц). Если же речь идёт об отдельных видах публично-правовой ответственности (например, уголовной), то здесь признаки деликтоспособности совпадают с критериями деликтоспособности физического лица, поскольку за уголовные правонарушения публично-правовое образование отвечать не может (она налагается на конкретно виновных физических лиц). Вместе с тем, если говорить об административной или муниципальной ответственности [6], то здесь деликтоспособность публично-правового образования распространяется на отдельные его органы и должностных лиц (например, досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования, роспуск представительного органа и др.).

Таким образом, можно прийти к выводу, что критерии определения деликтоспособности различны в зависимости от специфики субъекта права. В одних случаях они связаны с субъективными качествами лица (как состояние психики человека), в других – с законодательной конструкцией юридической ответственности (как у юридических лиц), в некоторых случаях – от вида юридической ответственности (как это происходит у публично-правовых образований). Вместе с тем на уровне нормативно-правового регулирования и в правоприменительной практике признаки деликтоспособности нуждаются в корректировке и более тщательной

научной проработке. Особенности деликтоспособности отдельных субъектов права посвящена третья глава данного исследования.

Литература:

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12.12.1993 / «РГ», №237, 25.12.1993.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ / СЗ РФ от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ / СЗ РФ от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ / СЗ РФ от 3 августа 1998 г. N 31 ст. 3824.
5. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ "Об акционерных обществах" / СЗ РФ от 1 января 1996 г. N 1 ст. 1.
6. Алексеева И.А. «Содержание и виды муниципально-правовой ответственности» / "Журнал российского права", 2006, N 9.
7. Антонян Ю., Бородин С. Изучение правонарушителей с психическими аномалиями / Социалистическая законность. 1985. №2.
8. Беляева О.А. Предпринимательское право: Учебное пособие. - Юридическая фирма "Контракт", "ИНФРА-М", 2006 г.
9. Военное право: Учебник. Серия "Право в Вооруженных Силах - консультант". - М.: За права военнослужащих, 2004.
10. Горбунов А.Р. Дочерние компании, филиалы, холдинги. Организационные структуры. Консолидированный баланс. Налоговое планирование. М.: АНКИЛ, 1997.
11. Гражданское право. Том I (под ред. доктора юридических наук, профессора Е.А.Суханова). - М.: Волтерс Клувер, 2004.
12. Давыдов В.В., Драгунова Т.В., Ительсон Л.Б. и др. Возрастная и педагогическая психология: Учебник для студентов пединститутов / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979.
13. Иванов Н.Г. Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики / Государство и право. - 1997. - №3.
14. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1985.
15. Коновалов С.А. Значение состава гражданского правонарушения / "Российская юстиция", N 12, декабрь 2007 г.
16. Кудрявцев И., Морозова М. Ответственность несовершеннолетних: некоторые парадоксы нового УК / Российская юстиция. 1997, №8.
17. Кудрявцев И.А. Ограниченная вменяемость / Государство и право. - 1995, №5.
18. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей. М., 1985.
19. Матвеев Г.К. Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1951.
20. Метелева Ю.А. Правовое положение акционера в акционерном обществе. М.: Статут, 1999.
21. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983.
22. Невский В.В. Некоторые предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства / Несовершеннолетние в уголовно-

- исполнительной системе России: проблемы исполнения наказаний, социальной адаптации и их совершенствования. М., 2002.
23. Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М., 2003.
 24. Панова И.В. Ещё раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности / "Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации", N 8, август 2007 г.
 25. Руднев В.И. О возможности введения понятия "лицо молодежного возраста" в уголовное и другие отрасли законодательства / "Журнал российского права", N 5, май 2005 г.
 26. Сидякин А.Г. Принцип виновной ответственности и фактор вины в избирательном процессе / "Журнал российского права", N 1, январь 2005г.
 27. Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка / "Российская юстиция", 1998, N 3.
 28. Соколов А., Предеина И. Ювенальное уголовное судопроизводство Германии / Российская юстиция. 2004. N 3.
 29. Уголовная ответственность несовершеннолетних: науч. – практ. пособие / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Юрид. лит. 1999.
 30. Уголовный кодекс Австрии / Пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. М., 2001.
 31. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998
 32. Уголовный кодекс Республики Польша/ Под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.
 33. Хачатуров Р.Л., Д.А. Липинский. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2007.
 34. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт-М, 2001.
 35. Шишков С.Н. Уголовный кодекс и проблемы невменяемости / Журнал российского права. – 1998. - №1
 36. Ювенальное право. / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. - ЗАО Юстицинформ, 2005 г.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

Длительное время в международном праве не поднимался вопрос о создании международного судебного органа способного разрешать споры между субъектами международного права. Такой суд был создан в 1945 году – Международный Суд ООН, или как его громко именуют «Всемирный суд».

Организационное оформление третейского способа разрешения международных споров состоялось еще в начале XX века, после Первой Гаагской конференции мира 1899 года, созванной по инициативе России. Державы, участвовавшие в конференции, подписали Гаагскую конвенцию о мирном решении международных споров, в соответствии с которой обязались прилагать максимальные усилия, чтобы обеспечить урегулирование международных разногласий мирными средствами с целью избежать, насколько это возможно, применения силы в отношениях между государствами. Участники Конвенции учредили Постоянную Палату третейского суда. Хотя Палата была создана как постоянный орган, она не стала постоянно действующим судом, в полном смысле этого слова. Конвенция предусматривала составление списка из 150-200 лиц по 4 судьи от каждого договаривающегося государства, из которого государства могли выбирать одного или более арбитров, образующих состав суда для рассмотрения того или иного конкретного спора. Деятельность Постоянной Палаты предполагала, что два государства, являющиеся сторонами в споре, преисполнены искреннего желания, урегулировать спор. Они должны не только заранее договориться о передаче дела в Суд, но и достигнуть соглашения относительно назначения судей и определения круга вопросов, которые предстоит решить Суду. Совершенно очевидно, что переговоры о заключении такого соглашения могут быть длительными и сложными. С момента создания Палата осуществила всего пятнадцать арбитражей, которые имели скорее второстепенное значение в международной практике.

Таким образом, как отметил Н.Н. Полянский, «Постоянную Палату третейского суда нельзя назвать судом вообще. Он не представляет собою постоянной организации для разбора тяжб между государствами, так как вместо такой организации в действительности существует лишь список арбитров, предоставляемый в распоряжение

сторон, которые в случае конфликта могут выбирать из этого списка членов для назначения в состав суда» [8, 16]. Очевидно, что неэффективность Постоянной Палаты третейского суда заложена в организации ее деятельности.

Фактически история международных судебных органов ведет отсчет от Постоянной Палаты Международного Правосудия при Лиге Наций - первого универсального международного судебного органа общей компетенции. Создание в 1920 году Постоянной Палаты Международного Правосудия, предусмотренной статьей 14 Статута Лиги Наций, ознаменовало большой шаг вперед в области судебного разрешения международных споров. Постоянная Палата в любой момент была готова к выполнению своих функций.

Вопрос об обязательной юрисдикции Палаты был поднят на первой же Ассамблее Лиги, посвященной рассмотрению Статута, и стал предметом бурных споров. В результате компромисса была принята ст. 36 о так называемой «факультативной клаузуле». Суть ее заключалась в том, что члены Лиги Наций и государства, упомянутые в приложении к пакту Лиги, могут в любое время заявить о своем согласии, признать для себя обязательной в отношении любого государства, принявшего на себя такое же обязательство, юрисдикцию Палаты «по перечисленным в этой статье категориям споров» [8, 22].

Палата готова была принять спор к рассмотрению в любое время, кроме того, было позволено признавать юрисдикцию суда не только при рассмотрении какого-то конкретного спора, но и всех споров, которые могут возникнуть в будущем, то есть до его возникновения. К 1939 году обязательную юрисдикцию Палаты в той или иной мере признавали 65 государств. За все время ее фактического существования, то есть с января 1922 года по февраль 1940 года, на рассмотрение Палаты было передано 79 дел, а за исключением 12 прекращенных и 2 просьб об интерпретации - 65 дел [11, 31]. В подавляющем большинстве случаев речь шла о внутриевропейских спорах и проблемах, игравших относительно небольшую роль в развитии многосторонних и двусторонних международных отношений. Помимо осуществления правосудия, то есть вынесения решений по спорным делам, Постоянная Палата была вправе высказывать свое мнение по юридическим вопросам по просьбе Совета и Ассамблеи Лиги Наций. Таким образом, впервые появился международный суд общего характера, и государство могло в одностороннем порядке возбудить в нем дело против другого государства, причем стороны в споре не должны были приходить в предварительном порядке к соглашению о составе суда и о тех вопросах, которые должны были быть представлены на его рассмотрение.

На основании статьи 14 Статута Лиги Наций в 1920 году Советом Лиги Наций была образована специальная комиссия юристов, разработавшая проект Статута суда, который был одобрен в декабре того же года Советом и Ассамблеей Лиги Наций. В 1921 году состоялось избрание судей - членов Постоянной Палаты Международного Правосудия. Судьи избирались сроком на девять лет. Вначале суд состоял из одиннадцати судей и четырех заместителей, затем число судей было доведено до пятнадцати.

Первое заседание Постоянной Палаты Международного Правосудия состоялось в 1922 году. Деятельность этого судебного органа была прервана во время Второй мировой войны, а в 1946 году Постоянная Палата Международного Правосудия была распущена в связи с прекращением деятельности Лиги наций. Вклад Палаты в мирное разрешение межгосударственных споров оказался довольно скромным. «По подсчетам Палата рассмотрела всего одну сотую процента всех тех дел, возникших за период ее существования. Совет Лиги Наций передавал на рассмотрение Палаты только дела, не затрагивавшие серьезных интересов империалистических держав» [8, 24]. Выносимые ею решения и консультативные заключения были далеки от беспристрастности. Нейтральность и независимость Палаты оставалась чисто номинальными. Полянский Н.Н. сравнивает Постоянную Палату с «декорацией на исторической сцене, на которой, совершенно не считаясь с палатой, политические лицедеи завязывали и развязывали узлы интриг». По сути дела, Постоянная Палата международного правосудия «превратилась в политический орган держав, служила целям легитимации империалистической политики» [11, 31-32].

Хотя международное право обладало зачатками механизма разрешения споров между государствами, было решено создать эффективный Всемирный суд.

Однако как показывает практика за полувековую деятельность Международного Суда ООН вопрос о его роли в международных отношениях поднимался многократно, начиная с момента его создания. В современном практическом и научном понимании этот вопрос достиг определенного осмысления, что обусловлено наличием достаточно серьезной практики, позволяющей провести анализ его эффективности и путей ее повышения. Вопрос об эффективности правосудия уже поднимался в отечественной науке, в частности в трудах И.Л. Петрухина, Г.П. Батунова и Т.Г. Морщаковой, по мнению которых «в предмет теории эффективности правосудия входит:

1) разработка общей концепции эффективности правосудия и системы критериев и показателей эффективности правосудия;

2) изучение системы факторов (гарантий), оказывающих влияние на эффективность правосудия, и степени эффективности правосудия;

3) разработка научно обоснованных мер повышения эффективности правосудия». [7, 106-107].

Придерживаясь указанной структуры вопроса, прежде всего, необходимо сформулировать определения понятий «эффективный» и соответственно «эффективный Международный Суд ООН».

Обращаясь к толковым словарям и энциклопедиям, можно выделить некоторые наиболее подходящие определения к понятию «эффективный». Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой определяет понятие «эффективный», как «дающий эффект, действенный» [6]. Словарь Ефремовой содержит определение «эффективного», как «приводящего к нужным результатам, действенного, дающего наибольший эффект, очевидные результаты, плодотворного, продуктивного» [10]. Большая Советская Энциклопедия понятие «эффективный» определяет, как «дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный, деятельный» [2].

Таким образом, можно выделить несколько общих признаков характеризующих понятие «эффективный»:

1. Дающий наибольший эффект. Эффект – «Результат действия кого-либо, чего-либо или следствие каких-либо причин, впечатление, произведенное кем-либо, чем-либо, психологическое воздействие, оказанное на кого-либо» [10]. С.И. Ожегов эффект ассоциирует со словом «следствие» [5]. То есть эффективность, всегда предполагает какой-либо наибольший, максимальный результат действия или деятельности.

2. Действительный – «оказывающий сильное воздействие на кого-либо, что-либо, дающий наилучший результат, способный активно действовать, воздействовать» [10]. Эффективность предполагает возможность оказания сильного, активного воздействия с наилучшим результатом.

3. Деятельный – «производящий какие-либо ценности, дающий очевидные результаты» [10]. При определении эффективности необходимо оценить ценность, результативность, определяющиеся многими показателями.

4. Дающий нужные, запланированные, «идеальные» результаты.

В результате, суммируя вышеназванные признаки, можно дать следующее определение понятию «эффективный» – это признак кого-либо, чего-либо, характеризующийся наилучшими, ценными,

запланированными или идеальными результатами, определяющиеся показателями, с учетом достижения их путем оказания воздействия или в результате деятельности кого-либо, чего-либо.

Также следует различать понятия критерия и показателя эффективности. С.И. Ожегов понятие «критерий» определяет как «мерило оценки»[5], а «показатель» как «то, по чему можно судить о развитии и ходе чего-нибудь» [5]. Значит, говоря о критериях эффективности, в качестве таковых следует принимать какие-либо наилучшие результаты деятельности, отраженные в целях и задачах, «выражающие идеальный мыслительный образ создаваемой ценности» [4, 53]. Говоря о показателях эффективности, следует понимать, что это факторы, определяющие конкретные критерии эффективности. И.Л. Петрухин указывает на соотношение понятий критерии, показатели эффективности и раскрывает прямую взаимосвязь между «показателями эффективности деятельности суда на критерии эффективности правосудия в целом» [3, 98-99].

В теории права существует несколько подходов к определению критериев эффективности правосудия. В частности И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров и Т.Г. Морщакова в своей работе выводят критерии эффективности из «компонентов оптимального правосудия» [7, 258], при этом критерии оценки уровня правосудия делят на общие и частные. «Общие отражают производительность труда в судах, т.е. время, затрачиваемое в среднем на одну трудовую операцию, и уменьшение издержек на отправление правосудия. К частным критериям относятся служебная нагрузка судей, осуществление принципа специализации в судах ... и другие» [7, 258].

Исходя из определения понятия «эффективности» можно дать следующее определение, эффективное правосудие – это судебная деятельность, характеризующаяся наилучшими показателями, составляющими критерии целесообразности и результативности.

Показатель целесообразности означает «соответствие поставленной полезной цели» [5, 853]. Показатель результативности говорит о продуктивности правосудия, исходя из конечного итога его плодотворной деятельности в целом, либо за определенный период, являющегося показателем полезности правосудия в осуществлении своих целей и задач. Так, для того чтобы сделать вывод о том, является ли судебный орган эффективным, необходимо установить соответствие поставленных целей деятельности и полученных результатов в процессе ее осуществления, степень чего будет установлена в отношении Международного Суда ООН во второй главе данной работы.

Мнения о показателях эффективности правосудия различны. Бесспорно, что единые показатели эффективности суда вывести достаточно сложно, так как на сегодняшний день действует множество различных по своим целям, задачам, предмету и организации судебных органов. Необходимо проводить различие между эффективностью государственных судебных органов от международных, чьи показатели могут принципиально отличаться. Так эффективность государственных судебных органов оценивают посредством анализа следующих показателей: качество работы; доступность правосудия; тенденция увеличения объема выполняемой судом работы; увеличение количества рассмотренных дел, подлежащих пересмотру; соблюдение процессуальных сроков дел [9].

Эффективность Международного Суда ООН также можно определить установлением соответствия и согласованности признаков целесообразности и результативности, которые определяются следующими показателями:

1. Реализация в работе Суда принципов международного права, в том числе внесение весомого вклада в установление и поддержание международного мира и безопасности и приоритетное направление защиты прав и свобод человека.

2. В количественном отношении можно обозначить несколько показателей:

- количество разрешенных международных споров в процентном отношении к общему количеству обращений, либо как процент исполненных судебных решений без обращения к другим способам разрешения международных споров, без использования международных санкций и взаимных ограничений;
- соотношение подготовленных и направленных в различные международные органы рекомендаций и положительных реакций на них;
- количество принятых международных документов и внесенных в действующие международные акты поправок, как в рамках Организации Объединенных Наций, так и за ее пределами на основе его решений и консультативных заключений;
- уменьшение количества споров, возникающих по рассмотренным ранее аналогичным ситуациям, по которым было вынесено решение.

3. В отношении сроков разрешения споров можно выделить показатель оперативности в рассмотрении поданных заявлений, дел по существу и вынесения консультативных заключений.

4. Установление тесных контактов с международными правительственными и неправительственными организациями, в том числе с международными органами правосудия.

5. Компетентность состава суда и его аппарата, оптимальная структура и надлежащая организация работы аппарата Суда.

Кроме критериев и показателей эффективности необходимо остановиться и на факторах, условиях и предпосылках повышения эффективности Международного Суда ООН, которые выражаются в причинах, явлениях, способствующих тенденции роста уровня эффективности.

На повышении эффективности деятельности Международного Суда ООН оказывает влияние следующее:

1. Состояние международного сообщества и каждого отдельно взятого государства, характеризующееся историческими, политическими, идеологическими, экономическими, социальными и другими признаками.

2. Развитие международного права, в том числе императивных норм, действующие международно-правовые нормы, определяют принципы международного правосудия, в том числе принципы открытости, доступности, независимости, самостоятельности.

3. Развитие механизмов мирного разрешения споров.

4. Интересы субъектов международных отношений, прежде всего, интересы государств. Как отмечает Л.Х. Мингазов, «объективной предпосылкой эффективности являются интересы государства, которые представляют собой выражение его потребностей и обуславливаются материальными и социальными ценностями жизни общества. Они выступают в качестве причин, побудительных мотивов поведения государств» [4, 117].

Таким образом, эффективность Международного Суда ООН можно определить посредством диагностики двух критериев эффективности: целесообразность и результативность. На эффективность оказывают влияние множество независимых от него факторов и условий.

На протяжении своей деятельности Международный Суд ООН пережил несколько взрывов и кризисов своей популярности, которые оказали существенное влияние на его эффективность. Однако, несмотря на это, Международный Суд ООН на сегодняшний момент имеет большую практику рассмотрения международных споров и дачи консультативных заключений. Анализ развития современного международного права и международных отношений показал, что

Международный Суд ООН превратился в один из важных центров исследования и толкования современного международного права.

Конечно, на сегодняшний момент мы не можем утверждать, что Международный Суд является наиболее эффективной формой разрешения международных споров. Тем не менее, есть все основания сказать, что Международный Суд ООН уже внес весомый вклад в дело предотвращения, смягчения и даже прекращения ряда локальных конфликтов, в особенности на Африканском континенте. Призыв «мир через право и справедливость» не утратил своей привлекательности и своего значения, но жизнь заставляет более реалистично и трезво оценивать возможности правовых регуляторов общественного развития. Суд, в самом прямом смысле этого слова, не может быть единственным гарантом мира.

Литература:

1. Большая Советская Энциклопедия / [Электронный доступ]: <http://bse.studentport.su/short.php?id=103536>.
2. Маликов М.Ф. Теоретические основы эффективности правосудия / М.Ф. Маликов, И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. М.: Изд-во "Наука", 1979. 392 с.: [Рецензия] / Правоведение. 1981. № 4. С. 98-99.
3. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1999. С.53.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцовой. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Изд. дом «ОНИКС 21 век»», 2005. С.890.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю.Шведовой: <http://ak.ak22.net/dict>
6. Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т.Г. Морщакова. М.: Изд-во "Наука", 1979. С.106-107.
7. Полянский Н.Н. Международный Суд. С.16.
8. Председатель Арбитражного суда Хакасии Н. Сенаторова. Об Арбитражном суде Хакасии. 12 июля 2006г: <http://www.vg-news.ru/columns/society/society-120706-013855.php>.
9. Словарь Ефремовой: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d1/134988.html>
10. Энтин М.Л. Международные судебные учреждения. М.: Изд-во «Международные отношения», 1984. С.31

Димитриева Н.Т.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
проректор по учебной работе
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Несмотря на все достоинства ГК РФ, в нем отсутствует позиция защиты интересов покупателей по договору поставки, а в ряде случаев и прямо предусмотрен приоритет производителей (поставщиков).

Такой вывод следует из целого ряда положений ГК РФ. Так, согласно п. 3 ст. 455 ГК РФ условие договора о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить его наименование и количество.

Применительно же к поставке это, как правило, должен быть еще и ассортимент товаров, ибо стабильность розничной торговли, как известно, определяется полнотой и устойчивостью ассортимента реализуемых товаров. От состава ассортимента и его постоянного обновления зависят не только увеличение товарооборота, ускорение реализации товаров и, следовательно, финансовые показатели розничных торговых организаций.

Отсутствие в магазинах нужных товаров, их узкий, нестабильный или не соответствующий запросам потребителей ассортимент порождает, как известно, неудовлетворенный спрос населения, что, в свою очередь, создает напряженность в обществе¹.

Так, согласно п. 3 указанной статьи производителям (поставщикам) предоставляются дополнительные (помимо перечисленных в ст. 523 ГК РФ) основания для отказа от исполнения договора. Причем здесь не требуется неоднократного нарушения договорного обязательства, а достаточно лишь однократного непредставления покупателем отгрузочной разрядки в установленный срок. Данная норма предусматривает и альтернативу - потребовать от покупателя оплаты товаров, а также возмещения убытков, причиненных в связи с непредставлением отгрузочной разрядки.

Основываясь на провозглашенном ГК РФ принципе равенства юридических прав и обязанностей сторон, логичнее было бы при непредставлении (просрочке) представления покупателем отгрузочной разрядки отгрузку осуществлять непосредственно в адрес стороны по

¹ Богданова Е.Е. Принцип реального исполнения обязательств в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика, 2007, N 3. – С. 61.

договору с взысканием с нее предусмотренных договором штрафов (пени, неустойки) и причиненных убытков².

В то же время для поставщиков (изготовителей) ГК РФ предусматривает ряд существенных послаблений, что, по сути, создает им льготный режим для поставок. Это касается, например, поставки товаров ненадлежащего качества, некомплектных. Так, при поставке некачественных или некомплектных товаров (п. 1 ст. 518, п. 1 ст. 519 ГК РФ) правило ст. 475 ГК РФ (право выбора покупателем правовых средств защиты) применению не подлежит.

В таких случаях товар может быть лишь заменен или доукомплектован производителем (поставщиком) без промедления (причем, как следует из текста указанных статей, без согласия на это покупателя). И только после невыполнения производителем (поставщиком) указанной обязанности покупатель вправе приобрести необходимые ему товары у других лиц, с отнесением на нарушителя всех необходимых и разумных расходов на их приобретение (п. 1 ст. 520 ГК РФ).

Кроме этого, на наш взгляд, данная норма вряд ли стимулирует производителей на повышение качества товаров и совершенствование производственных (технологических) процессов.

Думается, что во всех случаях поставки некачественных или некомплектных товаров вопрос о выборе способа защиты своих прав должен решать покупатель, как это предусмотрено ст. 475 ГК РФ и международными правовыми нормами.

В льготном режиме для поставщиков установлены в ГК РФ и сроки поставки. Как известно, для розничной торговли бесперебойное обеспечение товарами - это залог не только для ее нормального функционирования, но и высокого качества торгового обслуживания, удовлетворения потребностей покупателей.

Действующий ГК РФ данный вопрос решает иначе: сроки поставки устанавливаются по соглашению сторон, но если в договоре они не определены, то поставка осуществляется равномерно по месяцам (ст. 508 ГК РФ).

Другим не менее существенным вопросом, затрагивающим интересы покупателей, является восполнение недопоставки, которое закреплено в ст. 396 ГК РФ в качестве общего принципа реального исполнения обязательств.

Как известно, ГК РФ в отличие от ГК РСФСР (1964 г.) существенно ограничил сферу применения данного принципа. В частности,

² Исанов С.Н. Проблемы определения срока оплаты по договору поставки // «Адвокат», N 5, 2008. - С. 18.

неисполнение обязательства по поставке влечет за собой только возмещение убытков и уплату неустойки и освобождает должника от исполнения своей обязанности в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 396 ГК РФ).

Такая ограниченность сферы применения данного принципа, бывшего ранее ключевым в поставках, как правило, объясняется тем, что плановый характер распределения продукции и товаров ранее лишал покупателя возможности приобрести их у других лиц³. В условиях же рынка такая возможность получает конкретную реализацию, и поэтому реальное исполнение может быть заменено денежной компенсацией с возложением всех понесенных расходов на должника.

В российском же законодательстве предусмотрен только один вариант – замена реального исполнения денежной компенсацией. Видимо, такое решение вытекает из понимания сущности предпринимательства – только как деятельности с целью извлечения прибыли. Иначе говоря, получит ли предприниматель те товары, которые ему должны быть поставлены по договору, или в денежном выражении ту прибыль, которую он предполагал извлечь, получив эти предметы, – эффект в конечном итоге будет одним и тем же.

Однако этот принцип малоприменим, особенно к розничной торговле. В условиях нарастающей жесткой конкуренции среди розничных сетей насыщенность магазинов качественными и разнообразными товарами, их имидж вряд ли может быть альтернативой денежной компенсации со стороны поставщиков (изготовителей), которую в условиях современной России еще и нужно получить.

Весьма примечательным является и тот факт, что положения о реальном исполнении обязательства помещены в главе 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств». Отсюда напрашивается вывод: обязанность поставщика, которую он добровольно принял на себя, законодатель рассматривает как меру ответственности, однако никакой ответственности он не несет.

С учетом изложенного думается, что нормы ГК РФ о реальном исполнении обязательств целесообразно было бы привести, как в большинстве европейских стран, в соответствие с общими принципами договорного права и правилами деловой этики. В частности, предоставить покупателям право выбора – реальное исполнение договорного обязательства или компенсацию убытков, поскольку обогащение предпринимателя, его прибыль должны быть следствием

³ Зинковский М.А. Договор поставки товара от производителя в торговые сети: баланс интересов сторон // Налоги. – 2009. – N 9. – С. 82.

его экономической деятельности, выполнения принятых им на себя договорных обязательств.

Предпочтение поставщику отдает законодатель и в ряде других положений договора поставки (при выборе транспортного средства или условий доставки товаров (п. 1 ст. 510 ГК), невыборке товаров покупателем, если соглашением сторон предусмотрен их самовывоз (п. 2 ст. 15 ГК), предоставлении дополнительных гарантий оплаты при транзитных отгрузках (ст. 516 ГК) и др.). Думается, что в этом серьезный просчет Гражданского кодекса РФ.

Помимо приоритета защиты интересов производителей (поставщиков) вызывает возражение и сама конструкция (модель) договора поставки.

Как следует из содержания ст. 506 ГК РФ, сфера ее применения достаточно широка. Она рассчитана на отношения как по материально-техническому снабжению производственной сферы, так и по обеспечению потребительскими товарами розничных торговых сетей. Но единое правовое регулирование столь разнородных по своей структуре предметов поставки не устраняет ряд очевидных и значимых различий между ними⁴.

Однако всего этого не учитывают, да и не могут учесть общие (унифицированные) нормы о поставке в ГК РФ, рассчитанные на некий обобщенный предмет поставки, которые более пригодны в отношениях по материально-техническому снабжению.

Этот недостаток ГК РФ сказывается не только на уровне договорной работы, но и на удовлетворении потребностей покупателей, а в целом и на развитии потребительского рынка страны.

Исходя из изложенного, мы присоединяемся к высказанному многими авторами мнению о том, что предусмотренная в ГК РФ конструкция договора поставки на сегодняшний день - это малопригодная модель в отношении поставок потребительских товаров, которая нуждается в совершенствовании. Это совершенствование должно исходить прежде всего из приоритета покупателя по договору.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации / Часть первая, от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (в ред. от 01.07.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации / Часть вторая, от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (в ред. от 09.03.2009) // СЗ РФ. - 1996 г. - N 5. - ст. 410.

⁴ Кукина Т.Е. Предмет договора поставки // Право и экономика. - N 1. - 2009.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (с изм. от 25 ноября 2008 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. - 18 ноября. - 2002. - N 46. - ст. 4532.
4. Постановление Правительства РФ от 18.08.1995 N 817 (ред. от 20.02.2002) "О мерах по обеспечению правопорядка при осуществлении платежей по обязательствам за поставку товаров (выполнение работ или оказание услуг)" // Собрание законодательства РФ", 21.08.1995, N 34, ст. 3462.
5. Письмо ВАС РФ от 19.08.1994 N С1-7/ОП-587 (ред. от 12.09.1996) "Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебнo-арбитражной практике" // "Вестник ВАС РФ", N 11, 1994.
6. Богданова Е.Е. Принцип реального исполнения обязательств в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика, 2007, N 3.
7. Дружинина Л. Поставка: трудности квалификации // ЭЖ-Юрист. - 2009. - N 14.
8. Зинковский М.А. Договор поставки товара от производителя в торговые сети: баланс интересов сторон // Налоги. - 2009. - N 9.
9. Исанов С.Н. Проблемы определения срока оплаты по договору поставки // "Адвокат", N 5, 2008.
10. Кукина Т.Е. Предмет договора поставки // Право и экономика. - N 1. - 2009.

Жирнов А.В.

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ЛОББИЗМ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Начальная стадия в процессе правообразования – возникновение объективно обусловленной потребности в юридическом регулировании общественных отношений. На завершающей стадии правообразования приобретает большое значение целенаправленная специальная деятельность компетентных органов по выражению общественной потребности и соответствующих интересов в общеобязательных правилах поведения. Эта деятельность, конституирующая правообразование в формально определенные предписания общего характера, и является правотворчеством. На всех стадиях правообразования важную роль играет процесс лоббирования – отстаивания интересов в принятии того или иного нормативного акта или решения, способствующего в дальнейшем регулированию соответствующих общественных отношений. Общество, как правило, всегда разделено на многие группы, различающиеся как по численности, так и по отношению к любому принимаемому нормативному акту или решению. На протяжении всего процесса принятия последних должны быть по максимуму учтены и взвешены

многие факторы, такие как: актуальность принятия закона, его целесообразность, связь с правоприменительной практикой, законность, демократизм, научный характер, взаимодействие со смежными актами, учитывать и использовать правовой опыт.

Российское право в качестве своих источников обозначает нормативно-правовые акты – акты государственных органов, содержащие в себе юридические нормы. Результатом правотворчества и являются законы, указы и другие нормативно-правовые акты. Правотворчество – неотъемлемая составляющая более обширного процесса – правообразования.

Правообразование – достаточно длительный по времени процесс, состоящий из формирования и оформления нормы права. Начинается он с анализа социальной ситуации и осознания необходимости ее правового урегулирования. Затем определяется общее представление о юридическом предписании, которое следует издать, и заканчивается разработкой и принятием юридической нормы. Заключительный этап правообразования принято называть правотворчеством.

Конкретно правотворчество заключается в деятельности органов государственной власти, должностных лиц, граждан государства по изданию, переработке и отмене нормативно-правовых актов.

Отмена и изменение устаревших нормативно-правовых предписаний, наряду с принятием новых норм права, также относится к правотворческой деятельности. Правотворчество является активной деятельностью, осуществляемой в конечном итоге государством. Почему здесь упомянута фраза в конечном итоге? Демократическое государство в процессе правотворчества должно учитывать мнения всего народа, за счет обращения к мнению граждан и их объединений (групп интересов). Нужно признать, что правотворчество является важнейшим средством управления обществом и непосредственно связано с типом государства, его формой, механизмом и функциями.

Процесс правотворчества тесно переплетен с темой данного научного исследования, так как основан на принципах народности, демократизма, научного характера и законности, а также в достаточной степени зависит от деятельности лоббистских структур.

Демократизм в правотворчестве проявляется в процедуре разработки и принятия правового акта самим представительным органом, а также в широком привлечении граждан в лице лоббистских и иных групп к правотворческой деятельности. Парламент Российской Федерации, в отличие от высшего представительного органа бывшего Союза, стал постоянно действующим законодательным органом. Более

обстоятельной и гласной стала процедура разработки и принятия законопроектов.

Распространение практики всенародного обсуждения законопроектов указывает на увеличение внимания к интересам конкретного гражданина или группы граждан. Они обсуждаются в трудовых коллективах, на конференциях, семинарах, заседаниях общественных организаций, профсоюзах, некоммерческих объединений, к этому широко привлекаются различные виды средств массовой информации. Многие граждане, в том числе юристы-ученые и практики, высказывают свои личные суждения по законопроектам и адресуют их правотворческим органам. Законопроекты публикуются в федеральных и местных СМИ, в зависимости от статуса юридического акта. Поступившие при обсуждении проекта замечания и предложения анализируются правотворческим органом, и в подготавливаемый акт вносятся необходимые изменения. Исправленный и дополненный законопроект выносится на рассмотрение правотворческого органа.

Наиболее ярким проявлением демократизма правотворчества является возможность наиболее важных законопроектов выноситься на всенародное голосование (референдум).

Органы государственной власти принимают, создают нормы права, изменяют, дополняют их. Но право может создаваться по уполномочию органов государства общественными организациями (в отечественной системе), непосредственно в результате прямого правотворчества народа (на вече в средневековом Новгороде) или суда (в англосаксонской правовой системе).

В нашем случае большой интерес и взаимосвязь с феноменом лоббизма имеет возможность общественных организаций, объединений граждан влиять и принимать непосредственное участие в правотворческом процессе.

В процессе правотворчества реализуются важнейшие функции: обновление законодательства, т.е. издание новых нормативно правовых актов, восполнение пробелов в праве, устранение (отмена) устаревших юридических норм. Реализация указанных функций позволяет решить задачу совершенствования законодательства в России.

Сущность и цель правотворчества состоит в том, чтобы избрать вариант регулирования, юридическую регламентацию, позволяющие в наиболее полной мере отвечать интересам и целям народа и законодателя, способствующие развитию общества. При этом требуются учет закономерностей формирования и созревания общества, благоприятных объективных и субъективных условий для принятия и

применения закона, а также выбор оптимальной правовой формы государственного решения.

Исходя из специфики нашего исследования, остановимся непосредственно на видах правотворчества, отсюда перейдем к взаимосвязи особенностей правотворчества в России и лоббизма, для того, чтобы изнутри посмотреть как тесно переплетены лоббизм и процесс правотворчества.

Правотворчество как процесс формирования и развития правовых актов делится на несколько видов. Критерием выделения видов правотворчества служат:

- субъект правотворчества, т.е. орган или сообщество, которое вправе принять тот или иной акт. Их правомочность обусловлена конституционным или законодательным статусом. Именно данный субъект может выступить с инициативой подготовки и принятия правового акта либо реагировать на правотворческую деятельность других субъектов. Рассмотрение предложений последних является либо обязательным, согласно конституционным и иным правилам взаимоотношений других органов, либо рекомендательным. Если круг субъектов правотворчества строго определен, то круг субъектов инициативы более широкий и, как правило, регулируется лишь частично. Тем самым стимулируется участие в правотворчестве граждан и их общественных объединений, локальных органов и др. Данные общественные объединения создаются, как правило, на основе общности интересов и преследуют схожие политические, экономические, правовые цели. Объединения граждан способствуют более эффективному, объективному, прозрачному процессу формирования законодательства. Группы давления выдвигают инициативную группу или делегируют наиболее весомую фигуру для максимизации вероятности принятия продвигаемого нормативного акта.
- регламенты правотворчества различных государственных органов регулируют процессы подготовки, обсуждения, принятия и вступления в силу правовых актов. В них точно фиксируются этапы, стадии движения проекта акта, виды совершаемых с ним действий, субъекты – участники каждой стадии и их права, обязанности и взаимоотношения. Процедуры могут быть в виде регламентов палат Парламента, порядка или правил подготовки и принятия актов в органах исполнительной власти. Нередко они содержатся внутри

статусных законов или положений, определяющих статус, задачи, функции и полномочия соответствующих органов. Группы давления в рамках данного критерия правотворчества имеют возможность отстаивать интересы, руководствуясь регламентами правотворчества субъектов законодательной инициативы. Как пример могут служить общественные слушания. Общественные слушания являются механизмом участия общественности в принятии решений, которые могут сказаться на здоровье, образе жизни ее членов и оказать негативное воздействие на окружающую их среду. Это наиболее формализованная и структурированная форма работы с общественностью. Согласно Конституции РФ каждый гражданин имеет право на неограниченный доступ к информации (Конституции РФ Статья 29 ч.4), кроме информации составляющую государственную тайну. Общественные слушания имеют целью информирование заинтересованных групп, свободное обсуждение различных точек зрения на проблему и выработку компромиссных, взаимоприемлемых решений. Слушания предполагают четкую фиксацию темы обсуждений, обязательное распространение предварительной информации, доступность документированной информации по обсуждаемой теме, составление итогового документа – как отражающего согласие участвующих сторон, так и фиксирующего разногласия. Общественные слушания требуют от инициаторов значительных организационных и информационных ресурсов. Немаловажным является практический опыт взаимодействия с органами власти и СМИ, экспертная база. Часто успех слушаний для всех их участников зависит от профессионализма ведущего. В российской действительности можно часто наблюдать использование такого термина как «общественные слушания» или «гражданские слушания». Связанно это с тем, что все больше широкая общественность, суженная до группы интересов, начинает осознавать, что она имеет полное право принимать участие в обсуждении проблем, которые непосредственно касаются жизни каждого гражданина[1]

- правотворческие процессы ориентированы на строго определенные виды правовых актов как цели их деятельности, как легальные рамки правоформирующих действий, как границы, отделяющие создаваемый акт от актов других органов. Для этих целей служат положения конституций,

устанавливающие систему, виды, признаки правовых актов и их соотношение между собой;

- принципиальное значение имеет правильное определение темы будущего правового акта, его возможного объема и содержания. Это позволяет избегать ненужного смещения на практике видов актов и решать с помощью законов вопросы, отнесенные к ведению Правительства, или с помощью указов вопросы компетенции Парламента и Правительства. Точное определение предмета правового регулирования позволяет, далее, верно избрать форму акта среди ему однородных (например, кодекса среди законов). Многочисленные лоббистские группы путем направления писем и ходатайств имеют право влиять на корректировку темы нормативного акта и предмет его правового регулирования. Это и понятно, иначе для чего создавать и принимать новый закон, если он не затрагивает ни чьи интересы.

С учетом названных критериев можно выделить пять основных видов правотворчества: законотворчество, подзаконное правотворчество, локальное нормотворчество местного самоуправления (как известно, признается муниципальное право), прямое, непосредственное правотворчество, договорное нормотворчество.[2, с.143-146]

1. Законотворчество есть законодательный процесс, посвященный стадиям и действиям по подготовке, обсуждению и принятию законов. Закон – акт высшей юридической силы, призванный регулировать важнейшие общественные отношения, принимаемый законодательным и представительным органом в особом порядке и обладающий стабильностью.

Законом регулируются вопросы, имеющие важнейшее государственное значение. В обобщенном виде можно сказать, что только законом могут быть урегулированы:

- вопросы конституционного характера;
- принципы организации, порядок формирования и деятельности высших и местных органов государственной власти и управления;
- основные права, свободы и обязанности граждан, способы их охраны и обеспечения;
- основные условия создания и деятельности общественных организаций;
- решение вопросов принятия и изменения бюджета; -
установление всех видов налогов;

- установление основных положений регулирования экономики;
- основные вопросы обороны и международных отношений;
- правовой статус средств массовой информации.

Основную часть вышеуказанных вопросов можно регулировать также с применением лоббистского механизма, руководствуясь конституционными правами граждан и их объединений.

В юридических актах-положениях конституций, регламентах палат парламентов законов об организации парламентов – подробно регламентируется порядок подготовки и принятия законов.

2. Подзаконное правотворчество Президента, Правительства и иных органов исполнительной власти отличается рядом особенностей. Оно соотносится с положениями законов. Подзаконное правотворчество является более оперативным по целям подготовки и принятия актов ввиду своей очевидной динамичности. Поэтому каждый орган сам определяет порядок подготовки, согласования рассмотрения проектов актов, их принятия и подписания. Существует порядок подготовки проектов указов Президента Российской Федерации, есть порядок подготовки постановлений и распоряжений Правительства, равно как и общий регламент его деятельности. В органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации действуют аналогичные процедуры.

Ввиду общности целей и принципов правотворчества важно добиваться согласованного участия одних субъектов в правотворчестве других. Известно, что существуют конституционные рамки участия Президента и Правительства в подготовке проектов законов, с первого этапа и до рассмотрения, одобрения и подписания. В России сейчас действует Положение о законопроектной деятельности Правительства, не допускающее, в частности, прямого внесения министерствами и другими органами проектов законов в комитеты Государственной Думы и Совета Федерации, минуя Правительство.

3. Разновидностью правотворчества является порядок прямого непосредственного принятия правовых актов речь идет, прежде всего, о референдуме как конституционном способе принятия законов и других решений государственного значения. Процедура проведения референдума обычно регулируется помимо норм конституций, специальными законами такими как, например федеральный закон о референдуме, законы субъектов российской федерации о порядке проведения референдумов в республиках областях и т.п., а также законы о местном референдуме.

Прямое правотворчество такого рода характеризуется рядом признаков:

а) оно проводится по инициативе групп граждан, населения определённой численности;

б) в референдуме участвуют избиратели, чья совокупная воля является прямым и единственным правообразующим источником конституции, закона или иного решения;

с) итоги референдума (народного голосования) являются окончательными, не подлежат какому-либо утверждению и обладают наивысшей юридической силой;

д) подготовка и проведение референдума возлагаются на государственные органы, избирательные комиссии или комиссии референдума, общественные организации, чьи права и обязанности подчинены достижению главной цели – обеспечить полное и свободное народное волеизъявление.

4. В широком смысле слова в правотворчестве участвуют и местное самоуправление. Но это двойное участие оно касается государственного правотворчества в тех или иных формах и собственного правотворчества. Ввиду отдалённости местного самоуправления от государственной власти формируемое муниципальное право состоит из двух «слоёв». Нормы законов и иных нормативных актов, принятых на уровне Российской Федерации и её субъектов по вопросам местного самоуправления (такие как, например, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и аналогичные законы республик областей и др.).

Второй уровень – норма саморегуляции. К числу последних относятся уставы местного самоуправления, решения сельских сходов и иных народных собраний, итоги опросов населения, местные референдумы. Особое значение имеет инициатива, позволяющая гражданам населенных пунктов разрабатывать и участвовать в обсуждении проектов актов в местных органах. Саморегулирование на местах выражается как в широких рамках локального нормотворчества, так и в проявлении общественных инициатив как фактора нормообразования. Инициатива, самостоятельность, нормы-самообязательства, самоответственность – таковы черты локального нормотворчества.

5. Разновидностью правотворчества является деятельность государственных органов по заключению нормативных договоров. Это – конституционные внутрифедеральные, управленческие, функциональные договоры и соглашения, заключаемые между различными государственными органами на добровольной основе. Проводимые переговоры и достижения договорённостей завершаются заключением договоров и соглашений. Содержащиеся в них нормы-

обязательства служат основой для принятия других правовых актов и совершения необходимых юридических действий.

Таким образом, можно сказать, что правотворческий лоббизм реализуется через нормативные акты в законодательных органах власти. Вышеуказанные способы формирования права являются плодом множественных процедур важную роль, в которых играет лоббизм.

Наиболее эффективным процесс правотворчества видится при полноценном взаимодействии всех его участников. Значительную роль играют институты общественного представительства, всевозможные группы по интересам, которые наряду с государственными органами обеспечивают осуществление интересов граждан при формировании и реализации государственной политики, а также осуществлении общественного контроля за деятельностью государственных, в том числе законодательных (представительных), органов.

Таким образом, совершенствование процедуры согласования интересов в правотворческом процессе способствует оптимизации и повышению эффективности законодательной деятельности на федеральном, региональном и местном уровнях. При оптимизации правотворческого процесса в современной России нужно представлять, что правотворчество и многие производные от него компоненты получают возможность реально проявлять себя только при активном участии в этих процессах государства, его органов и должностных лиц, а также всех общественных институтов, объединений. Выражаемая в правотворчестве государственная воля для обеспечения эффективности принимаемых государственных решений, их легитимности должна в идеале базироваться на согласовании интересов социальных субъектов, выявлять согласованный «общий» интерес.

Нельзя не учитывать способность лоббизма дополнять конституционную систему демократического представительства, позволяя участвовать в принятии и реализации политических решений тем гражданам, которые не имеют возможности для этого.

Литература:

1. Интернет-энциклопедия «Wikipedia» [Электронный доступ]: www.ru.wikipedia.org/wiki/Общественные_слушания.
2. Лазарев В.В., Гранат Н.Л. Источники права / Общая теория права и государства. Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1997.

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ В РОССИИ

Революция была необходима для застоявшейся России, которая застряла между реформами и контрреформами ее самодержавцев. Неизбежность революции была предreshена, а десятилетия ее отсрочки только копили негативные факторы, которые и вылились в февралектябре 1917 г. Как сказал А.И. Деникин: «... исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности». Эту фразу можно сформулировать точнее – крушению русской имперской государственности, что соответственно привело к крушению монархического правления и вместе с ним законодательной базы Российской империи. Образовавшемуся белому движению необходимо было реорганизовать институты права в противовес социалистическому, но для этого нужно было скорректировать правовые идеологии. Сильно назревшие вопросы, такие как трудовой, земельный, вопрос конституционного устройства и другие требовали немедленного разрешения, и «белые» правительства с учетом требований всех слоев населения придумывали свои варианты для их решения.

2 ноября 1917 года является официальной датой начала борьбы белого движения. Родоначальником белого движения можно смело считать Михаила Васильевича Алексева. Именно его первоначальные действия послужили сплочению офицерства, под его руководством стала формироваться «белая» армия, организовываться государственный аппарат Белой России и начала развиваться правовая идеология белого движения.

Возникает вопрос, что представляло собой «белое» движение? Бесспорно, оно возникло внезапно и вынужденно. Предпосылками послужили действия Александра Федоровича Керенского, который «своей демократизацией» развалил армию, забрал у командного состава возможность управлять ею, что соответственно, вызвало недовольствие у генералитета и так сказать нежелание сотрудничества в дальнейшем. Тем самым Керенский превратил высший офицерский состав – в контрреволюционер.

В начале в «белые» записывали всех кто так или иначе высказывался против проводимой политики коммунизма и большевицкого режима. Далее, само движение преобразуется, в него вливаются разные социальные слои от угнетенных офицеров и до ущемленных продразверсткой крестьян, от ярых монархистов черносотенцев и до конституционных демократов. Белое движение стало представлять собой новую политическую идеологию с сочетанием имперских лозунгов «единая и неделимая Россия» и демократических лозунгов «Свобода и равенство». Конечно, в зависимости от идеологии «белых» лидеры перевес брали те или иные лозунги.

Белое движение – это военно-социально-политическое течение в обществе патриотического характера с либерально-консервативными взглядами, включающее все слои населения, основной целью ставящей борьбу с большевизмом.

Развитие борьбы белого движения происходило не только на военных фронтах, но и на фронтах политических и законодательных. Рассмотрим же особенности «законодательного фронта».

Борьба шла по всей России на западе, востоке, юге и севере, и у каждого фронта были свои отличия, кругом она протекала по-разному с периодическими успехами то красных, то белых. Но белые, как известно, потерпели неудачу на всех. Почему?

Отсутствие общей организации и единого центра белого движения, который объединил бы все районы Белой России, ее лидеров – отсутствовал. В этом то и крылось будущее поражение. Отсутствие единого центра порождало другую причину поражения в гражданской войны, не было единого курса на будущую, в случае победы, государственность, его политическую организацию, форму правления, форму государственного устройства. Не корректно было бы говорить о том, что «курса» не было вовсе. Был. Но каждый из лидеров белого движения, северо-запад – Н.Н. Юденич, восток – А.В. Колчак, юг – А. И. Деникин, П. Н. Врангель и другие видные белогвардейцы составляли свои политические программы, строили свои взгляды на будущее страны, что соответственно сказывалось на законодательстве. Влияние на их взгляды в отношении государства и права новой России оказывали собственные идеологии: так Л.Г. Корнилов, один из основоположников белого движения, был склонен к либерализму (хотя до революции монархист-черносотенец) и даже подготовил проект конституции (Конституция генерала Корнилова, 1918 года); А.И. Деникин приверженец конституционной демократии (некоторые считают, что он был либеральным монархистом); А.В. Колчак – монархист, принятие титула Верховного правителя России сравняло его с Императором.

Нельзя сказать, что белое движение в своем большинстве состояло из монархистов. Естественно после октября 1917 г. монархистам не было места в коммунистической стране, и у них осталось два варианта либо эмигрировать, либо влиться в антибольшевицкие движения. Бесспорно, в белом движении имели силу консервативные взгляды, особенно эти взгляды, нашли свое место на Белом Востоке, именно туда начали стекаться ярые сторонники монархии. Верховный правитель России А.В. Колчак, взгляды которого были довольно консервативными в отношении государственного устройства России, он видел необходимость «твердой» воли в правлении в лице одного человека. Применяя скорректированное имперское законодательство, Временное Правительство Сибири лишней раз доказывало свою лояльность монархии. И все же монархистам того времени, таким как князь Г.Е. Львову (Первый глава Временного Правительства), В. М. Пуришкевичу (лидер черносотенцев), А.И. Гучкову (лидер октябристов) приходилось преобразовывать свои взгляды, добавляя в них оттенок демократизма, ведь в условиях Гражданской войны следовало выбирать, либо ярая монархия – и проигрыш, либо монархия под флагом демократии – и возможная победа.

Либералы твердо отстаивали свои интересы в Белой России. Либеральные взгляды преобладали в умах лидеров Белого Юга, А. И. Деникин, М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, конечно же, не «твердые» сторонники либерализма, но в их политических проектах, законах, указах четко прослеживается линия демократизации, стремление претворения в жизнь таких прав как свобода слова, печати, равенство, все это утверждает в их лице взгляды конституционных-демократов. Левое крыло либеральной оппозиции – конституционно-демократическая партия народной свободы (кадеты) держала курс на обеспечение интересов широких слоев населения, а самое главное они отрицали обеспечение интересов одних за счет притеснения других, и естественно большевистская политика была ими воспринята крайне негативно. Лидеры кадетов, В.А. Маклаков (член Русского Политического Союза), П.Н. Милюков (идеолог белого движения) и другие члены партии принимали активное участие в политике Белой России, совершенствуя и реализуя свои аграрные, рабочие, национальные законопроект.

Разбросанным «белым» правительствам было довольно сложно создавать государственные органы, причины тому заключались в стремлении преобразования старого монархического уклада с добавлением в него демократических черт и это получалось довольно коряво. Возникшие правительства неспособны были разрешить какие-то

ни было вопросы, экономические, организационные, всегда необходим был сильный лидер устанавливающий диктатуру (пример тому Комитет Учредительного Собрания (КомУч) раздавленный Временным Сибирским Правительством во главе с Колчаком). Необходимо было разрабатывать законы в аграрной сфере, промышленной и других, которые могли бы отвечать интересам разных социальных слоев населения. Внутренняя борьба в правительстве сказывалась на законотворческой деятельности, его неспособность принять быстро нужные законы в военное время делали правительство бесполезным.

У большевиков же было проще. Были наброски, планы дальнейшего развития государства, взгляды на решения такого рода вопросов как земельный, рабочий, трудовой. В этой сфере у «белых» были проблемы, в частности Деникин ставил основную цель свергнуть большевиков, отстранив их от незаконно захваченной власти, и только потом дать право «Всероссийским законодательным учреждениям» разрешить «...вопрос о формах государственного строя...»[1].

Но как уже было сказано, бороться следовало не только на уровне военном и стратегическом, но и на уровне законодательном, активно разрабатывая и совершенствуя политические программы для привлечения к своим идеалам и принципам народ. В этом плане «белые» сильно проигрывали «красным». Если коснуться юга России, то первая политическая программа «Декларация Добровольческой армии» была опубликована в апреле 1918 года.

В белом движении велись разработки проектов конституции. Одним из первых проектов конституции можно считать «Политическую программу генерала Корнилова», которую называли «Конституцией генерала Корнилова», участие в ее разработке принимал Павел Николаевич Милюков, она легла в основу деятельности «Донского гражданского совета». Конституция провозглашала основные права: все граждане равны перед законом без различия пола и национальности; уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и пр.

Восстанавливала в полном объеме свободу слова и печати.

В экономической сфере восстанавливала свободу промышленности и торговли. За рабочими сохранялись «все политико-экономические завоевания революции в области нормирования труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек».

В международном плане Россия обещала полное исполнение всех принятых союзных обязательств, международных договоров.

Признавалось право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства, что подчеркивает принцип федеративного устройства государства.

Провозглашала созвать вновь Учредительное Собрание на основе свободных выборов, «Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй».

Вооруженные Силы Юга России так же вели работу в плане создания проектов. Проект конституции в 1919 году была объемнее, и, кстати, ее проект похож на конституцию РФ 1993 года. В крации: судебная власть представлена Верховным Уголовным судом, Верховным Гражданским судом, Верховным Административным судом; законодательная власть принадлежала парламенту из двух палат – Государственной Думы и Государственного Совета; исполнительная власть была в руках правительства – государственного канцлера и 11 министров. Вводилось всеобщее избирательное право. Провозглашала право наций на самоопределение, давая суверенитет и большой круг вопросов для самостоятельного разрешения, разделяла вопросы ведения России и ее областей.

Из этих проектов видно, что в белом движении зарождалось конституционная основа возможного государственного устройства, в которых учтены демократические принципы.

На территории Белой Сибири в основном применялись нормативные акты Российской Империи, подкорректированные с замененными правовыми статусами, так «...Российский Совет министров постановлением от 3 декабря 1918 года... скорректировал статьи Уголовного Уложения 1903 года, уравнив статус власти Верховного Правителя и статус Государя Императора»[2].

В Сибири была создана Особая Временная Следственная Комиссия, в полномочия которой входило «возбуждение уголовного преследования как против агентов советской власти, так и против причастных к их преступной деятельности частных и должностных лиц...»[3]. В постановление говорилось не только об уголовной, но и о политической ответственности «сторонников большевизма».

Статья 99 «виновные в покушении на жизнь, свободу, или вообще неприкосновенность Верховного Правителя, или на насильственное его или Совета министров лишение власти, им принадлежащей, или воспрепятствование таковой наказуются смертной казнью».

Статья 100 «виновные в насильственном посягательстве на ниспровержение существующего строя или отторжение, или выделение

какой-либо части Государства Российского наказуются смертной казнью».

Статья 103 «виновные в оскорблении Верховного Правителя на словах, письме или в печати наказуются тюрьмою».

Статья 329 «виновные в умышленном неприведении в исполнение приказа или указов Верховного Правителя подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет»[4].

Ответственность за нарушение законодательства Белого юга была жестче. Наказывались не только члены РКП(б), но и те, кто добровольно оказывал помощь большевикам. Смертная казнь с конфискацией имущества предусматривалась к «виновным в подготовке захвата государственной власти Советом народных комиссаров, во вступлении в состав означенного Совета, в подготовке захвата власти на местах Советами солдатских и рабочих депутатов..., в сознательном осуществлении в своей деятельности основных задач советской власти», к лицам, содействующим советской власти, применялись: бессрочные каторги, исправительные арестные отделения от 2 до 6 лет, каторжные работы от 4 до 20 лет, тюремное заключение от месяца до 1 года 4 месяцев, денежное взыскание от 300 до 20 тыс. рублей [5]. Устанавливал меры ответственность за эти преступления «Закон в отношении участников установления в Российском Государстве советской власти, а равно сознательно содействовавших ее распространению и упрочению».

Многие правовые нормы были недостаточно разработаны и подвергались частым изменениям, обусловленным ходом военных операций, несогласованностью в действиях белых правительств и другими факторами, исключавшими возможность совершенствования правовой системы.

Не утихал аграрный вопрос. Реформа 1861 года по отмене крепостного права полностью не освободила крестьян, в деревне до 1917 года преобладали полукрепостнические производственные отношения. Вопрос был довольно сложный. Даже Столыпинская аграрная реформа 1906 года по переделу крестьянских земель направленная на разрушение общины и созданию нового класса в деревне (в простонародье кулаки) не смогла решить проблему, реформа привела к образованию среднего класса, это вызвало недовольство крестьян. Теперь крестьяне питали ненависть не только к «старому барину», но и к «кулаку». Большевики, пришедшие к власти, отдали землю крестьянам, но дальнейшая продрозверстка, грабительские действия большевиков поставили крестьян перед выбором «белой» или «красной» власти над собой.

В отношении земли белые правительства работали довольно активно, ведь при разрешении этого вопроса можно было бы привлечь на свою сторону крестьян. Необходимо было дать крестьянам свободу и независимость в развитие собственного хозяйства, сделав их успешными «предпринимателями». Белый Юг России успешнее других территорий находящихся под властью «белых» развивал земельное законодательство. Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России П. Н. Врангель издал свой знаменитый «Приказ о Земле», который подробно регламентировал правила пользование землей.

Приказ «О земле» от 25 мая 1920 года П.Н. Врангеля гласил:

«8 апреля 1920 года мною отдан приказ о разработке мероприятий по земельному вопросу на следующих основаниях:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.

2. Землей должно владеть на правах прочно укрепленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в свой труд.

3. Посредником между крупным землевладельцем и новым собственниками должно быть Государство.

В развитие этих оснований приказываю:

I. В местностях, занимаемых войсками Главного Командования, ввести в действие утвержденный мною 25-го сего мая и прилагаемые при сем «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев».

II. Впредь до прочного устройства и упорядочения земской жизни на местах, осуществление земельных мероприятий, предусматриваемых упомянутыми в предшедшем (1) Отделе Правилами, возложить на Волостные и Уездные Земельные Советы, учреждаемые временно, на один год и действующие на основании прилагаемого при сем «Временного Положения о земельных учреждениях».

III. Волостным и Уездным Земельным Советам, при исполнении обязанностей, возлагаемых на них упомянутым в Отделе (1) Правилами, иметь особую заботу о предоставлении свободных земельных участков в первую очередь воинам борющейся за государственность армии и их семьям.

IV. Начальнику Финансового Управления в срочном порядке разработать и представить на мое утверждение предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета Государства с

собственниками отчуждаемых земель и о возмещении Государственному Казначейству расходов по этим расчетам».

Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе о земле, - проста: земля – трудящимся на ней хозяевам. Руководящая мысль приказа опирается на стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилия и захватов, и передать, трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие. Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, что бы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем [6].

Тем самым на разрешение земельного вопроса белое правительство возлагало большие надежды, ведь это дало бы им поддержку крестьян, что в дальнейшем усилило авторитет белого движения в глазах народа, а также международного сообщества. В интервью английской газете «Temps» Верховный Правитель России А.В. Колчак, говоря о внутренней политике затрагивает: «...временное решение, принятое... правительством по аграрному вопросу, имеет в виду удовлетворить интересы народных масс и основано на убеждении, что Россия может преуспевать и быть сильной только при условии, что миллионы русских крестьян будут обладать всеми гарантиями для владения землей» [7], естественно международное признание союзных стран могло дать военную поддержку и помощь в борьбе с большевизмом.

«Русская промышленность разорена совершенно, чем подорвана государственная мощь России, разорены предприятия и лишены работы и хлеба миллионы рабочего люда» - заявляет А. И. Деникин в декларации по рабочему вопросу, и это действительно было так. Первая мировая война истощила промышленность, измотала рабочий класс, растущий социально-экономический кризис сыграл на руку революции. Затраты на войну превышали в три раза доходов казны. Весной 1917 г. существенно усилился недостаток продовольствия в городах, московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле снизила выпуск продукции на 32%, производительность Петроградских фабрик и заводов снизилась на 20-40%, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к июлю – на 30% и т.д. В промышленных предприятиях совершенно упала трудовая дисциплина [8]. Так что к началу гражданской войны промышленность практически стояла.

На территориях находящимися под контролем «белых» необходимо было восстанавливать промышленность, которая так нужна была фронту, а для этого требовалось привлечь рабочих. Рабочие, ярые

сторонники революции требовали соблюдения и обеспечения прав, так или иначе нужно было учитывать их интересы: «положение рабочих требует серьезнейшего внимания и участия... Состояние транспорта железнодорожного и пароходного, а также почтово-телеграфного дела, требует неотложных, решительных мероприятий».

24 ноября 1919 года публикуется подготовленная Декларация А.И. Деникина по рабочему вопросу, в которой учитываются:

- восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и, вместе с тем, обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов;
- установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства;
- установление 8-часового рабочего дня в фабрично-заводских предприятиях;
- примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникающих между ними споров (примирительные камеры, промысловые суды);
- дальнейшее развитие страхования рабочих;
- организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов;
- надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках и заводах и в мастерских, улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса;
- всемерное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и проч.).

Декларация охватывает огромный спектр прав трудящихся от установления рабочего дня до разрешения споров через примирительные камеры и промысловые суды. Гарантируется охрана женского и детского труда, развитие страхования рабочих, в своей сути эти пункты признают права человека как гражданина. В декларации видно начало, которое могло бы лечь в основу систематизированного трудового законодательства.

В заключении хотелось бы отметить, что белое движение пыталось создать демократическое, свободное, правовое и независимое государство с сильной экономикой, которая опиралась бы на самостоятельных крестьян-предпринимателей, развитых промышленников фабрично-заводских предприятий с рабочими обеспеченными социальными и профессиональными интересами.

Литература:

1. Декларация Добровольческой армии (Май 1918 г.) // Архив русской революции: В. 22 т. Т.7-8. М., 1991.
2. Цветков. В. Ж. Белый Террор – преступление или наказание? Часть готовящейся к выходу монографии «Белое движение: от Корнилова до Дитерихса. 1917-1922 гг. Формирование и эволюция политического курса».
3. Собрание узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного Правительства Северной Области, № 1, 15 ноября 1918 г.
4. Правительственный вестник, Омск, № 17, 8 декабря 1918 г.
5. ГА РФ. Ф. 3435. Оп.1. Д. 18. Лл. 2-5; Собрание узаконений и распоряжений Особого Сопевщания при Главкомандующем Вооруженными Силами Юга России.
6. Черкасов-Георгиевский В.Г., Генерал Петр Николаевич Врангель. / Под ред. Благово В. А., Сапожников С. А. Последний рыцарь Российской империи. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004.
7. Вестник Северо-Западной армии, № 17, 12 июля 1919 г.
8. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – Мн.: Харвест, 2003.
9. Журнал «Посев». № 9. 2003. – С. 37-41.
10. Журнал «Родина». № 3. 2008. – С. 3-8.

Миннеханова С.Х.

Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОХРАНЫ ЗАРУБЕЖНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Организация управления государственной зарубежной собственностью представляет собой сложную совокупность действий государства на основе законодательных актов, регулирующих правовой статус государственной собственности, находящейся за рубежом. Так, пункт 1 статьи 124 Гражданского кодекса РФ предусматривает: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами». Далее, часть 4 пункта 1 статьи 2 этого же Кодекса гласит: «Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом».

Отсюда следует вывод, что Российская Федерация как субъект права выступает в гражданско-правовых отношениях на равных началах с иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Наконец, правило пункта 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ говорит о том, что «Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам, принадлежащим им на праве собственности имуществом...». В силу той же части 4 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ применимо и тогда, когда Российская Федерация вступает в гражданско-правовые отношения с иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Также необходимо исходить из того, что российское право (впрочем, как и любая другая национальная система права) рассматривает саму себя, как обладающее «универсальной применимостью», способностью регулировать любое правоотношение, в том числе с иностранными характеристиками, несмотря на то, что это правоотношение по своей природе может быть таково, что к нему следовало бы все же применить международное право. Это говорит о юридической частноправовой ответственности государства.

Государство в этом случае конкурирует с частноправовыми интересами. То есть такая форма использования законных прав собственника на имущество означает наличие частноправовых и публично-правовых начал в государственных отношениях. Именно в этом состоит смысл части 4 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, имеющей в виду общее правило применения в сфере действия российского права самого российского права, независимо от того, где отношения пространственно расположены. Ввиду чего, исключения из такого правила «всеобщего» применения российского права могут устанавливаться только путем допущения применения иностранного права, то есть только при помощи закрепленных в федеральном законе двусторонних коллизионных норм.

По теории Рубанова А.А., «право каждой страны обладать способностью к всеохватывающему регулированию социальных отношений,... Однако, несмотря на свою способность к всеохватывающему регулированию, национальная правовая система строит регламентацию на существование и других национальных правовых систем» [21, 20].

Правовое регулирование отношений собственности складывается из правил (норм) поведения, которые, во-первых, устанавливают саму возможность (или невозможность) принадлежности материальных благ определенным лицам (их коллективам), тем самым, закрепляя юридически фактическое (экономическое) состояние присвоенности этих благ.

Во-вторых, это правила, устанавливающие характер и границы поведения владельцев имущества, охраняемые законом, то есть это правомочия, охраняемые законом, характеризующие конкретные возможности «хозяйственного господства» над вещью.

В-третьих, сюда включаются и правовые способы защиты от посягательств других лиц на охраняемое «состояние присвоенности» материальных благ и предоставляемые им возможности хозяйственного господства над имуществом.

По своей юридической природе все перечисленные правила разнородны, разноотраслевые. В первую группу названных норм можно включить конституционные (государственно-правовые) правила о фактах собственности, признаваемых и охраняемых государством, а также административно-правовые и гражданско-правовые нормы об основаниях (способах) приобретения и прекращения прав на имущество. Во вторую группу, прежде всего, войдут гражданско-правовые нормы о правомочиях собственника и других владельцев имущества, а также и нормы других отраслей права, определяющие правовой режим соответствующего имущества (например, административный запрет совершения гражданами или юридическими лицами каких-либо сделок по поводу отдельных видов имущества). Третья группа правил охватит нормы гражданского, административного, уголовного права о защите отношений собственности.

Организация управления государственной собственностью представляет собой сложную совокупность действий государства. В нее включаются: определение государственной политики в области государственной собственности; образование институциональной основы управления (учреждение органов исполнительной власти и наделение их компетенцией); учреждение субъектов, осуществляющих непосредственное владение государственной собственностью (необходимо определить виды субъектов, установить их правовой статус, осуществить учет и регистрацию); учет объектов государственной собственности (инвентаризация, классификация объектов, учет в реестрах объектов и сделок с ними); распределение объектов государственной собственности между субъектами;

осуществление непосредственного управления в различных формах (приватизация, национализация, разграничение государственной собственности, гражданско-правовые сделки, управление пакетами акций, банкротство и пр.).

Федеральная государственная собственность является одним из основных источников обеспечения функционирования государства и развития сфер экономики страны и находится в управлении и ведении Российской Федерации в соответствии с п. (д) ст.71 Конституции РФ. Таким образом, субъектом права федеральной (государственной) собственности является Российская Федерация в целом как публично-правовое образование.

Управление федеральной собственностью связано с созданием различных гражданско-правовых режимов входящего в эту собственность имущества. Федеральное законодательство устанавливает как общий, так и особый порядок управления и распоряжения федеральным имуществом. Однако управление государственной зарубежной собственностью до сих пор не урегулировано. Федеральная собственность не только внутри территории государства, но и находящаяся за ее пределами должна подпадать под действие национального законодательства. Оказавшись за пределами своей территории, на основании двусторонних различных и многосторонних договоров и соглашений о совместных мероприятиях, государственная собственность не должна терять правового статуса того государства, кому она принадлежала до ее перемещения на территорию другого государства.

При этом особенностью правового регулирования данного имущества является то, что к данным правоотношениям также применяются общепризнанные принципы и нормы международного права. Однако, говоря об общепризнанных принципах и нормах международного права, необходимо учитывать постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [18]. Важнейшей частью этого судебного акта следует считать обозначение общепризнанных принципов в качестве действующих норм, подлежащих применению судами Российской Федерации. Такой подход свидетельствует, что разграничение права на естественное и позитивное, закрепленное в ст. 15, 17, 18 Конституции РФ, может получить реальное выражение в решениях российских судов. Представляется, что эффективное разграничение права на естественное (право по природе) и позитивное (право по усмотрению) может вывести

российскую судебную систему на совершенно иной уровень развития с целью достижения реальной независимости и самостоятельности.

Так, впервые в российское законодательство включена статья 1189 ГК РФ, регламентирующая действие взаимности в качестве общего начала в вопросах применения иностранного законодательства: «Иностранное право подлежит применению в Российской Федерации независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к отношениям такого рода российское право, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законом. В случае, когда применение иностранного права зависит от взаимности, предполагается, что она существует, если не доказано иное».

В данной формулировке прогрессивным является то обстоятельство, что юридическая обязанность применения иностранного права не поставлена в зависимость от необходимости доказывать взаимность. Предполагается, что взаимность вытекает из еще более древнего обычая – международной вежливости (*comitas gentium, comity*), предписывающей государствам относиться к чужому правопорядку вежливо и обходительно.

Таким образом, принцип взаимности в настоящее время обрел законодательное закрепление в материально-правовых нормах российского права. Сложнее дело обстоит с действием данного принципа в сфере процессуального права. Взаимность в признании и исполнении иностранных судебных актов зафиксирована лишь в некоторых международно-правовых договорах с участием России. В российских процессуальных кодексах взаимность не нашла прямого закрепления. Возможно, это связано с теоретической неразработанностью вопроса. Еще в международно-правовых работах начала XX века отмечалось, что теоретические исследования действия взаимности крайне малочисленны. Так, В.М. Корецкий в 1925 году писал о широком распространении не только договорной, но и эмпирической взаимности. А между тем советская юридическая литература лишь попутно (в связи с комментарием) касалась поставленной проблемы [17, 75]. Заслугой В.М. Корецкого следует считать то, что он определил взаимность как «компенсационный корректив равенства» государств, участвующих в международном сотрудничестве. В этом определении заключена взаимосвязь международно-правовых принципов, действующих в области публичного и частного права.

Общей тенденцией развития национального законодательства также становится ясное закрепление взаимности в материальном и процессуальном праве. Российские процессуальные кодексы в

настоящее время связывают взаимность лишь с написанной нормой международного права – международным договором. Предлагается признавать судебные решения лишь тех государств, с которыми заключен специальный договор. Взаимность не предполагается, но допускается международным договором.

Между тем, как представляется, такой пробел в специальном национальном законодательстве не влияет на действие принципа взаимности в отношении процессуальных вопросов. Во-первых, общепризнанный принцип имеет обычное происхождение, то есть существует как обычай. Следовательно, ограничение его действия нормой международного договора вряд ли допустимо. Во-вторых, в Конституции РФ закреплено действие на территории России общепризнанных принципов международного права. Взаимное сотрудничество государств, к примеру, по признанию прав и интересов частных лиц и их собственности – один из таких принципов. Права и интересы частных лиц могут определяться не только иностранным правом, но и иностранным судебным решением.

В таком контексте отказ признавать принцип взаимности по мотиву отсутствия его упоминания в специальном законе РФ противоречит как конституционной норме, так и общепризнанным нормам международного права. Более того, такой отказ может повлечь возбуждение процесса в международном суде по мотиву необоснованного отказа от сотрудничества, повлекшего нарушение прав субъектов международного права.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2003 г.
2. Брюссельская конвенция 1926 г. об иммунитете государственных торговых судов и Дополнительный протокол к ней 1934 г.
3. Гагская конвенция от 14 мая 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов / Международное право ведения военных действий / Сборник Гагских конвенций и иных международно-нормативных актов. – М.: МККК. – 2004г.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.1. / Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 335.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 1 февраля 2003г. № 137-ФЗ. Ст. 401.
6. Европейская конвенция 1972 г. об иммунитете государств и Дополнительный протокол к ней 1985 г.
7. Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей. Дельфы 23июня 1985 г.-Серия Европейских договоров №119.
8. Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978г. / Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. М., 1996. С. 144-159.

9. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Принята в Париже, 14 ноября 1970 г. на 16-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.
10. Конвенция о праве международных договоров 1969 г. / Международное публичное право. Т.1. М., 1996. С. 67-87.
11. Конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г. / Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. М., 1996. С. 160-171.
12. Конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. / Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. М., 1996. С. 87-111.
13. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. / Морское право. Конвенция ООН по морскому праву. Издание ООН. Нью-Йорк. 1982. С. 1-227.
14. Конвенция ЮНИДРУА по похищенным незаконно, вывезенным культурным ценностям 1995 г., Рим, 24 июня 1995 г.
15. Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного природного и культурного наследия, Париж, 21 ноября 1972 г. / [Электронный доступ]: <http://unesdoc.unesco.org/imades/0013/001325/132540r.pdf>.
16. Конституция Российской Федерации, 1993 г.
17. Корецкий В.М. Избранные труды. – Киев, 1989, с. 75.
18. Пленум Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» / Бюллетень Верховного суда РФ, 2003, № 12.
19. Проект Федерального закона РФ «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность Российской Федерации (национализация)» от 29 декабря 1999 г.
20. Проект Федерального закона РФ «О временном приостановлении совершения сделок с государственной собственностью, находящейся за пределами территории Российской Федерации». Принят ГД РФ 17 июля 1998г. одобрен СФ 4 сентября 1998 г. / Экономика и жизнь (Интернет-сервер 1997-2000).
21. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М., 1984, с. 20.
22. Федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Принят Государственной Думой 16 июня 1995 г.
23. Федеральный закон РФ (проект) «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом». Принят Государственной Думой Российской Федерации 2 июня 1999 г.
24. Федеральный закон РФ от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» (с изм. и доп. от 25 мая 2000 г.).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Обращаясь к анализу оперативно-розыскной характеристики преступлений против собственности, следует подчеркнуть, что она, выступая составной частью преступности в целом, обладает своими особенностями, которые присущи только этому явлению. Поэтому изучение оперативно-розыскной характеристики преступлений против собственности требует выявления как общих, так и специфических факторов её детерминации, выработать эффективные оперативно-розыскные мероприятия по их нейтрализации, а это возможно лишь при всестороннем изучении личности преступника, его сознания и воли.

Исследованию личности преступника в юридической литературе уделено существенное внимание как зарубежных, так и отечественных ученых Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцева, А.И. Долговой, А.Б. Сахарова [1; 8; 4; 12].

Приняв за основу их научные выводы, исследовались лица, совершающие преступления против собственности (личность вора, грабителя, разбойника), с точки зрения наиболее эффективного осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий (организационных и тактических), поиску экономических и эффективных мер предупреждения преступности, предполагающих оптимальное их сочетание в рамках доступных обществу ресурсов на региональном уровне (Республики Татарстан).

В оперативно-розыском аспекте характеристика лиц, совершающих преступления против собственности наиболее четко выражены социологический, психологический и криминологический подходы. Иными словами, сведения, содержащиеся в этих характеристиках интерпретируются с позиции целей оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, это во-первых. И, во-вторых, в некоторых случаях такие сведения возможно получить только в результате использования оперативно-розыскных возможностей. [3, 72]

Социологический подход к пониманию преступности и её детерминации представлен значительным количеством теорий и концепций, которые довольно трудно классифицировать, поскольку в этих научных изысканиях встречаются положения, построенные на

различных методологических основаниях. Кроме того, справедливо подчеркивает А.Л. Салагаев, авторы изменяют свои методологические ориентации от исследования к исследованию. [11]

Не преследуя в данном исследовании цели подробной классификации теорий и концепций, объясняющих детерминацию преступности, необходимо акцентировать внимание на тех из них, которые позволяют выявить особенности социальной обусловленности преступности, в том числе против собственности на региональном уровне во взаимосвязи с социальной средой, экономическими, политическими, культурными и иными факторами. Поэтому социологический анализ преступности предполагает изучение ее взаимосвязей со всем спектром политических, экономических, демографических, социальных и иных процессов, протекающих в том или ином регионе.

В рамках социологической науки понятие «регион» предполагается рассматривать как социально-территориальную общность, которая характеризуется локализацией для неё общественных отношений.[1]. Данная социально-территориальная общность выступает как совокупность людей, объединяемая определенными социальными связями на определенной территории, выступающей в качестве главной предпосылки формирования общих интересов и характеризующаяся комплексностью социально-экономических условий жизнедеятельности. Такое понимание региона создает возможность анализировать социальные процессы, протекающие в нем, исходя из территориальных особенностей исторического и культурного развития той или иной общности, проживающей на определенной территории.

В основе складывания социально-территориальной общности лежит неоднородность социально-экономических условий жизни людей. А это, в свою очередь, определяет неравномерное развитие различных регионов. Следовательно, в разных регионах Российской Федерации фиксируются существенные различия в структуре и уровне преступности против собственности, что предполагает более обоснованно изучать социально-криминогенные процессы в обществе через анализ конкретных региональных особенностей проявления этих процессов.

Изучение преступности на региональном уровне во взаимосвязи с социальной средой, экономическими, политическими, культурными и иными факторами дает возможность выявления и прогнозирования неравномерности в состоянии и динамике преступности по регионам, выработки эффективных мер по предупреждению преступности путем

целенаправленного воздействия на факторы, детерминирующие криминогенную активность населения региона, дифференцировать борьбу с преступностью в конкретных условиях.

Следует отметить, что Республика Татарстан выделяется как один из политически, экономически стабильных регионов Российской Федерации, обладающий мощным экономическим, политическим, социальным и людским потенциалом. Соотношение городского и сельского населения составляет, соответственно, 73,7% и 26,3%. Экономика республики сориентирована в основном на нефте- и газодобычу, переработку нефти, развитие машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства. На территории республики расположены такие гиганты как АО «КамАЗ» в г. Набережные Челны, объединение «Татнефть» в г. Альметьевске, АО «Нижнекамскнефтехим» в г. Нижнекамске, Особая Экономическая Зона в г. Елабуге и ряд других.

Еще одной составляющей социального портрета республики, непосредственно влияющей на криминогенную обстановку, являются функционирующие на её территории 17 исправительных учреждений с общей численностью свыше 20 тысяч осужденных и подследственных.

Социологический анализ развития Татарстана показывает социальные истоки состояния современной преступности в республике. В связи с освоением нефтяных районов юго-восточной части региона в 50-х годах и образования там молодых городов Альметьевск, Лениногорск, Бавлы, Набережные Челны в республике стала увеличиваться городская группа населения за счет сельских жителей республики. В результате этого, начиная со второй половины 60-х годов, Республика Татарстан стала регионом с преобладанием молодых городов.

Массовый приток населения, съехавшегося из разных концов страны, различающегося интересами, ценностными установками и моральными нормами, обусловил в индустриально-развивающихся центрах республики соответствующий общественно-политический и нравственный климат, отличающийся повышенной социально-психологической напряженностью в отношениях между людьми. Неразвитость позитивной городской субкультуры, малый «культурный слой» (прежде всего интеллигенции) среди населения этих городов, низкий удельный вес старших возрастных групп с присущими им устойчивыми социокультурными ориентациями облегчили формирование субкультуры преступной среды. [13, 67]

Исследуя региональные черты личности преступников, совершающих преступления против собственности, следует учитывать, что её особенности проявляются и на местном уровне: городе, районе,

поселке. Основная масса преступлений против собственности приходится на крупные города.

Города Казань и Набережные Челны определяют сегодня социально-криминогенную обстановку в Татарстане, формируют соответствующий общественно-политический и нравственный климат. В них проживает почти 45% населения республики, на долю которых приходится 58% совершаемых преступлений.

Уровень преступности против собственности относительно одинаков на всей территории города, хотя её структура несколько различается в его районах. Так, в Приволжском и Советском районах высок уровень насильственных и корыстно-насильственных преступлений, в Ново-Савиновском – квартирных краж. Эти различия детерминированы как социально-экономическими, культурными, бытовыми особенностями жизни населения этих районов, так и криминальными традициями, устоявшимися и закрепившимися в криминальной среде, которые формируют определённый стиль криминального поведения.

Таким образом, мощный всплеск индустриализации и урбанизации в 70-80 годов XX века инициировал высокую миграцию сельского населения в города, интенсивные процессы маргинализации общественной жизни, вызвал серьёзные деформации в социальной структуре региона и обусловил особенности социально-криминогенных процессов в республике.

В результате за последние 15 лет (1990-2005 гг.) почти в два раза (+83%) возросло количество зарегистрированных преступлений, в том числе в два раза – относящихся к категории тяжких (+107%).

По преступлениям против собственности динамика выглядит следующим образом: рост грабежей произошёл более чем в три раза (+225%), разбоев в два раза (+121%), краж – почти в 7,5 раз (+645%).

В рамках психологического подхода выделяется совокупность психопатических концепций, объясняющих преступление наличием гипотетической группы черт личности, ведущих её к преступному поведению. Таким образом, психологический подход сосредотачивает внимание на таких чертах и особенностях, которые более или менее определяют ядро личности, весь психический облик индивида.

Личность корыстно-насильственного преступника представляет собой особый социальный и психологический тип, отличающийся по целому ряду психологических особенностей от типов личности других преступников. Специфика заключается в том, что его личностная структура имеет элементы, являющиеся внутренними психологическими предпосылками возможного преступного поведения. В его духовном мире на рациональном, эмоциональном и волевом

уровнях обнаруживаются такие свойства, которые при соответствующих внешних обстоятельствах проявляются в мотивации корыстной преступной деятельности. В своей основе оно подготовлено развитием социальных и социально-психологических свойств личности. [7, 272]

Исследование психологических свойств личности преступников, совершающих кражи, грабежи и разбои, как на региональном уровне, так и в целом по стране дает представление о формировании мотива преступного поведения, выборе варианта преступного поведения, сокрытия следов преступления, обстоятельствах, сплачивающих и разъединяющих преступную группу. Более того, позволяет выявить определенные зависимости, закономерности или типичность определенных процессов, знание некоторых будет способствовать правильному определению стратегии и тактики осуществления их оперативной разработки.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что большая часть указанных преступлений совершается в группе, в 35% случаев преступная группа состояла из двух человек, в 40% случаев из трех, в 20% – из четырех и более.

Все чаще в практической деятельности оперативных подразделений МВД по Республике Татарстан встречаются случаи, когда члены преступной группы, совершившие кражи, грабежи и разбой, положительно характеризовались по месту жительства, учебы и работы.

В каждой преступной группе складывается свой психологический микроклимат и межличностные отношения, но характер совершаемых преступлений, тяжесть наступивших последствий, размер нанесенного материального ущерба оказывают определенное воздействие, которое делает группу сплоченнее, а отношения между членами группы взаимозависящими, настороженными, что, в свою очередь, обуславливает индивидуальные качества каждого и подчиняет их сложившейся психологии преступной группы.

Преступные группы, возглавляемые ранее судимыми, авторитетами криминальной среды, отличались организованностью, а их преступные связи – устойчивостью.

Так, в Казани, Набережных Челнах в сравнении с другими городами республики исторически сложилась и развивается иная уголовно-профессиональная среда, отличающаяся развитым групповым характером и организованностью, преемственностью устойчивых воровских, корыстно-насильственных традиций. Казанским группировкам присуща довольно строгая статусная иерархия, влияющая на ограничение их численности, которая регулируется в

результате строгого отбора подростков со стороны особо авторитетного активного ядра криминальных группировок. Здесь подчеркнута выражен смешанный характер подростково-молодежных группировок. Согласно официальным статистическим данным МВД по РТ, доля лиц, достигших совершеннолетия, составляет в них примерно 18% от общей численности указанных группировок. Примечательно отметить то, что в данных группировках существуют самостоятельные взрослые подгруппы, в функции которых входит организация, планирование и осуществление наиболее сложных преступлений, а также управление группировкой в целом.

Из этого следует, что при изучении психологических свойств личности необходимо выяснить морально-психологические устои личности, определяющих их жизненную позицию, их отношение к различным сторонам действительности.

Таким образом, психологический подход исследует не столько преступность как явление, сколько преступное поведение отдельных индивидов, выявляет у преступников высокий уровень импульсивности, чувствительности, ярко выраженную агрессивность.

С позиции уголовно-правовой оценки криминологический подход нацелен на изучение личности преступника, а также преступности как социально-правового явления, характеризующегося определенными закономерностями и количественно-качественными характеристиками, влекущего отрицательные для личности, общества государства последствия и требующие специфических государственных мер контроля за ним.

Изучение личности преступника корыстно-насильственной направленности не самоцель, а средство обеспечения эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам оперативных разработок. Иными словами, данные о личности преступника служат информационной основой для начала и ведения оперативных разработок.

Анализ оперативно-розыскной характеристики личности преступника корыстно-насильственной направленности позволяет выделить наиболее криминогенно-активные возрастные группы. При этом следует исходить из того верного, на наш взгляд, положения, что «Возрастные особенности существенно влияют на характер взаимоотношений индивида с окружающей средой, на формирование мировоззрения, выработку системы ценностных ориентаций, но вместе с тем, нередко сопровождается неустойчивостью поведения, которое может разрешаться в сторону морально несостоятельных жизненных устремлений». [5,167]

Следует отметить, что лица, совершающие преступления против собственности, весьма существенно отличаются друг от друга по социально-демографическим и иным признакам.

Исследование личности преступников показывает, в первую очередь подразделениям уголовного розыска, что самая многочисленная группа преступников представлена возрастом от 18 до 35 лет, которые составляют 35%. Для этой категории преступников наиболее характерно совершение таких преступлений, как кража из квартир граждан (35%), грабежи (28,5%) и разбойные нападения (21%). Еще более весомой оказалась в общей совокупности воров возрастная группа 30-35 лет (свыше 40%). В подавляющем большинстве лица, совершившие кражи, грабежи и разбои – местные уроженцы или местные жители. По данным выборочных исследований, до 80% преступлений против собственности совершалось местными жителями.

Особенно выделяется группа молодежно-подросткового возраста 14-18 лет, «пораженность» которой кражами в три раза выше других возрастных групп. *[Здесь и далее представлены результаты выборочного исследования и обобщения данных ИЦ МВД по РТ, ГИАЦ МВД России].*

На сегодняшний день подростки представляют собой одну из наиболее криминально активных частей населения республики.

В целом по республике в структуре преступности несовершеннолетних преобладают преступления корыстно-насильственной направленности, причем около 42% приходится на кражи, а 22% – на грабежи. В настоящее время на территории республики органами внутренних дел выявлено 100 противоправных формирований молодежи, в рядах которых активное участие принимают более 1600 несовершеннолетних. В Казани эта проблема тесно связана с заселением районов новостроек жителями из так называемого «ветхого жилья». Группы молодежи из числа переселенцев консолидируются, провоцируют столкновения с местными подростками, делят территории на сферы влияния и т.д.

Следующим важным признаком оперативно-розыскной характеристики личности преступника является половой признак.

Как показывают исследования, преступления против собственности в Татарстане в основном совершают мужчины. Самая высокая доля женщин среди воров (8-10%), грабежи и разбои в 90-95% случаев – мужчины. При этом следует отметить, что соотношение участия мужчин и женщин в указанных противоправных деяниях остается почти неизменным. Данное положение можно объяснить, прежде всего, социально-психологическим статусом мужчин, которые в отличие от женщин больше склонны к (злоупотреблению)

употреблению алкогольными напитками, наркотическими средствами. Женщины, как правило, законопослушнее, их роль в совершении корыстно-насильственных преступлений сводится к соучастию с мужчинами.

Большую группу из числа выявленных лиц, совершивших кражи, грабежи и разбои, составляли лица, не занятые трудовой деятельностью. По материалам изученных дел эта категория людей составляла 38%. Наиболее высокий процент среди лиц, совершивших кражи, грабежи и разбои с проникновением в жилище граждан 45% неработающих и неучившихся, особенно из числа молодежи.

Рецидивная преступность также является одним из определяющих оперативно-розыскную характеристику.

Систематизация, анализ и учет данных о преступной деятельности в прошлом подразделениям уголовного розыска создает объективные предпосылки для прогнозирования возможностей совершения корыстных преступлений, способствует более глубокому анализу личности преступника, причин преступной деятельности, научному предвидению возможностей такой деятельности и разработке конкретных мер оперативно-профилактического характера, применяемых к преступникам.

Необходимо отметить, что удельный вес ранее судимых среди лиц, совершивших преступления против собственности (кражи, грабежи и разбои), значителен. В некоторых случаях доля судимых ранее за однородные преступления превышала 50%, но в общей изученной совокупности воров и грабителей преобладали все-таки несудимые. Среди ранее судимых 47% не имели определенных занятий, 20% – не имели определенного места жительства. Характерно, что, отбыв наказание за первое преступление, 35% обследованных воров и грабителей в течение года вновь совершили преступления. Большинство ранее судимых за преступления против собственности (около 65%) были впервые осуждены в несовершеннолетнем возрасте.

Реальная картина на сегодняшний день такова - практически каждый третий из числа освобожденных из мест лишения свободы утратил родственные связи, нуждается в трудовом и бытовом устройстве, материальной и медицинской помощи. Не имея жилья, средств к существованию, сталкиваясь с трудностями при трудоустройстве, многие из них снова встают на путь совершения преступлений. Так, в период с 2000 по 2005 гг. данной категорией граждан ежегодно в среднем совершалось около 12 тысяч преступлений. При этом, если в период до 2002 года на их долю в среднем приходилось до четверти от всех регистрируемых преступлений, то начиная с 2003

года ситуация стала обостряться и к 2005 году ранее судимыми совершается практически каждое третье преступление.

Повышенная общественная опасность рассматриваемого контингента ранее судимых выражается не только в повторном совершении ими умышленных преступлений, не только в том, что почти каждый третий из них вновь совершает преступное деяние в течение первого года после освобождения из мест лишения свободы, но и в том, что под их влиянием определенная часть несовершеннолетних и молодежи становится на путь совершения преступлений.

Оперативным подразделениям уголовного розыска следует обратить внимание на такую особенность оперативно-розыскной характеристики преступлений против личности как совершение преступлений в группе.

Совершившие кражу, грабеж и разбой в группе, согласно данным исследований, составляли от 32 до 57%. Около трети соучастников – жители одного дома, улицы, микрорайона, особенно это касается краж, четвертая часть – знакома по совместной работе, учебе, характерна для грабежей и разбоев.

Необходимо отметить совершение грабежей и разбойных нападений в отношении водителей автотранспорта в группе.

Большинство таких преступлений совершается группами (85%). Из них группой из 2-4 человек – в 50% случаев; группой из 5-7 человек – в 20% случаев; группой свыше 7 человек – в 6 % случаев. В 29% случаев преступления совершались в пределах различных населенных пунктов. В этом случае, специфической особенностью грабежей и разбоев в отношении водителей автотранспорта, происшедших на загородных автотрассах, является их совершение хорошо организованными, вооруженными группами, имевшими в своем распоряжении автотранспортные средства. При этом преступления, совершенные одним лицом, произошли в крупных населенных пунктах, как правило, они были совершены спонтанно, без какой-либо предварительной подготовки (25% случаев).

Большинство таких преступлений (85%) совершается в условиях неочевидности. В этой связи складывается неблагоприятная ситуация, характеризующаяся незначительным объемом информации, полученной со слов заявителя (потерпевшего) по телефону либо письменно.

Важной особенностью социально-демографического признака является образование. Данные об образовании лиц, совершивших кражи, грабежи и разбой свидетельствует о возросшем образовательном уровне преступников, что не могло сказаться на их интеллектуальном

уровне развития, влияющем на круг интересов и потребностей, времяпровождение и поведение. Тем не менее, следует отметить низкий образовательный уровень среди лиц, ранее судимых за преступления против собственности (30%).

Бытующее мнение о низком образовательном уровне квартирных воров не в полной мере отражает истинное положение дел. Анализ показывает, что 40% из них имели среднее образование, более половины – незаконченное среднее. Встречаются квартирные воры с высшим и незаконченным высшим образованием.

Общеизвестно, что в раскрытии многих преступлений, в том числе краж, грабежей и разбоев больше возможности у оперативных подразделений органов внутренних дел. Посредством оперативно-розыскных мероприятий можно уточнить круг лиц, бывших на месте происшествия или около него во время разбойного нападения, либо непосредственно до или после него.

Эти же мероприятия можно широко проводить для выявления мотивации преступного поведения и состояния преступника в момент совершения преступления.

Мотив – это внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить определенное действие и руководят им при его осуществлении. Психическая энергия мотива способна превращаться в волевою и порождать определенные действия людей. В этом смысле мотив становится «двигателем» поведения и стимулирует волевою активность человека. [10, 128]

Мотив является не только компонентом преступного поведения, но и элементом определенной установки личности. Как отмечал А.Ф. Кони: «Судом всегда судится не отдельный поступок подсудимого, но и его личность, насколько она проявилась в известном противозаконном поступке». [6, 345]

Мотиву и цели принадлежит серьезная роль, связанная не только в правильности квалификации преступлений, но и в том, что в достаточной степени ориентирует оперативного работника уголовного розыска на необходимость проверки определенного круга лиц, причастных к преступлению, а иногда прямо указывает на конкретное лицо.

Сопоставление всех факторов, характеризующих преступное поведение, уяснение их взаимосвязи и взаимообусловленности способствует, как правило, распознаванию мотивов преступления, отсутствие их снижает эффективность поиска преступников, расширяет круг оперативно-розыскных версий, а соответственно и мероприятий, проводимых подразделениями уголовного розыска.

Как показывает анализ, общие детерминанты корыстной и корыстно-насильственной преступности коренятся в противоречиях общественного развития, в крайне неблагоприятных тенденциях в экономике и политике и, прежде всего, в силу реально существующих кризисных явлений, недостатках социально-духовной сферы.

В качестве основных факторов, порождающих совершение преступлений против собственности, выступают следующие:

- формирование корыстно-паразитической мотивации в семейно-бытовой среде, по месту работы и учебы;
- деформация досугово-бытовых интересов, потребностей, привычек, выражающаяся в стремлении к алкоголю и наркотикам, и деградация личности на этой основе;
- распространение и внедрение психологии, вещизма, накопительства, корыстолюбия;
- потребительски-эгоистическая атмосфера, как и атмосфера насилия в микросреде;
- низкий уровень культуры, сознательности, нравственности лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Приведенная характеристика лиц, участвовавших в совершении преступлений против собственности по их возрасту, роду занятий, социальному положению, образованию, профессиональной подготовке, месту жительства и работы, наличию судимостей, имеет важное значение для сотрудников уголовного розыска, поскольку дает возможность более конкретно планировать оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению и раскрытию преступлений против собственности, ориентируясь на вполне определенные группы населения.

Литература:

1. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов.- М.,1987.
2. Антонян Ю.М. Теория личности преступника. М.: Академия МВД СССР, 1976.
3. Блинов Ю.С., Макеев М.С. Организация и тактика раскрытия аппаратами уголовного розыска корыстных преступлений, совершенных иностранными гражданами. Учебное пособие. - Калининград. Калининградский юридический институт МВД России. 2001. - 72 с.
4. Долгова А.И. Преступления и личность преступника в свете изучения причин преступности. //Вопросы борьбы с преступностью. Вып. N 30, М.: Юрид. лит, 1979.
5. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, Горьковская ВШ МВД СССР, 1974. - С. 167.
6. Кони А.Ф. Собр. Соч., т.1. М., 1966, с.345.

7. Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступлений: Учебно-методическое пособие/ Под общ. ред. Проф. П.П. Баранова.-2е изд.стереотип.-М.: ЦОКР МВД России.2006.- 272с.
8. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Юрид. лит. 1976.
9. Личность преступника. - М.: Юрид. лит., 1975.
10. Петелин Б.Я. Установление мотива и цели преступления. М., изд. ВНИИ МВД СССР, 1978, с.128.
11. Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и деликвентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань,1997.
12. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел.- М.: МВШМ МВД СССР, 1984.
13. Фатхуллин Н.С. Челнинский феномен: опасность возрастает // Идел. -1993.-№3-С .67.

Селивановская Ю.И.

кандидат юридических наук, доцент
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЛУЧАЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ЗАЙМА

Анализ современного состояния российской экономики показывает, что одним из наиболее уязвимых ее звеньев оказалась сфера банковских отношений. Общественная опасность незаконной банковской деятельности (ст. 172 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)) преступления заключается в попрании законного характера банковской деятельности, в выводе последней из-под контроля государства, в причинении ущерба последнему посредством неуплаты налогов. Часто незаконная банковская деятельность причиняет ущерб также значительным массам населения.

Незаконная банковская деятельность, отмечает Р.О. Рогалев, состоит в том, что субъект, действуя через какую-либо организацию, либо прикрываясь ею, проводит банковские операции, игнорируя существующий порядок разрешения такого рода деятельности и/или контроля за ее осуществлением и действуя вне банковской системы с фактическим использованием ее возможностей [11, 37-44]. Сфера применения статьи 172 УК РФ, по мнению Б.Д. Завидова, - деятельность предпринимательских структур, незаконно осуществляющих законодательно регламентированные виды банковской деятельности (банковские операции). Такими структурами, в частности, могут быть

учрежденные на законных основаниях юридические лица, но не имеющие права на банковскую деятельность; незаконно действующие организации (квазибанки и квазикредитные учреждения); легитимные кредитные учреждения, вышедшие за пределы полученного разрешения (лицензии) [6, 27-49]. Т.А. Устинова определяет, какая банковская деятельность является незаконной [12, 14-19].

Объективная сторона незаконной банковской деятельности выражается в трех формах: 1. Осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации; 2. Осуществление ее без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение обязательно; 3. Осуществление банковской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий.

Соответственно для решения вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение незаконной банковской деятельности необходимо выяснить, совершает ли юридическое лицо банковские операции при отсутствии лицензии на осуществление подобной деятельности.

В соответствие со ст. 5 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности» [13] к банковским операциям относится размещение привлеченных денежных средств физических и юридических лиц от своего имени и за свой счет. Под размещением (предоставлением) банком денежных средств понимается заключение между банком и клиентом банка договора, составленного с учетом требований Гражданского кодекса Российской Федерации (п. 1.2 Положения ЦБР от 31 августа 1998 г. N 54-П «О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения)» [9]). Таким образом, к банковским операциям относится банковское кредитование, то есть передача банком денежных средств на условиях платности, срочности и возвратности. Такие отношения между банком и клиентом банка (физическим или юридическим лицом) оформляются кредитным договором.

Банк как разновидность кредитной организации имеет исключительное право совершать банковские операции (ст. 1 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности»). Следовательно, если передачу денежных средств на условиях платности, срочности и возвратности осуществляет юридическое лицо, не имеющее лицензию Центрального банка РФ, то подобные действия юридического лица следует квалифицировать как незаконную банковскую деятельность.

Однако, обратившись к гражданскому законодательству РФ, мы видим, что существует помимо кредитного договора еще и договор

займа, сутью которого является передача одной стороной другой денег на условиях возвратности. Договор займа может быть срочным и платным. Кредитный договор является разновидностью договора займа. Сторонами договора займа могут выступать любые субъекты гражданского права. Как заемщиком, так и займодавцем могут быть физические и юридические лица.

В связи с этим возникает вопрос, как оценивать ситуацию, когда юридическое лицо выдает денежные средства на условиях возвратности, срочности и платности юридическим и физическим лицами, но при этом не имеет банковскую лицензию. Действия граждан и юридических лиц по систематическому предоставлению процентных займов находятся в опасной близости от состава правонарушения, предусмотренного в ст. 172 УК РФ, установившей ответственность за незаконную банковскую деятельность, т.е. за выполнение банковских операций без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда наличие лицензии обязательно. Т.Е. Абова и А.Ю. Кабалкин отмечают, что гражданско-правовые положения о займе не ставят никаких препятствий к систематическому предоставлению лицами, не относящимися к числу банков и иных кредитных организаций, возмездных (с уплатой процентов) займов. Однако это обстоятельство лишний раз свидетельствует об отсутствии должной связи между гражданским и уголовным законодательством [7].

Для ответа на вопрос о том, является ли деятельность организации, при которой она берет где-либо заем (кредит) и передает его другой организации под большой процент банковскими операциями, необходимо разграничить договор займа и кредитный договор.

Многие авторы указывают, что отличительной особенностью кредитного договора по сравнению с договором займа является и то, что кредитором может выступать только банк или кредитная организация [3]. Однако в нашей ситуации это обстоятельство не дает ответа на поставленный вопрос.

Предметом договора займа могут быть денежные средства и другие вещи, определенные родовыми признаками (ст. 807 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Предметом кредитного договора могут быть только денежные средства (ст. 819 ГК РФ). К. Поничев отмечает, что как видно из определения договора займа, действующее законодательство признает предметом договора займа лишь вещи. Деньги могут быть вещами только тогда, когда они наличные. Безналичные же деньги не являются вещами - это право требования к банку по совершению им определенных операций [10]. Однако данная точка зрения не подтверждается гражданским

законодательством, так как §1 г. 42 ГК РФ не отграничивает возможность передачи безналичных денежных средств по договору займа.

Договор займа может быть безвозмездным, то есть беспроцентным (ст. 809 ГК РФ), а кредитный договор может быть только возмездным (ст. 819 ГК РФ). Это обстоятельство опять же не дает ответа на поставленный вопрос, так как и договор займа и кредитный договор могут быть возмездными.

В литературе встречается также мнение о том, что предметом договора займа могут быть только собственные денежные средства займодавца, а предметом кредитного договора являются привлеченные денежные средства [1].

В Федеральном законе «О банках и банковской деятельности», а именно в его статье 5, говорится, что к банковским операциям относятся: 1) привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок); 2) размещение указанных в пункте 1 части первой настоящей статьи привлеченных средств от своего имени и за свой счет.

В формулировке второй банковской операции сделана ссылка на п. 1 части первой данной статьи. А в этом пункте указаны не все привлеченные денежные средства физических и юридических лиц, а только их вклады. Выходит, что размещение только вкладов, а не любых привлеченных средств – банковская операция, которая, как сказано в этом же Федеральном законе, требует наличия банковской лицензии.

Итак, казалось бы все ясно. Если организация осуществляет банковскую операцию, то она должна получить банковскую лицензию. Но остается только доказать, что организация осуществляет банковскую операцию. В данном случае это означает, что кредит как банковская операция может считаться таковой, если есть признаки, указанные в п. 2 ст. 5 Федерального закона. То есть, организация размещает привлеченные вклады физических и юридических лиц. Но если она размещает не вклады, а другие привлеченные денежные средства, то под требования Федерального закона она уже не подпадает.

Правда в ГК РФ имеются критерии для определения того, кто может предоставить денежные средства по кредитному договору. В ч. 1 ст. 819 ГК РФ говорится, что «по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее». Получается, что кредитный договор связывается только с банком или иной кредитной организацией. А это означает, что заключить кредитный договор может

только кредитная организация. Но, ведь денежные средства могут быть предоставлены не по договору кредита, а по договору займа. И если они - собственные средства займодателя, то никаких вопросов по поводу банковской лицензии вообще не возникает. Другое дело если это заемные средства. Но опять же ограничением выступают только два вида привлеченных средств - вклады физических и юридических лиц [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что привлеченные (заемные) денежные средства могут быть предметом как кредитного договора, так и договора займа.

Обратимся к практике Высшего Арбитражного Суда РФ. В Письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 августа 1994 г. N С1-7/ОП-555 «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебнo-арбитражной практике» (п. 4) в порядке ответа на вопрос о том, необходимо ли получение лицензий на осуществление операций по кредитованию, если денежные суммы предоставляют предприятия и организации другим лицам на условиях возвратности и платности говорится следующее: «в соответствии со статьями 113 и 114 Основ гражданского законодательства по кредитному договору банк или иное лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, может предоставить кредит под определенный процент, указанный в договоре. Банки и иные кредитные учреждения, созданные собственниками для осуществления банковских операций (что должно быть указано в уставе этих учреждений), должны получить лицензию на занятие данной предпринимательской деятельностью в соответствии со статьями 1 и 11 Закона РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР». Если же подобные учреждения в нарушение Устава занимаются как предпринимательской деятельностью выдачей кредитов (независимо от того, за счет каких источников сформированы финансовые ресурсы) под проценты и на это заключают кредитные договоры без получения лицензий, такая деятельность должна признаваться не соответствующей законодательству со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда же одна организация в соответствии со статьей 113 Основ гражданского законодательства передает заемщику свои свободные средства по договору займа, а последний обязуется возвратить эту сумму, и такая деятельность прямо не запрещена законом и не носит систематического характера, получение лицензии не требуется, в том числе и в случае предоставления займа на условиях уплаты определенных процентов» [8]. Необходимо отметить, что данные разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ даны применительно к законодательству, которое в настоящее время претерпело определенные изменения.

По мнению Е.А. Суханова, «недопустимо систематическое выступление в роли займодавца юридического лица, не являющегося кредитной организацией (хотя бы и в пределах законно имеющихся у него наличных денежных сумм), поскольку деятельность по выдаче кредитов подлежит обязательному лицензированию. Названное ограничение не распространяется на получение от своих коммерческих партнеров векселей в оплату за переданное им имущество, произведенные работы или оказанные услуги, а также на предоставление им в этих случаях отсрочки или рассрочки платежа (являющихся формами коммерческого кредитования). Очевидно, что и отдельные граждане без статуса индивидуальных предпринимателей не могут систематически выступать в качестве займодавцев в возмездных договорах займа, ибо по сути, речь в таком случае шла бы о ростовщичестве [4].

«Поскольку передача денег займа не относится к разряду специфических банковских операций, – считает Д.А. Медведев, – она не требует получения лицензии Банка России. На этом строится разграничение договора займа, в котором в роли займодавца может выступать любое лицо, и кредитного договора, имеющего специальный субъектный состав, займодавцем в котором может быть только банк (кредитная организация)». Но тут же делает существенную оговорку: «Следует иметь в виду, что выдача организацией денежных средств займа (с процентами или без таковых) может считаться законной лишь в тех случаях, когда такие сделки носят эпизодический характер. Систематическая выдача кредитов в предпринимательских целях должна расцениваться в качестве банковской операции, для совершения которой требуется лицензия [5].

Вместе с тем, как известно, ограничения заемных отношений по их субъектному составу, подобные описанным, явились последствием так называемой кредитной реформы 1930-1931 гг., когда организациям было запрещено кредитовать друг друга и все народное хозяйство было переведено на прямое банковское кредитование, результатом чего было выделение договора банковской ссуды в качестве самостоятельного договора, отличного от договора займа.

В условиях свободы предпринимательской деятельности и действия принципа свободы договора, при отсутствии на то прямых указаний в законе было бы неправильно воспроизводить старые запреты и ограничения сферы применения договора займа в имущественном обороте. При этом не имеет значения, идет ли речь о полном запрете организациям кредитовать друг друга или только о запрете систематически осуществляемых заемных операций; сути дела это не

меняет: очевидно, что действующее сегодня законодательство не запрещает одним участникам имущественного оборота, не относящимся к банкам или иным кредитным организациям, предоставлять займы другим участникам имущественного оборота.

Учитывая это, можно сделать вывод, что судебная арбитражная практика допускает предоставление денежных средств по договору займа без получения лицензии на осуществление банковской деятельности.

Исходя из ст. 809 ГК РФ «проценты по договору займа» следует, что передача денежных средств по договору займа с обязанностью уплаты процентов за пользование ими, может носить систематический характер, то есть возмездный договор займа можно рассматривать как вид предпринимательской деятельности.

Однако есть еще один момент, на который стоит обратить внимание. Как с юридической точки зрения оценивать ситуацию, когда кредитная организация выдает юридическому лицу денежные средства, которые это юридическое лицо впоследствии передает по договору процентного займа, на условиях целевого использования? В частности, в кредитном договоре может быть указано, что не допускается использование кредитных средств на предоставление заемщиком займов третьим лицам. В данном случае, если юридическое лицо все же передает денежные средства по договору займа, можно говорить о нарушении договорных условий. В случае невыполнения заемщиком условия договора займа о целевом использовании суммы займа, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, если иное не предусмотрено договором (ст. 814 ГК РФ). А в соответствии с п. 2 ст. 819 ГК РФ к отношениям по кредитному договору применяются правила договора займа, если иное не предусмотрено правилами настоящего параграфа и не вытекает из существа кредитного договора. Таким образом, если заемщик использует кредитные средства не по целевому назначению, то банк имеет права, а не обязанность досрочно прекратить договор, то есть если банк не возражает против нецелевого использования кредита, то договор продолжает действовать. Уголовная же ответственность устанавливается только за использование не по прямому назначению средств государственного целевого соглашения (ч. 2 ст. 176 Уголовного кодекса РФ). Данные отношения лежат в плоскости гражданского права.

Таким образом, делаем вывод о том, что юридическое лицо может размещать привлеченные денежные средства путем заключения договора займа с физическими и юридическими лицами. Это не

является банковской операцией, и, следовательно, такое юридическое лицо не должно получать для этого банковскую лицензию. Получается, что размещение привлеченных денежных средств кредитная организация должна оформлять кредитным договором, а иные юридические лица – договором займа. Соответственно, если юридическое лицо привлекает денежные средства по кредитному договору, а в последствие передает их по договору займа, то эта деятельность не является уголовно наказуемой.

Литература:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований (Книга пятая). – М.: Статут, 2004.
2. Братко А.Г. Банковское право в России (вопросы теории и практики). - Система ГАРАНТ, 2007.
3. Васильев Ю.А. Займы и кредиты: правовое регулирование и налогообложение / Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение, 2007. - N 2.
4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. II. Полутом 2 / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – М., 2001.
5. Гражданское право: Учебник. Ч. II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2004.
6. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ незаконной предпринимательской и банковской деятельности, воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности / Б.Д. Завидов, П.В. Зотов, И.А. Попов / Адвокат, 2003. - № 2. – С. 27-49.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ: В 3 т. Т. 2. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: «Юрайт-Издат», 2006.
8. Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 августа 1994 г. N С1-7/ОП-555 «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебной-арбитражной практике» / Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1994. - N 10.
9. Положение Центрального банка РФ от 31 августа 1998 г. N 54-П «О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения)» (в ред. от 27 июля 2001г.).
10. Проничев К. Является ли банковскими операциями деятельность организации, при которой она берет где-либо заем (кредит) и передает его другой организации под большой процент? / Московский бухгалтер, 2006. - N 16.
11. Рогалев Р.О. Проблемы ответственности за преступления в сфере банковской деятельности / Р.О. Рогалев / Журнал российского права, 2003. - № 10. – С. 37-44.
12. Устинова Т.А. Ответственность за незаконную предпринимательскую и банковскую деятельность / Т.А. Устинова / Законность, 1999. - № 7. – С. 14-19.
13. Федеральный закон РФ от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 8 апреля 2008 г.).

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ» КАК ИСТОЧНИКА РОССИЙСКОГО ПРАВА

В настоящее время в России начался новый этап развития судебной практики как правового явления, начало которому положила Конституция РФ 1993 г., законодательно закрепившая разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Соответственно, судебная деятельность в Российской Федерации является проявлением правовой политики государства. Последовательное проведение принципа разделения властей поставило судебную власть в новые правовые условия. Изменилась ее роль в обществе, сама судебная власть структурно стала иной. Это не могло не изменить место судебной практики в российской правовой системе, степень ее влияния на правотворческий процесс, на правовое регулирование.

Актуальность вопроса о существовании судебного прецедента как источника российского права определяется тем, что до настоящего момента нет ответа на вопрос о том, что представляет собой судебный прецедент и о применимости судебной практики в российском судопроизводстве. Ответ на вопрос о применимости судебного прецедента в российском гражданском судопроизводстве имеет принципиальное значение, особенно потому, что российские правоведы до сих пор дают на него различные, в том числе, прямо противоположные ответы.

Статья 10 Конституции РФ [1] предусматривает, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Разделение властей рассматривается как необходимое условие существования правового государства. Сущность теории правового государства можно выразить словами В. Гессена: «Правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридической нормы. Правовое государство в своей деятельности, в осуществлении правительственных и судебных функций связано и ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним» [6, 12]. Только при реальном

действии системы «сдержек и противовесов» можно говорить о государстве, где приоритет отдается защите прав и интересов личности.

Не последнюю роль в этом играет и судебная власть. В нашем государстве судебная власть, как одна из ветвей государственной власти. Очень долгое время в нашей стране теория правового государства и, в частности, разделения властей, как один из признаков существования такого государства, отрицалась, хотя многие ученые дореволюционной России высказывались в поддержку данной теории.

В теории процессуального права возникает проблема о сущности судебной власти, выделении ее признаков, выяснении ее функций. Данная проблема становится предметом исследования многих ученых-процессуалистов [3, 14].

Говоря о судебной власти, Т.А. Савельева справедливо отмечает, что понятия «судебная власть» и «правосудие» не идентичны. Правосудие – это «самостоятельный, независимый вид государственной деятельности по реализации судебной власти путем осуществления конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Правосудие – форма реализации судебной власти и средство ее проявления [15, 15].

А. В. Цихоцкий видит назначение судебной власти как «посредника в спорах между субъектами права» [19, 43-48]. При этом он отмечает, что сущность судебной власти, ее социальное назначение проявляются в ее функциях.

В соответствии со ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе в Российской Федерации», правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и данным Федеральным конституционным законом. В Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судья субъектов РФ, составляющие судебную систему Российской Федерации. К федеральным судам относятся:

- Конституционный суд РФ;
- Верховный Суд РФ, Верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономных областей и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции;
- Высший Арбитражный Суд РФ, федеральные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов РФ, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

К судам субъектов РФ относятся конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ. Данные органы судебной власти занимаются правоприменением.

В теории государства и права применение права определяется как «властная деятельность компетентных органов и лиц по подготовке и принятию индивидуальных решений по юридическому делу на основе юридических фактов и конкретных правовых норм» [18, 382] и как «приложение закона, общих правовых норм к конкретным лицам, конкретным обстоятельствам» [14, 210].

Правоприменение осуществляется судами при рассмотрении конкретных гражданских, уголовных, административных дел и, как справедливо отмечает Л. С. Самсонова, правоприменение нельзя рассматривать как одну из форм реализации юридических норм, расположенную в одном ряду с соблюдением, использованием и исполнением. Правоприменение, прежде всего, отодвинуто во времени от исполнения, соблюдения и использования. Оно возникает там, где нарушен один из названных способов реализации. Существует правоприменение не рядом (параллельно) с соблюдением, исполнением и использованием, а как бы внутри них [16, 7-8].

Применение права имеет следующие признаки:

- 1) осуществляется органами или должностными лицами, наделенными функциями государственной власти;
- 2) имеет индивидуальный характер;
- 3) направлено на установление конкретных правовых последствий – субъективных прав, обязанностей, ответственности;
- 4) реализуется в специально предусмотренных процессуальных формах;
- 5) завершается вынесением индивидуального юридического решения.

Как отмечал известный русский ученый-правовед Е.В. Васьковский, применение на практике законов, как и других юридических норм, заключается в подведении частных случаев жизни под предусматривающие их в общей форме постановления. Применение законов на практике охватывает четыре основных вопроса:

- 1) юридический анализ конкретных случаев, подлежащих разрешению;
- 2) критику подлинности норм;
- 3) толкование норм;
- 4) логическое развитие их [5, 6-8].

В юридической литературе нет единого мнения в определении понятия «судебная практика» [20, 340-341].

Так, С.С. Алексеев рассматривает юридическую практику как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов» [2, 340-341].

С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров выдвинули положение о том, что «судебная практика как итог судебной деятельности есть результат толкования норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют её в форме определенных положений своеобразного нормативного характера – правоположений.

Судебная практика представляет собой единство: а) того вида судебной деятельности по применению правовых норм, который связан с выработкой правоположений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях их конкретизации и детализации; б) специфического результата, итога этой деятельности самих правоположений» [4, 16-17].

В отличие от С.С. Алексеева, С.Н. Братусь [17, 8] к судебной практике относит только те решения суда, которые содержат толкования закона по принципиальным или важным вопросам правового регламента или содержат новые регулятивные положения.

А.В. Цихотский дает следующее определение судебной практике по гражданским делам: «Это обобщенный результат деятельности судов по применению права при рассмотрении гражданских дел [19, 164].

К.И. Комиссаров относит судебную практику к области правоприменения и утверждает, что «судебная практика – в любом случае – область правоприменения, правоприменительный процесс и его результат. Вся деятельность по осуществлению правосудия (а не какая-то ее часть) охватывается понятием судебной практики» [13, 25-27].

В.М. Жуйков рассматривает судебную практику по гражданским делам как «деятельность судов по применению законодательства при рассмотрении конкретных гражданских дел и как использование опыта и результатов этой деятельности» [10, 5].

Н.Д. Егоров понимает судебную практику как «многократное единообразное решение судами одной и той же категории дел» [7, 36].

Анализируя приведенные ранее точки зрения в отношении понятия судебного прецедента, можно сделать вывод о том, что одни ученые рассматривают в качестве судебной практики все судебные решения всех судебных инстанций, в том числе и постановления

Пленума Верховного Суда РФ (С.С. Алексеев, А.В. Цихотский), хотя некоторые ученые (К.И. Комиссаров) весьма условно относят руководящие разъяснения Пленума к судебной практике, другие же ограничивают судебную практику только теми судебными решениями, руководящими разъяснениями высших судебных инстанций, которые формулируют правовоположения (С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, В.М. Жуйков, А.М. Гурвич).

На протяжении многих лет в теории права, да и в науке процессуального права нерешенным является вопрос о соотношении правотворчества и правоприменения в деятельности судебных органов, в том числе открытым остается и вопрос о том, является ли судебная практика только областью правоприменения или же, помимо правоприменительных функций, ей свойственны и правотворческие функции, вследствие чего судебная практика рассматривается как источник права.

В зависимости от ответа на поставленный вопрос можно выделить две позиции. Одни авторы считают судебную практику источником права и даже выдвигают предложения законодательно закрепить ее в качестве таковой (С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, А.В. Цихотский, В.В. Яров, И.В. Решетникова, Г.А. Жилин, В.М. Жуйков, Л.С. Самсонова, Р.З. Лившиц и др.), другие же, не отрицая роли судебной практики в формировании законодательства, не рассматривают ее качестве источника (С.С. Алексеев, К.И. Комиссаров, Т.А. Савельева).

В обоснование своих доводов сторонники признания за судебной практикой источника права выдвигают следующие доводы.

Г.А. Жилин указывает, что «новый тип правопонимания требует и объективного осмысления роли судебной практики в правовом регулировании. И было бы вполне очевидным, что официальные опубликованные постановления вышестоящих судебных инстанций фактически исполняли роль источника прав. Возложение же на суды обязанности применять при разрешении конкретных дел лишь правовые законы и иные нормативные акты, наделение их полномочиями признавать противоречащие праву нормативные акты недействительными, еще более обнажили эту проблему. Вполне возможным в современных условиях было бы легализовать правовоположения судебной практики в качестве источника права» [9, 43].

Р.З. Лившиц называет суд «идеальным органом, разрешающим ситуации, которые остаются не урегулированными на законодательном уровне и соответственно принимает судебную практику в виде постановлений вышестоящих инстанций, в качестве источника права,

хотя в перспективе он признает за отдельными судебными решениями силу правовой нормы» [12, 50-51].

Обобщая изложенные мнения, хотелось бы подчеркнуть, что все из указанных выше авторов единодушно рассматривают в качестве источника права судебный прецедент (или выдвигают предложения о закреплении его в качестве такового). Признавая за судами правотворческие функции, данная группа ученых высказывает мнение и о необходимости признания в качестве источника права судебного прецедента.

Анализируя данную проблему, можно выделить следующие моменты, встречающиеся в практике применения судами действующего законодательства, которые очень похожи на ситуацию «рождения прецедента», а именно:

- 1) разрешение гражданских дел при наличии «пробелов» в праве;
- 2) решения по конкретным делам высших судебных инстанций;
- 3) разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Большинство авторов – сторонники признания за судебной властью правотворческих функций рассматривают именно эти ситуации, когда суд не только применяет, но и творит право. Ни в одном из этих случаев суд не выходит за рамки применения права. В первых двух случаях суд выполняет функцию осуществления правосудия, т.е. разрешает какой-то материальный спор по существу. В последнем высшая судебная инстанция дает толкование действующего законодательства, разъясняет нижестоящим судам практику применения того или иного законодательного акта. Не отрицая влияния судебной практики на правотворчество, необходимо все же признать, что судебная практика – это область правоприменения, это результат осуществления судами правосудия [13, 32].

Следующее направление взаимодействия правоприменительной деятельности судебных органов и правотворчества заключается в том, что законодателю по разным причинам не всегда удается «перекрыть» системой регулятивных правил все поле социального взаимодействия. Иногда между «соседними» нормами оказывается более или менее значительная «пограничная зона», т.е. «пробел». В процессе реализации юридических норм отрабатывается единственно правильное их истолкование, лучше просматривается эффективность конкретных предписаний, улавливаются их плюсы и минусы, выявляются «пробелы» в праве, а значит, законодателю облегчается возможность увидеть просчеты в нормировании общественных отношений. Отсюда следует, что практика помогает ему обнаружить «пробелы» в праве, а значит, законодателю облегчается возможность увидеть просчеты в

нормировании общественных отношений. Отсюда следует, что практика помогает ему обнаружить власть неурегулированных отношений и найти оптимальный вариант устранения «пробела».

Еще одно направление взаимодействия правоприменительной практики и правотворчества, по мнению С.К. Загайновой, заключается в том, что в общественном развитии могут возникать такие совершенно новые явления, которые законодателем в своё время не предвиделись. Практика здесь содействует законодателю в том, чтобы своевременно заменить новые тенденции общественного развития и надлежащим образом среагировать на это [11, 80].

В литературе высказано мнение, что «эффективность судебная власть может приобретать, имея ряд предпосылок, в частности: а) установление режима независимости судей; б) установление режима самостоятельности суда; в) наделение суда правом на нормотворчество. И если для осуществления функции правосудия в большей степени важны первые из указанных предпосылок, то исполнение судебного контроля за другими ветвями власти возможно только при наличии всех трех предпосылок в совокупности» [19, 343].

Выдвигаемый авторами довод, что за судебной властью надо признавать правотворческие функции, в частности, необходимо законодательно закрепить судебную практику в качестве источника права, что поставит судебную власть на одну ступень с законодательной и исполнительной, вряд ли можно признать убедительным.

Действительно, в настоящее время происходит существенное увеличение количества рассматриваемых в судах дел, возникают новые, ранее не известные категории дел, возрастает сложность рассматриваемых дел. И если пять лет тому назад судами страны рассматривалось немногим более 1,5 млн. гражданских дел, то в 1997 г. их рассмотрено почти 4 млн., причем рост дел за последний год составил 26,9 %.

Но суды при этом не выходят за рамки правоприменения. Достаточно часто им приходится решать очень сложные вопросы, не нашедшие своего детального урегулирования в законодательстве, приходится применять право и закон по аналогии, но это не ущемляет значения судов как государственных органов. Осуществляя контроль за законодательной и исполнительной властью, судебная власть выступает своего рода арбитром, когда эти органы выступают в конфликт друг с другом, либо в роли противовеса, когда те превышают свои полномочия.

Задачей судебной власти является применять право, а не творить его. Судебная власть не становится слабее, если она не обладает

правотворчеством. Преимущества данной власти заключаются в том, что именно она способна разрешить те противоречия, которые возникают в области законотворчества и исполнения закона. Она должна урегулировать возникающие конфликты, если в результате она будет издавать не акты индивидуального применения, а постановления, имеющие нормативное содержание. На практике возникает вопрос о том, в каком органе могут обжаловаться указанные постановления. И этот вопрос не способны решить ни законодательная, ни исполнительная власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г.
2. Алексеев С.С. Общая теория права, М., 1981 г.
3. Бернаум У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданкой юрисдикции. Екатеринбург, 1996 г.
4. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и форма судебной практики. М., 1975 г.
5. Васьяковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (практич. пособие). М., 1997 г.
6. Гессен О.В. «О правовом государстве». СПб, 1915 г.
7. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.В. Толстого. М., 1996г.
8. Гурвич М.А. Судебное решение (теоретич. проблемы). М., 1976 г.
9. Жилин Г.А. Соотношение публичного и частного в деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия по гражданским делам / Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: Межвузовский сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998 г.
10. Жуйков В.М. Предисловие / Роль судебной практики в правоприменительном процессе. Судебная практика по гражданским делам (1990-1996 г.). М., 1997 г.
11. Загайнова С.Р. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002 г.
12. Лившиц Р.З. Современная теория права (очерк), М., 1992 г.
13. Комиссаров К.И. Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства / Проблемы гражданского процессуального права в свете конституции СССР: Межвузовский сб. науч. трудов.
14. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С.210.
15. Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов, 1997г.
16. Самсонова Л.С. Применение норм гражданского процессуального права: автореф. дисс.... Кандидата юрид. наук. Свердловск, 1982 г.
17. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. Братуся С.Н. М., 1975г.
18. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1998 г.
19. Цихотский А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997г.
20. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук, Л., 1965г.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

<i>Астахова А.С.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ОБРАЩЕНИЯ ИНДИВИДА В НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ	3
<i>Галеева Э.Н.</i> ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	11
<i>Ибрагимова А.С.</i> ЛИДЕРСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА СТУДЕНТА	19
<i>Ибрагимова Е.Н., Савельева Т.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОРАЗВИТИЕ СТУДЕНТА- СИХОЛОГА КАК СУБЪЕКТА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	37
<i>Казакова М.А.</i> ЧТО ФОРМИРУЕТ БРЭНДЫ? РЕКЛАМА ИЛИ PR?	43
<i>Калашишникова Г.В.</i> ПРОБЛЕМА НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ	50
<i>Караваева Н.А.</i> НАИМЕНОВАНИЯ СЛАДОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В СКАЗКЕ Р. ДАЛЯ «ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА»	58
<i>Каримова Л.Ш.</i> КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНЦИЯ» В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ	66
<i>Корнилова И.В.</i> ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ВУЗА	71
<i>Корочкина С.А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ	74
<i>Кушаева Ю.Г.</i> ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ УНИВЕРСАЛИЙ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ	77
<i>Макаров П.И., Шакиров Р.В.</i> СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ	84

<i>Низамгалиева Л.М.</i>	СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНВАЛИДОВ	86
<i>Павлова Т. Н.</i>	ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ ...	88
<i>Пачкова О.В.</i>	ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	91
<i>Пономарев К.Н.</i>	ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНА «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»	98
<i>Рузанова О.В.</i>	INTERDEPENDENCY OF TEACHER’S EFFECTIVENESS AND STUDENT LEARNING	108
<i>Савельева А.В.</i>	СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕГО СТРУКТУРЫ	113
<i>Сайфутдинова Р.И., Пушкина Н.М.</i>	ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НАРКОМАНИИ НА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	118
<i>Семенова Р.У.</i>	ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ	121
<i>Соловьева Е.Е.</i>	ИНТЕГРАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ «ГРУППЫ РИСКА» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ	129
<i>Ясонова Р.А.</i>	ПЕДАГОГ КАК «ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ»	140
Глава II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Абдурахманов Р.А.</i>	БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ РЕЗЕРВОВ ПОД СНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАПАСОВ	143
<i>Алиакберова Л.З.</i>	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЛИЯНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ	146
<i>Большакова Л.Г.</i>	АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОСТЕЙШИХ ФОРМ УЧЕТА И РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ МИНИ-СИСТЕМ В РОССИИ	155

<i>Важенина И.В.</i>	АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ АУТСОРСИНГА В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ	159
<i>Григорьев П.Н., Карсаков А.Ф.</i>	РАЗВИТИЕ МАШИННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	164
<i>Макаров П.И., Шакиров Р.В.</i>	ОЦЕНКА СТЕПЕНИ СКОЛЬЖЕНИЯ РОТАЦИОННЫХ ПОЧВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРГАНОВ	169
<i>Мусташкина Д.А.</i>	РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	174
<i>Пачков Е.К.</i>	РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ПОЛИТИКА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	177
<i>Сергеев М.П., Гафуров Ш.И.</i>	О ВЛИЯНИИ КОРРУПЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	186
<i>Тарасов В.М.</i>	ОПЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ МЕНЕДЖМЕНТА	193
<i>Цибульский В.А.</i>	СТРАХОВАНИЕ ОТ ОГНЯ И ДРУГИХ ОПАСНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ	207
 Глава III. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Абрамов Д.Н.</i>	ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	213
<i>Абрамов Н.А.</i>	КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГА	223
<i>Гарипов Р.Ф.</i>	ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ	231
<i>Гончарова Н.Н.</i>	К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН	244

<i>Димитриева Н.Т.</i>	ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ	252
<i>Жирнов А.В.</i>	ЛОББИЗМ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	256
<i>Зайнутдинов Д.Р.</i>	ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ В РОССИИ	265
<i>Миннеханова С.Х.</i>	ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОХРАНЫ ЗАРУБЕЖНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	274
<i>Рузманов А.А.</i>	ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	281
<i>Селивановская Ю.И.</i>	К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЛУЧАЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ЗАЙМА	292
<i>Ткачева Э.Н.</i>	ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ» КАК ИСТОЧНИКА РОССИЙСКОГО ПРАВА	300

Научно-практическое издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ
Выпуск 7

Научный редактор *К.Н. Пономарев*
Технический редактор, компьютерная вёрстка *М.Н. Александровой*

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Antiqua. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 17,21. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Юниверсум».
420012, г. Казань, ул. Достоевского, 10.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства Казанского государственного университета
420008, г.Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37. тел.: 233-73-59, 292-65-60